

ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА. У Бородинского моста.
Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: — Хорош стальной конь! — радуется тракторист Леонид Панов. Еще недавно Панов был шахтером, а теперь поднимает на Алтае, в Кулундинской степи, целину.

На последней странице обложки: Только вернулись новоселы-комсомольцы из степи — музыка и пляски в полевом стане. Тракторист Николай Чертилин растягивает меха баяна, а его друг Николай Кондратенко пускается в пляс.
Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

31-й год издания

13 ИЮНЯ 1954

№ 24 (1409)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ФЛАГ ПОДНЯТ НА ВАРШАВСКОМ ШОССЕ

Флаг поднят!

С этого начинается день в городском пионерском лагере 548-й и 569-й школ на Варшавском шоссе столицы, как и во всех лагерях нашей страны.

150 школьников находят себе в этом лагере дело по душе. Можно потанцевать и спеть под баян. Можно поиграть в волейбол, сразиться с товарищем в шахматы или вышить платок в прохладной тени «полосы озеленения», как называют ребята разросшиеся перед школой тополи.

А самые маленькие сосредоточенно строят сооружения из песка. Если надоест «строительство», можно покачаться на качалках, совсем как в лодке, на зеленом ковре лужайки.

За школой зеленеют большой фруктово-ягодный сад и опытный участок. Здесь 750 кустов и деревьев, и за каждым надо тщательно ухаживать. Вот когда пригодились школьные знания! В прошлом году юннаты собрали немалый урожай вишни и смородины. А сейчас всех интересует, дадут ли первые плоды молодые яблони.

Когда хорошо поработаешь, и аппетит хороший. Тем более, что вкусно кормят в столовой у шефов — на Химико-фармацевтическом заводе имени Карпова.

У ворот ребят ожидают большие автобусы: сегодня поездка за город, в лес. Малыши будут собирать цветы, разучивать стихи и песни к вечеру самодеятельности, старшие — тренироваться к районной спартакиаде.

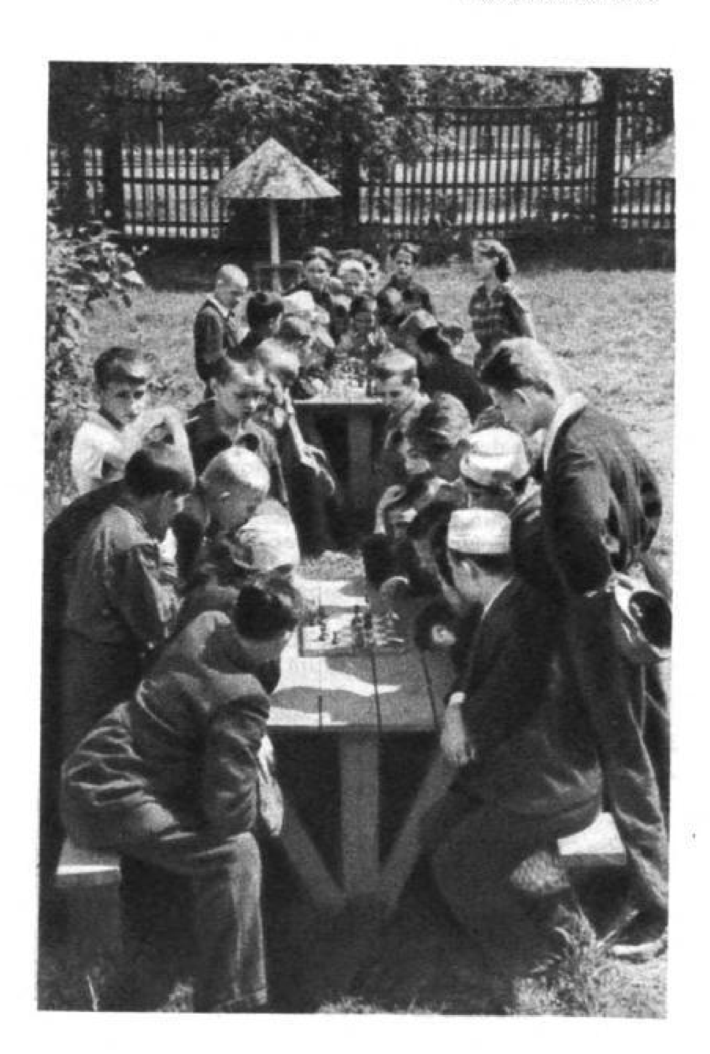
Много занимательных дел намечено у пионеров лагеря на Варшавском шоссе: занятия в кружках, сборы у костра, просмотр кинофильмов, поездки в подшефные колхозы, Праздник цветов, Праздник игр...

Интересные планы во всех 150 городских пионерских лагерях столицы.

Счастливого отдыха вам, юные ленинцы!

Е. ВЕЛТИСТОВ

Фото А. Гостева.

БЕСПОКОЙНЫЙ ХАРАКТЕР

С. КАНАНЫКИН

Из Любани в поселок Сосны, Минской области, ехали мы на грузовике. Кое-кто из моих попутчиков ехал, как и я, в колхоз имени Белорусского военного округа, но в отличие от меня они были уже знакомы с человеком, ради которого я совершал эту поездку,— с председателем колхоза Тимофеем Егоровичем Смирновым. Мне сразу стало известно это: разговор в машине шел именно о нем.

Люди в районе говорили о Смирнове по-разному. Одни хвалили его и как человека и как председателя, другие, наоборот, высказывались по его адресу не очень лестно. У моих попутчиков в этом вопросе тоже не было единодушия, и я с интересом слушал их.

Беседовали двое — молодой человек в кожаном пальто, с портфельчиком, и пожилой колхозник в помятом черном картузе. Первый нападал на Смирнова, а второй его защищал. Молодой человек говорил, что Смирнов не так уж хорош и что многие им недовольны.

— Ну, всем не угодишь! — отвечал колхозник.— Смирнов по-своему действует. Опять же и характер... Ух, прямой до чего!..

— Не прямой, а тяжелый. Тяжелый! — раздраженно сказал молодой человек в кожаном пальто.

Колхозники переглянулись, заулыбались, а один старичок, который до этого молчал, обернувшись к раздраженному молодому человеку, веско ответил:

— Ну, насчет тяжести — это кому как, а для нас — в самый раз. Дай боже, чтобы все председатели такие «тяжелые» были!.. Беспокойный он, вот что!..

Лил холодный дождь, полевые работы приостановились, и, приехав в Сосны, я был уверен, что застану Тимофея Егоровича Смирнова дома. Однако проводник мой, шустрый малыш, поднял меня на смех:

— Что вы, дядя! Он уже в бригадах давно, Тимофей-то Егорыч. Дождь ему что: взял овса из-под пояса и поехал!

— Какого... овса? — не понял я.

— А такого овса: хворостину. Погонялку хорошую! — рассмеялся малыш.— Он ведь больше на лошади ездит, Смирнов.

Малыш оказался прав: Смирнова действительно дома не оказалось.

На другой день я явился к семи утра, но опять слишком поздно: уехал Смирнов. В третий раз пришел к половине шестого и увидел во дворе грузноватого, пожилого человека, степенно садившегося на дрожки. Он задержал на мне пристальный взгляд, и уголки губ его тронула усмешка:

— А, это вы меня все ищете!.. Я Смирнов... Всегда так опаздываете?

«Пожалуй, и верно о нем говорят: тяжеловатый характер»,— подумал я.

А Смирнов рассмеялся и простодушно добавил:

— Вы не обижайтесь. Это я с недосыпу ворчу. Сплю маловато: время горячее. Попозже, вечерком приходите... Впрочем, ежели дождя не боитесь,— садитесь, поедем вместе.

Я забрался на дрожки. Смирнов тронул хворостиной коня, и мы под косым, секущим дождем выехали со двора.

На мой вопрос, почему Смирнов, недавний директор передового совхоза, неожиданно для всех оставил насиженное место, он ответил:

— Да как вам сказать.. Тесно мне показалось, не развернешься. Вот и пошел в колхоз. Здесь только поворачивайся, дела хватает! С одними бюрократами воевать — и то уже дело. Вот поглядите...

Смирнов вытащил из кармана бумажку, протянул ее мне. Это был вызов в район для обсуждения вопроса о сборе вручную витаминозных кормов для скота.

— Чем плохие ребята, а? — пряча бумажку, воскликнул Смирнов.— Одно слово — «заботники»!.. Но скажите, пожалуйста, сколько можно нарвать этих травинок вручную? Курам на смех!.. А шумят, телефон прозвонили, бумажки рассылают, людей собирают... И что хуже всего: найдутся трусоватые люди — поедут! Да еще и поддержат, пожалуй, — для пользы карьеры... Ну уж нет! Бригадира, так и быть, пошлю, а сам не поеду, хоть знаю заранее, что опять на заметку попаду.— Смирнов хлестнул коня и кончил так: — Мое решение вот какое. Пусть они там заседают, а мы послезавтра гнездовую посадку картошки начнем. Много важней, я считаю, за этим новым делом сейчас проследить.

На этом разговор прекратился. Когда выехали в поле, Смирнов неожиданно спросил:

— Как вы находите нашу озимую рожь?

— Отличная, превосходная рожь.

— А по-моему, никуда не годится... Вглядитесь. С виду зелено, густо, как щетка хорошая, любо-дорого глянуть, а на деле беда: посев загущен. И нужно эту «превосходную» рожь немедля спасать: проборонoвать, стебли лишние вон и тем упредить полегание. И знаете, кто виновник беды? Опять же бюрократизм!.. Осенью прошлого года...

И Смирнов рассказал о том, как плановики района пренебрегли тем, что у колхоза в основном торфяные почвы, богатые азотом. Они предписали в отсутствие председателя молодому агроному колхоза Вовченко посеять озимую рожь с повышенной нормой высева, рассчитанной на бедную азотом почву.

— А Вовченко — человек молодой, с торфами не знаком. Подчинился. И вот результат.

— А мог ли он не подчиниться?

— Мог! И был обязан не подчиниться! — уверенно ответил Смирнов.— Дисциплина дисциплиной, а думать тоже положено!

...Рано утром мы были в поле, где колхозницы сажали картофель. Смирнов еще издали заметил какой-то непорядок и нахмурился.

— Эх, неправильно сажают! По-бюрократически. А ведь я объяснял! Есть один верный признак никудышной посадки...

Подойдя к женщинам, Смирнов радушно поздоровался, а затем опустился на одно колено и принялся раскапывать рукою заделанные лунки.

— Работа любит проверочку, дорогие мои...— приговаривал он, отрывая лунку за лункой.— Уж извините, коли сыщу, где не так... Бригадир! Подойди-ка сюда!

Тот подошел.

— Первые рядки хороши, — сказал Смирнов.— Картошка от картошки на ладонь друг от дружки... Ну, а эти? Другие? Разве это гнездовая посадка? Просто брошено в лунку по две картофелины! Ясно тебе? Не посажены — брошены!

— Да нет, товарищ Смирнов...

— Кому ты сказки рассказываешь?! — гневно перебил Смирнов.— Видел же сам: многие из вас ничуть даже не нагибались, товарищи женщины! Верный признак: бросали. Не так?

Женщины виновато молчали.

— Это не работа! — сурово отрезал Смирнов.— Куда вы смотрели?.. Где совесть была?! На кого вы работаете, на самом-то деле? На чужого дядю?!

И багровый от гнева Смирнов пошел прочь... Пройдя шагов десять, он остановился и, обернувшись, уже дружеским тоном сказал:

— Подтянитесь, сестрички! До завтра!

А приехал не завтра, а спустя два часа.

— Еще раз здравствуйте, девушки! — мягко произнес Смирнов, подойдя к озадаченным женщинам, не ожидавшим его вторичного появления.

— Хотел было заехать завтра, да соскучился и... не утерпел! — продолжал Смирнов.— Как жизнь?

— Хорошо-о! — отвечали ему.

Тимофей Егорович Смирнов замеряет воду в осушительной канаве.

Фото автора.

— А работа все же любит проверочку!..— улыбнулся Смирнов и, припав на колено, снова начал раскапывать лунки...

Удовлетворенный вторичной проверкой, Смирнов вернулся к дрожкам.

— Ну, теперь поедем ошибку нашего судьи исправлять,— сказал он.

В деревне Кузьмичи мы остановились возле одной из новеньких изб, и председатель велел позвать Ивана Петровича.

Вскоре явился пятнадцатилетний паренек и удивленно уставился на Тимофея Егоровича. Вместе с ним из избы вышла пожилая женщина.

— Ну как, Иван Петрович, согласен? — спросил Смирнов мальчугана.

Паренек промолчал, продолжая смотреть на председателя с прежней опаской.

— Сомневается он! — ответила за мальчика женщина.

— Вот тебе раз! — обернулся к пареньку изумленный Смирнов.— Да какое же ты имеешь право сомневаться во мне, Петрович?

— Ты что это, правда, артачишься? — накинулся на мальчика подошедший старик.— Когда и кого Тимофей Егорыч обманывал? Баню нам обещал? Есть баня. Новые дома обещал? Есть новые дома. Сам ты, пузырь, в новом живешь! Чего ты, в самом деле?!

— Просто он цену себе набивает,— улыбнулся Смирнов.— А я и без того отличные условия предлагаю: минимум триста трудодней за лето плюс спецодежда и прочее обслуживание... Это летом. А зимою, пожалуйста, снова в школу ходи... Ну как, согласен?

— Согласен,— несмело улыбнулся мальчик.

Таким же образом Смирнов уговорил еще одного пастушка и, потирая руки, уселся наконец на дрожки.

— Исправлена ошибка судьи. Поехали дальше!

Я недоумевал, ожидая разъяснений. За ними дело не стало.

— Вам, конечно, смешно,—начал Смирнов,— что я хожу по избам и уговариваю ребят идти пастухами в кошары! А дело-то совсем не смешное...

Оказалось, что в прошлом году на лесном летнем пастбище случилась беда: заболели две коровы.

— Раздулись, как бочки, бедняжки!.. Первую коровку спасли, а вторую не удалось. Был суд. Молодой ретивый судья в порядке борьбы за подъем животноводства решил дело так: оценил погибшую коровенку в три тысячи рублей (красная цена ей — тысяча!) и взыскал эти деньги с пастухов. Взыскать-то взыскал, а о том не подумал, что после страшного такого примера никто из колхозников не возьмется скотинку пасти... Я думаю так: хоть и честный тот судья, а он горе-судья, бюрократ.

* * *

Всегда приятно побывать в тех местах, где общался с хорошим, умным и жизнерадостным человеком. Этой весною я вновь посетил Сосны и первым делом направился к Смирнову.

Как я и ожидал, энергичного Тимофея Егоровича дома не оказалось: накануне он срочно выехал в Минск.

Пришлось поехать по знакомым полесским «гривам», «островам» и полям без него, в сопровождении прошлогоднего пастушка «Ивана Петровича», севшего на те же дрожки за кучера. Он заметно вырос, поправился, приоделся.

— Вы, дядя, не сомневайтесь,— обернувшись ко мне, сказал пастушок.— По части животноводства и всего хозяйства я теперь все знаю.

Действительно, в пути я узнал от него массу любопытных подробностей. Оказалось, что колхоз, собрав в среднем по 172 центнера картофеля с гектара, вышел на первое место в республике; что колхоз получил от каждой свиноматки по одинадцати поросят. В поселке есть телефонная связь, радиоцентр, а на выгоне устроили даже площадку, с которой взлетают самолеты, производящие подкормку озимых. Работает электростанция, которая долго не могла вступить в строй из-за отсутствия изоляторов (правда, Смирнову пришлось побывать из-за этого в Минске несколько раз).

— А еще придумано у нас такое, чего пока ни в одном соседнем колхозе нет,— добавил с хитрейшим видом Ванюша.

Он подмигнул и, будучи явно не в силах хранить свою тайну дальше, сказал:

— На локомобильном пару мы сушильные камеры для конопли построили и теперь сами сушим и треплем!.. Ух, и ценная же оказалась эта штука — пенька! За тонну пеньки нам дают по желанию: либо пшеницы 8 тонн, либо деньгами по 20—25 рублей за кило. Прежде-то ведь, дядя, за сырую коноплю мы всего только по 70—80 копеек за кило получали!

Возле электростанции, куда мы добрались, все кипело. Всюду сновали повозки и двигались люди. Одни подвозили к сушилкам тресту, другие извлекали готовую и отвозили ее на вагонетках к машинам-мялкам, третьи ее обминали, а остальные трепали.

Мне указали на главного механика — седоватого моложавого человека в засаленном ватнике, осуществившего идею использования отработанного пара.

Разговорившись, я узнал, что зовут его Тимофеем Федоровичем Ермаковым. До этого работал он в совхозе, где никаких талантов за ним не замечалось.

Он рассказал, что конопли у колхоза почти на два миллиона рублей; что жаловаться на дела, конечно, грешно, но было бы еще лучше, если бы вместо теперешнего двигателя удалось купить стодвадцатипятисильный, за которым Смирнов и поехал.

— Судите сами, какой у нас будет завтрашний день, когда «стосильный», кроме того, что свет даст, еще и разные машины наши потянет, в том числе и трепальные! Ведь тогда уже не 70 га, а все двести мы под коноплю отдадим! Вот только некоторые товарищи из района опасаются, что он много топлива съест — нерентабельность выйдет!.. Даже жалоба в Минск, говорят, полетела Смирнову вдогонку...

Тимофей Егорович приехал поздно ночью. Он был радостен, возбужден, глядел победителем.

— Наша взяла! — сказал он и распорядился немедленно выслать на раскисшую дорогу две машины с хворостом, чтобы встретить двигатель.

В ту же ночь махину-двигатель благополучно доставили к зданию электростанции, пробили стену и водворили долгожданного гостя на отведенное ему место.

Утром председатель сказал:

— Снова еду в район... И рад бы не воевать, а невольно приходится. Полюбуйтесь!..

И он протянул бумажку. Это был план увеличения маточного поголовья коров, «спущенный» из района колхозу на 1954 год. В нем предлагалось в соответствии с решением сентябрьского Пленума ЦК КПСС увеличить поголовье на 40 процентов в течение... одного года.

— Ведь в решении Пленума сказано ясно: до 50% в ближайшие годы,— пояснял Смирнов.— Огромная разница! В течение двух лет выполнить это можно. Но в один год — никогда! Семьдесят нетелей — это семьдесят нетелей! И за год их не превратят в двести коров никакие бумажки! А вот и другое «плановое» произведение почти такого же рода,— сказал он, показывая еще одно предписание — разверстку на минеральные удобрения.

— Тоже смешная бумажка! Земли колхоза — почти сплошь осушенные торфяники. Минеральных удобрений, без которых наши зерновые от избытка азота неизбежно полягут, нам нужен вагон, а разверстка построена поуравниловски. Всем колхозам поровну. Без учета того, у кого какая земля. У-ух, мудрецы!..

...Светило яркое солнце... Было тепло, дорога размякла, машина шла еле-еле, и от тяжелой, медленной езды по засасывающей грязи клонило в дремоту. Смирнов скомкал обе бумажки, вздохнул, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Кругом звенели жаворонки, пахло теплой землей. Но ничего этого пожилой, грузноватый человек, сидевший рядом со мной, не видел. Усталый, он спал.

Мучительная качка вдруг кончилась: мы выбрались на сухую песчаную «гриву». Машина рванулась вперед, и Тимофей Егорович проснулся.

— Уснул... Не иначе как старею... — усмехнулся он. И тут же добавил: — Но хоть и старею, а сил еще хватит. Поработаем!..

Личный обыск

Сусуму ТАНИГАВА,
японский рабочий

Усталый, торопишься поздно домой,
Пора отдохнуть и поесть хорошо бы!
Но перед воротами —
«В шеренгу! Стой!»
Начинается личный обыск.

Обыскивает стража
Американского образца,
Японцы, что японцами быть перестали...
Мундир цвета хаки,
Повадка наглеца,
Сверкающий шлем из стали.

«Разожми кулаки,
Ворот открой.
А ну-ка, поворачивайся,
Обыщем!»
Роются в коробке для завтрака пустой,
Шарят даже за голенищем.

Всех японцев хватают:
«Хэнд ап» — руки вверх!
От простого рабочего
До инженера.
Женщинам, детям —
Никому не верь!
Всех боятся
Господа миллионеры.

Ах так, мы, японцы, все готовы стащить!
Вы на свой покрой нас мерите,
заокеанские вельможи!
Вы нам не доверяете!
Ну что ж, так и быть!
Ни на грош
Мы вам не верим тоже!

Вы нас без разбору
Топчете в грязь!
Мы вам крикнем так,
Чтоб небо задрожало:
А заводы на нашей земле,
Нас не спросясь,
Кто, скажите, превратил в арсеналы!

А кто начал строить у нас, господа,
Военные базы
Против воли народа!
Кто средь бела дня
Без тени стыда
Тащит все: деревни, поля, заводы!

Вы гоните нас из наших домов,
Что ни день, разоряете мирных жителей,
Обращаете нас в бесправных рабов!
Это вы насильники,
Вы грабители!

Верните захваченное,
Всего не перечесть!
Верните нам землю!
Хватит с нас беззакония!
Верните нам нашу попранную честь,
Верните нам свободу,
Верните нам Японию!

Перевела с японского
Вера МАРКОВА.

Торжественное открытие памятника основателю Москвы Юрию Долгорукому.
Фото А. Гостева.

ПАМЯТНИК ОСНОВАТЕЛЮ МОСКВЫ

В прошлое воскресенье состоялось торжественное открытие памятника основателю Москвы Юрию Долгорукому.

...Два часа дня. Празднично украшенная Советская площадь, прилегающие к ней переулки, улица Горького заполнены народом. От имени и по поручению Совета Министров СССР памятник открывает Г. Ф. Александров. Падает белое покрывало. Юрий Долгорукий сидит на могучем боевом коне, он в воинских доспехах, с мечом и щитом. Правая рука всадника простерта вперед. На высоком пьедестале из темного полированного гранита надпись:

«Основателю
Москвы
Юрию
Долгорукому».

Ниже еще одна надпись: «Памятник сооружен в ознаменование 800-летия Москвы. 1147—1947».

Скульптуру создавал С. Орлов в содружестве с А. Антроповым и Н. Штаммом. Автор постамента — архитектор В. Андреев.

Выступавшие на митинге министр культуры СССР Г. Ф. Александров, председатель исполкома Моссовета М. А. Яснов, академик М. Н. Тихомиров говорили об огромном значении Москвы в жизни нашей Родины, всего прогрессивного человечества.

ДОСТИЖЕНИЯ МОЛОДОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вороха цветов в быстрых, умелых руках лейпцигской работницы Шарлотты Нишмидт превращаются в красивые букеты. И сразу же в павильонах, где собрано более двух с половиной тысяч экспонатов выставки «Демократическая Германия», становится уютно.

5 июня состоялось торжественное открытие этой выставки. Председатель президиума Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестеров выразил уверенность в том, что выставка послужит укреплению и дальнейшему развитию экономических отношений между СССР и Германской Демократической Республикой. Руководитель правительственной делегации ГДР Э. Апель говорит, что открывающаяся выставка отражает политическое, хозяйственное и культурное развитие ГДР. От имени миролюбивых сил немецкого народа он благодарит Советское правительство, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и советский народ за бескорыстную, братскую помощь.

...Ленточка перерезана, и перед москвичами широко раскрываются двери павильонов. Здесь посетителей дружески встречают немецкие рабочие. Они рассказывают о том, как крепнет республика, как возрождается ее промышленность, как растут люди.

Начальник производства трансформаторного и рентгеновского завода в Дрездене Иозеф Вильфлинг знакомит посетителей с продукцией своего предприятия и говорит:

— Мы очень рады, что можем показать в Москве свои достижения.

Вильфлинг рассказывает о том, что завод в Дрездене был быстро восстановлен и стал вдвое больше.

— На этих стендах далеко не все, что бы нам хотелось показать москвичам,— говорит Вильфлинг.— Но здесь есть все наши проспекты.

Кипа ярких книжечек на русском и немецком языках. Их с любопытством перелистывают посетители.

Мощные земляные машины, моторные и спортивные лодки выставлены прямо под открытым небом. В павильонах — оптические приборы, которыми издавна славится Иена; продукция Лейпцигского полиграфического комбината; машины, которыми оснащено это предприятие; шахтное оборудование, прибывшее из Цвиккау-Эльсниц; новейшие ткацкие станки.

В одном из павильонов Фрида Бём и Ханц Мюллер демонстрируют велосипеды и мотоциклы. Им хотелось бы услышать и критические замечания посетителей выставки.

Большое место уделено на выставке товарам широкого потребления, производство которых в последнее время резко возросло.

Много народа в зале, где собраны интереснейшие экспонаты Дрезденского музея гигиены. Здесь вы увидите «стеклянную женщину» — пособие для медицинских вузов и акушерских школ.

...Герберт Шюрихт включает гребнечесальную машину для шерсти, усовершенствованную рабочими завода прядильных машин в Карл-Маркс-штадте. Машина эта повышает производительность труда на 30 процентов. Шюрихт говорит о переменах, происшедших на его заводе, о своих товарищах, среди которых много передовиков производства.

Т. НИКОЛАЕВА

Дневник ОГОНЬКА

Четыреста конфет в минуту обертывает эта машина.

Проверим, хорошо ли в этой картонке сохраняются яйца!

В зале заседаний XI съезда профсоюзов СССР.
Фото А. Гостева и С. Фридлянда.

XI СЪЕЗД ПРОФСОЮЗОВ СССР

7 июня в Москве, в Большом Кремлевском дворце, начал работу XI съезд профессиональных союзов СССР.

Краткую вступительную речь произносит председатель ВЦСПС Н. М. Шверник. Слово предоставляется секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову, который оглашает приветствие съезду от Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР.

Отчетный доклад Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов сделал председатель ВЦСПС Н. М. Шверник.

Высокая награда

Слева направо: представительница Всекитайской федерации женщин Лю Цуэй, Н. В. Попова, вице-председатель Исполкома Международной демократической федерации женщин Долорес Ибаррури, председатель Международной демократической федерации женщин Эжени Коттон и вице-председатель Исполкома Международной демократической федерации женщин Рита Монтаньяна (Италия).
Фото В. Савостьянова (ТАСС).

Многочисленные представители советской общественности и находящиеся в Москве гости из Китая, Индии, Франции, Кореи, Вьетнама, Бирмы и других стран собрались 3 июня в Свердловском зале Кремля, чтобы приветствовать лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» — Н. В. Попову.

— Международная Сталинская премия мира,— сказала, выступая в Кремле, Эжени Коттон,— вручаемая сегодня Нине Поповой, наполняет гордостью и радостью сердца не только советских женщин, но и женщин всего мира, которые служат великому делу мира.

С приветственными речами выступили также представительница Всекитайской федерации женщин, член Всемирного Совета Мира Лю Цуэй, писатель Н. С. Тихонов, секретарь ВЦСПС К. С. Кузнецова, член президиума Антифашистского комитета советских женщин Т. М. Зуева и старейшая работница комбината «Трехгорная мануфактура» А. П. Жарова.

Перед открытием ВСХВ

Сад в цвету

Горячее солнце пылает в вышине, а издали кажется, что оно обошло стороной, позабыло растопить громадные сугробы снега, наваленные зимними метелями.

Но это не снег, а плодовые деревья, осыпанные цветом.

Стройными рядами, точно на парад, выстроились миндаль и яблоня, вишня и персик, слива и груша, черешня и абрикос. Они пышно, буйно цветут. Уже отцвели малина и смородина, красная и черная, и крыжовник, высаженный в междурядьях. Среди листвы выступают кисти завязей.

В отличие от обычного сада между группами деревьев проложены асфальтированные дорожки. Подступы к каждой группе окаймлены кустами вишни-полевки, выведенной И. В. Мичуриным.

Мы находимся в мичуринском саду Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Здесь на площади в шесть гектаров в дружном соседстве произрастают зеленые посланцы всех географических зон нашей страны.

В изобилии представлены гибриды и новые сорта растений: тут растут и плодоносят знаменитые бельфлер-китайка, бере-зимняя, актинидии, гранатная, черноплодная и нежинская рябина. Крыжовник, например, приносит ягоды в два — три раза крупнее обычных, по вкусу похожие на виноград: они сладки, сочны, душисты.

Мы видим густо покрытые цветом ветви, которые стелются по самой земле. Это стелющиеся яблони — детище селекционеров Сибири. Пригнутым к самой земле ветвям не страшны морозы и ледяное дыхание ветра. Такие яблони хорошо переносят зиму и рано плодоносят.

Внимание задерживается на дереве с различными цветами — розовыми и белыми, то крупными, то мелкими. Это дерево — нечто вроде кладовой, почти каждая ветвь несет свой сорт яблок.

Знакомясь с достопримечательностями мичуринского сада, трудно поверить, что всего двадцать лет назад здесь находились запущенные и заболоченные земли. Об этом могут рассказать работники сада А. Ф. Сальникова и М. Н. Чевычалова, которые пришли сюда полтора десятилетия назад и с тех пор не расставались с этим уголком выставки. Они постоянно среди своих питомцев, с раннего утра до позднего вечера. И много у них помощников, по-настоящему преданных своему делу.

Благодаря высокой агротехнике, заботе о каждом дереве чудесно цветет и плодоносит мичуринский сад. Он неопровержимо свидетельствует, что достижения передовой науки позволяют выращивать такие сады в Подмосковье и севернее.

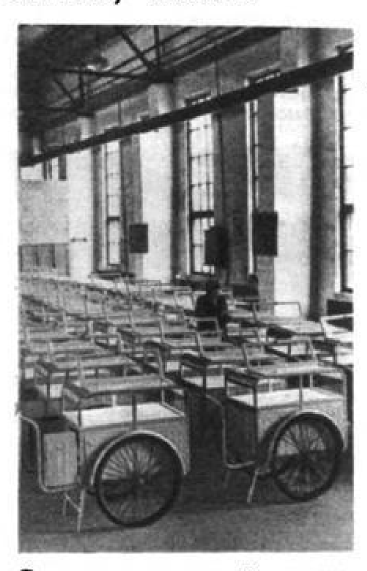
Г. БЛОК

Холодильники, тележки, лопаты

Ранним утром по торговым рядам ГУМа на вместительных тележках развозят различные товары. Скоропортящиеся продукты — мясные и молочные — с тележек перекладывают в огромные холодильные шкафы.

И тележки и холодильники изготовлены на свердловском заводе «Красная звезда», который поставляет торговое оборудование магазинам, столовым, ресторанам.

В одном из цехов стоят тележки на велосипедных колесах. Сверху стеклянная витрина, где должны быть выставлены образцы продуктов, внутри небольшой «склад», сбоку запирающаяся касса. Четыреста таких тележек сделаны на заводе по заказу Министерства путей сообщения. Они предназначены для летней розничной торговли на вокзалах.

Тележки для летней розничной торговли.
Фото Ю. Добронравова.

Выпущены заводом ролиновые лопаты, которые предохраняют овощи от порчи при погрузке и разгрузке, приспособления для выемки квашеной капусты из чанов, машины по переборке и сортировке картофеля.

На целинные земли недавно отправлены крупные холодильные шкафы, в МТС отгружено 500 кипятильников и 3 300 термосов для доставки горячей пищи в поле.

А. ГРИГОРЬЕВ

ЦЕЛИНА ПОД ПЛУГОМ

Е. РЯБЧИКОВ, А. ГОСТЕВ Специальные корреспонденты «Огонька»

— Приехали сюда мы надолго, навсегда,— говорит Чертилин.
И вот в новом совхозе — первая свадьба! Бригадир Соловьев поздравляет Николая и Анну Чертилиных с законным браком.

Николай Чертилин вернулся из армии на Урал, в родной Нижний Тагил. В цехах Уралвагонзавода познакомился с Аней Литвиновой— встречались они на комсомольских собраниях, вместе работали и вместе поехали на целинные земли.

В Кулунду, на железнодорожную станцию, прибыл очередной эшелон — машины и тракторы адресованы зерносовхозу.
Тут же, около железнодорожной станции Южсиба, в степи, новоселы начали осматривать и «обкатывать» тракторы.

Москвички Люба Гравшина и Галя Казакова закончили курсы, выдержали экзамен — они теперь прицепщицы. Можно выходить на целину!

Города, заводы, гидроэлектрические станции, железнодорожные депо, МТС, совхозы — все это начинается с самого обычного разметочного кола. Забивают его на голом месте, и сн становится своеобразной осью, вокруг которой развертывается стройка.

Так было и в Кулундинской степи.

Только Емельян Иванович Емельяненко огласил приказ № 1 о своем назначении директором нового совхоза, как объявил:

— Пора ехать на целину забивать «первый кол».

И вот новоселы отправились в степь, на целину. Бригадир пятой тракторной бригады, бывший авиационный механик Свердловского аэропорта Николай Соловьев и тракторист, демобилизованный пограничник Николай Чертилин принялись разгребать снег, пробивать ломами мерзлую землю. Потом Соловьев принес гладко обструганный столб и опустил его в яму. Через минуту на нем вывели карандашом: «Кулундинский зерносовхоз».

— Есть кол, будет и двор,— пошутил Емельяненко.— Усадьбу отвели, пора обживаться.

Заселение усадьбы началось с того, что на заснеженную равнину притащили коричневого цвета новенький тракторный вагончик — маленький удобный домик, сделанный в Арзамасе. Учетчица Вера Нечаева распахнула дверцу, поставила лесенку и объявила:

— Здесь будет улица Целинная!

— А раньше-то как это место называлось? — наивно спросил директора тракторист Митя Коммунаров.

— Степь — вот и все! — пожал плечами Емельяненко. — Целина.

— Давайте назовем ее, — предложил Соловьев. — Вон ту улицу, — он показал на торчавшие из-под снега метелки полыни и костлявые катыши перекати-поля, — назовем Новосельской, а ту, — он показал в другую сторону, где так же торчали из снега ржавого цвета острые пики целинной дерезы, — назовем Комсомольской.

Новое жилище всем понравилось. В нем четырнадцать мест, тумбочки, столики, шкапчик для книг, полка для радио и, кроме того, душ, паровое отопление. Прицепщица Эмилия Попова тут же начала протирать окна.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, вокруг «первого кола» уже растет совхозный поселок. Шеренгами стоят домики-вагоны, по степной земле тянутся траншеи и котлованы для фундаментов мастерских, нефтебазы, школы и здания управления. В домиках горит электричество, в конторе без умолку звонит телефон.

Наступила горячая пора весенних полевых работ. Тракторы только что созданного совхоза ушли в степь. Могучие машины подняли тысячи гектаров целины. Теперь закончен сев, зеленые всходы преобразили неоглядные просторы.

— Хорошо поработали! — говорит друзьям-трактористам бригадир Николай Соловьев.— Пора готовить комбайны. Будет хлеб в Кулундинском совхозе!

НА ЖЕНЕВСКОМ СОВЕЩАНИИ

Заметки польского журналиста

Эдмунд ОСМАНЧИК

Женевское совещание началось в апреле, прошел май, сейчас уже июнь, а переговоры вопреки злопыхательским американским «пророчествам» продолжаются, и, главное, в них обнаруживается прогресс. Ни для кого из журналистов не является тайной, что первые шаги в согласовании основ прекращения огня в Индо-Китае явились результатом настойчивых усилий миролюбивых государств — Советского Союза, народного Китая, демократического Вьетнама.

На этой неделе переговоры сосредоточились вокруг вопроса о составе комиссии по наблюдению за перемирием в Индо-Китае. Советская делегация предложила в качестве возможных членов наблюдательной комиссии нейтральных государств Польшу, Чехословакию, Индию и Пакистан. Едва представитель Советского Союза внес этот проект, как Беделл Смит сделал свое удивительное заявление о том, что Польша и Чехословакия, как «коммунистические» государства... не являются нейтральными. Позицию мистера Б. Смита поддержал г-н Бидо. Он выдвинул «ошеломляющий» аргумент: «Сам Мао Цзэ-дун в свое время писал — «коммунисты не могут быть нейтральными». Разумеется, было бы большой ошибкой утверждать, что г-н Бидо когда-либо изучал произведения Мао Цзэ-дуна. Просто кто-то из его не слишком ученых секретарей подсунул ему выхваченную из контекста фразу.

На этот выпад, проистекающий столько же из невежества, сколько из самоуверенности, достойно ответил Чжоу Энь-лай. Он подтвердил, что коммунисты действительно не могут быть нейтральными и бесстрастными наблюдателями, но когда? Только тогда, когда речь идет о капиталистическом гнете и эксплуатации, о пропаганде войны, о фашистском засилии, об оценке отношения капитализма к людям, к народам, стонущим под его ярмом. Но это касается лишь восприятия самих фактов. Понятие же нейтральности в международных отношениях — дело совсем иное. Каждый сведущий министр иностранных дел должен знать, что понятие «нейтральность» не касается взглядов людей на те или иные проблемы, а лишь означает то обстоятельство, что данное государство не принимает участия в войне. А Польша и Чехословакия действительно не участвуют в войне в Индо-Китае, и они, несомненно, являются нейтральными странами. Другое дело — Соединенные Штаты, которые не только инспирируют эту войну, но усиленно поставляют вооружение и «инструкторов» французским колониальным войскам в Индо-Китае. Ясно, что США не являются нейтральным государством.

Несмотря на, казалось бы, полную ясность вопроса, Б. Смит и Бидо продолжали настойчиво твердить, что нейтральными могут быть только... «некоммунистические», то есть капиталистические державы! Разумеется, к этой категории они относят все страны, целиком зависящие от бирж Нью-Йорка, Лондона и Парижа.

Это — типичное мышление XIX столетия. С того времени мир, как известно, существенно изменился. Однако господа Бидо и Смит, видимо, упорно желают находиться на уровне начальника генерального штаба французской армии, американского выученика генерала Эли, который в докладе, представленном правительству Ланьеля после возвращения из Индо-Китая, написал слово «желтые» с маленькой, а слово «белые» с большой буквы.

Видимо, во внимание к этому доказательству преданности политике США генерал Эли назначен главнокомандующим французским экспедиционным корпусом и генеральным комиссаром Франции в Индо-Китае. Господин Бидо пригласил после этого в роскошнейший из женевских ресторанов специально отобранных корреспондентов французской печати и резко упрекнул их в том, что они плохо защищают в индо-китайском вопросе интересы... Соединенных Штатов и Франции. Речь Бидо, как утверждают участники этой «тайной вечери», напомнила им о временах Наполеона III.

...В Женеву усилился приток деловых людей из Англии, Франции, Италии, Западной Германии и других государств. Все они стремятся не пропустить возможности завязать торговые связи с Востоком. Один знакомый мне швейцарский купец так высказался о дальнейших перспективах Женевского совещания:

— Чем дольше продолжается здесь совещание, тем больше деловых людей будет съезжаться сюда. Коммерсанты — люди осторожные, особенно англичане. Поверьте мне, они не стали бы ввязываться в такие дела, если бы не знали наверняка, что разрядка международной напряженности должна стать длительной и что это обеспечит им крайне для них нужную, выгодную, а главное, спокойную торговлю с Востоком...

...Неделя закончилась выступлением Нам Ира, Чжоу Энь-лая, В. М. Молотова по корейскому вопросу. Большинство журналистов, собравшихся в «Доме прессы», подчеркивало силу и убедительность заявления советского представителя, выдвинувшего деловую программу, ведущую к урегулированию в Корее. Все сходились на том, что американцам при всей их «изобретательности» трудно будет теперь противопоставить этой ясной позиции что-либо вразумительное. Чувствуется, что в среде американских и французских журналистов царит нервозность: будущее не сулит ничего хорошего авантюристическим затеям Соединенных Штатов и их лисынмановских агентов.

Женева, 6 июня.

Заместитель Премьер-Министра Фам Ван Донг (в центре) с членами делегации представителей верховного командования Демократической Республики Вьетнам. Справа — глава делегации Та Куанг Быу.

Делегация представителей французского командования на военных французско-вьетнамских переговорах. Справа — глава делегации бригадный генерал Дельтей.

ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИИ МИРА ЧАРЛИ ЧАПЛИНУ

Чарли Чаплин читает диплом. На снимке: член жюри по присуждению премий мира и лауреат премии Нобеля профессор Синг (Англия), Чарли Чаплин, французский писатель Веркор, профессор Боннар и колумбийский писатель Саламеа.

3 июня на вилле в Корсье сюр Вевэ, около Лозанны, состоялось торжественное вручение Международной премии мира выдающемуся артисту, кинодеятелю и борцу за мир Чарли Чаплину.

Награда была вручена артисту делегацией Всемирного Совета Мира во главе с профессором Андре Боннар (Швейцария). Чарли Чаплин горячо поблагодарил деятелей международного движения сторонников мира и сказал, что эта высокая и почетная награда ко многому его обязывает.

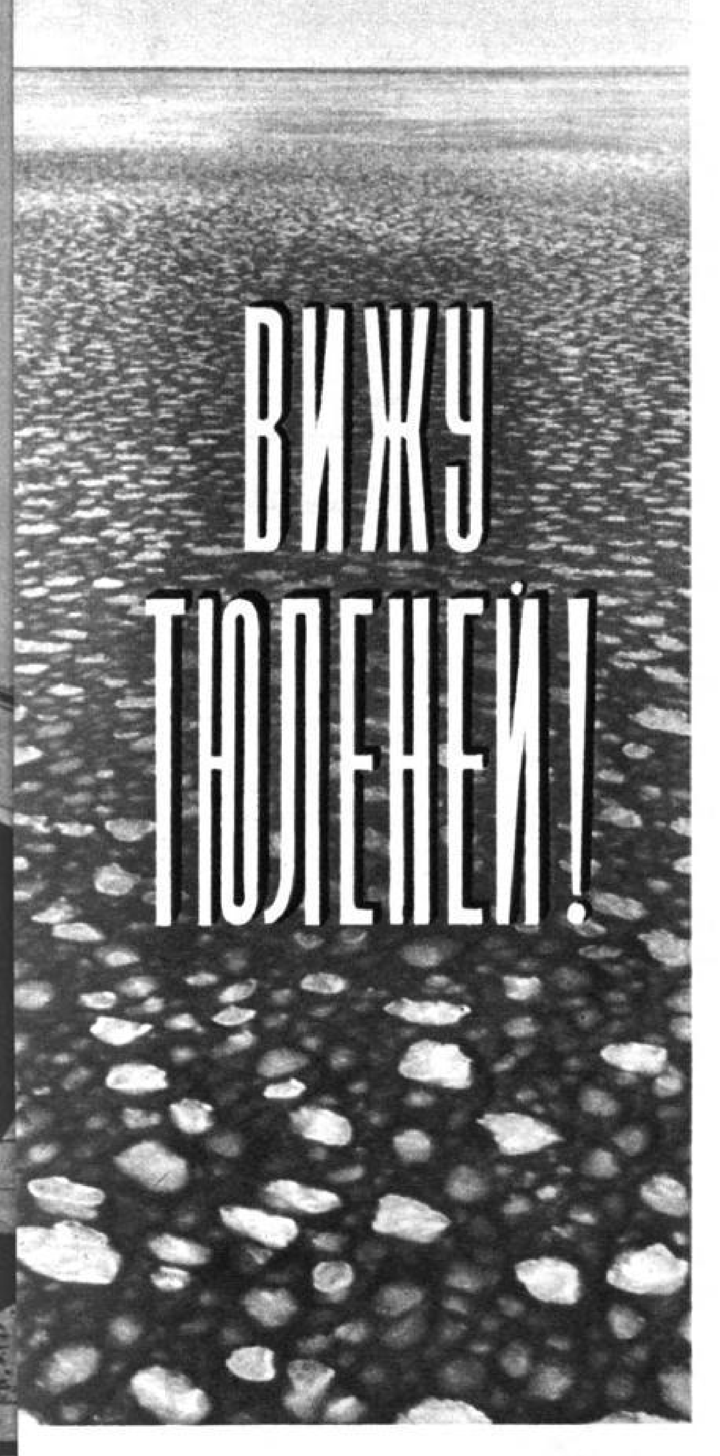
— Стремление к миру,— заявил он,— является ныне повсеместным и величайшим явлением современности. И те, кто в наш атомный век направляет свои усилия против жизни и счастья человечества, заблуждаются, если думают, что им удастся запугать нас угрозой атомно-водородной войны! Сейчас еще больше люди доброй воли должны объединиться в борьбе за дело мира!

Чарли Чаплин передал представителям печати текст «Декларации о мире», а затем поделился с присутствующими своими творческими планами на ближайшее время.

Американская печать и проамериканские газеты Швейцарии подняли клеветническую, озлобленную кампанию против выдающегося кинодеятеля, обвиняя его в сговоре с «красными» и в том, что он не имел права принимать премию мира. По этому поводу Чарли Чаплин заявил, что уже не в первый раз пресса врагов мира обливает его грязью за страстную приверженность к свободе. «Я и впредь буду идти своим путем, не взирая на этот вой»,— сказал он.

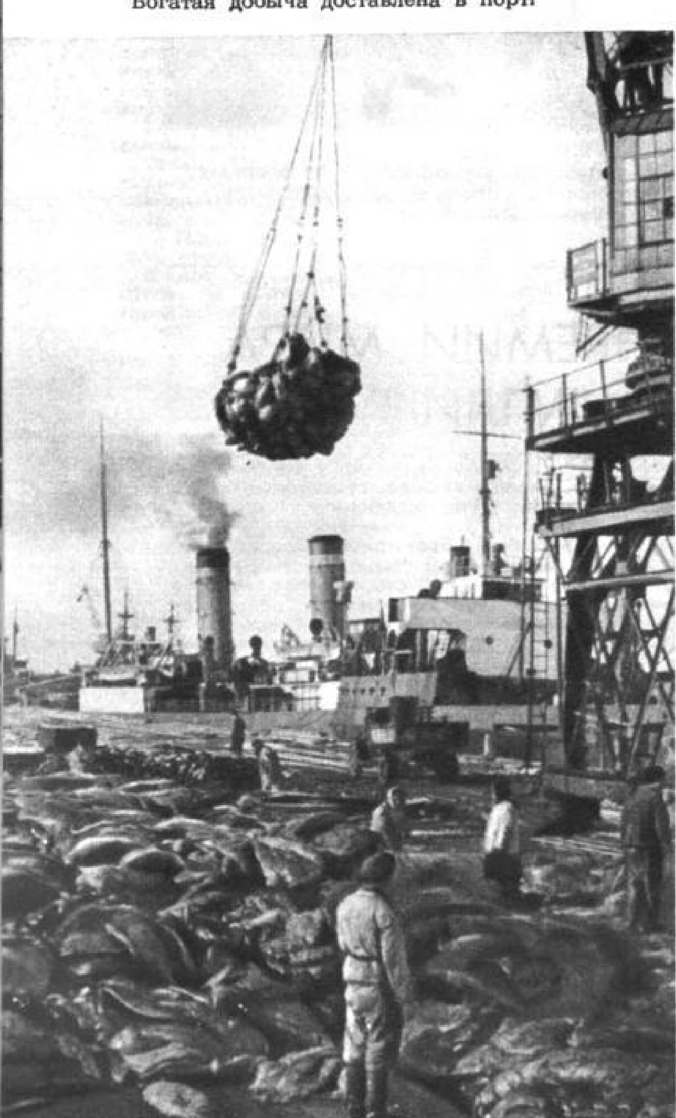
Э. ОСМАНЧИК

Женева, 4 июня.

ВИЖУ ТЮЛЕНЕЙ!

Богатая добыча доставлена в порт!

С берегов Белого моря съезжались в Мурманск зверобои, охотники за тюленями. Одни добирались по железной дороге, другие — самолетами, которые садились на замерзшие бухты и озера Кольского полуострова, третьи преодолевали снежную тундру на оленьих упряжках. Зверобои спешили в Мурманск. Вся жизнь поморов — жителей беломорских берегов — связана с полярными морями, с промыслом рыбы и зверя. Потомки первых исследователей Арктики, нынешние поморы-колхозники,— люди отважные, закаленные в борьбе с суровой северной природой. Их отцы и деды выходили в море на утлых деревянных карбасах, нередко гибли среди пловучих льдов. В наши дни зверобоев доставляют в район охоты большие современные корабли, но добыча тюленей и теперь сопряжена с опасностью.

Ледокольный пароход, названный именем известного полярного летчика Сигизмунда Леваневского, взял на борт зверобоев. Судно запаслось углем и пресной водой, было погружено все, что нужно для долгой полярной экспедиции,— от мясных туш и теплой одежды до темных очков, смягчающих ослепительное сияние снегов.

«Леваневский» вышел в море. Навстречу катились невысокие пенящиеся волны. Баренцово море, согреваемое теплым течением Гольфстрима, не замерзает на сотни километров от берегов. Однако сюда доносится ледяное дыхание Арктики. Срывая верхушки волн, ветер всю ночь захлестывал палубу студеной водой. И к утру пароход оледенел.

Теперь навстречу восходящему солнцу среди мрачных волн двигался одетый в белый панцырь корабль. Призрачно сверкали свисавшие с бортов сосульки, дрожали ванты, скованные искрящимся, как хрусталь, льдом. Это — красивое зрелище, но никто не рискнет любоваться им слишком долго. Лед нарастал, особенно с наветренной стороны, откуда набегали волны, и корабль угрожающе накренялся. Пришлось энергично взяться за ломы, топоры и лопаты, чтобы сбросить в море непрошенный и опасный груз.

«Леваневский» вошел в горло Белого моря. На воде показались какие-то серые пятна, похожие на гигантских медуз. Это тончайшая пленка льда, так называемое «сало». Вскоре «сало» сменилось «блинчатым льдом» — маленькими округлыми льдинками. Через несколько часов мимо корабля поплыли большие, толстые льдины, задевая железный корпус парохода. Льды становились все крупнее, постепенно превращаясь в сплошные поля.

«Леваневскому» приходилось уже выискивать трещины, разводья, хрупкие перемычки, где еще можно было пройти. Совершая сложные маневры, он искусно огибал большие льдины, отталкивался от них бортами и все-таки продвигался к цели...

В воздухе послышался шум моторов. Над «Леваневским» пролетел самолет. Он сообщил по радио: «Поблизости тюлени!»

На мачту поднимается бочкарь — один из самых опытных зверобоев. Он лезет по совершенно вертикальной лестнице на марс и выше, к самой верхушке мачты, где прикреплена железная бочка.

Свистит пронизывающий ветер, руки коченеют даже в меховых перчатках, а бочкарь упорно отсчитывает узенькие ступеньки. Семьдесят четыре... Семьдесят пять... Мачта наклоняется из стороны в сторону, трудно смотреть в бинокль. И бочкарь просит остановить на минуту корабль, чтобы из своего «вороньего гнезда» как следует разглядеть снежную даль.

В ясную погоду из бочки видно на десять километров. И там, вдали, бочкарь замечает темные точки и тени. Он прикладывает рупор ко рту и кричит:

— Вижу тюленей!

Из кубриков выбегают зверобои. Они расхватывают лежащие на палубе багры, подтаскивают ближе к бортам лестницы, щелкают затворами винтовок.

Редкие узкие полоски воды, по которым с трудом пробиралось судно, начинают стягиваться, сжиматься, и вот их уже нет и в помине. На месте разводий выросли неприступные гряды торосов. Вокруг сплошные снега, ледяная пустыня. Корабль еще пробует бороться. Он дает задний ход и, разгоняясь, грудью таранит льды. Но безуспешно. Белые оковы охватывают его все плотней, и он застывает во льдах, беспомощный и неподвижный, вблизи самой цели.

В довершение всего подул сильный южный ветер, который погнал льды, а вместе с ними пароход обратно на север. Скорость дрейфующих льдов достигала 8 километров в час. Это грозило отбросить судно назад и свести на нет весь пройденный за день путь. Но это полбеды. Все знали, что позади, в том месте, куда льды несли пароход, есть мели, так называемые «кошки». Застрявший корабль там могло завалить льдом и раздавить, как спичечную коробку.

«Леваневский» вызвал по радио находившийся поблизости мощный ледокол «Ленин». В его задачу как раз и входило выручать застрявшие во льдах суда.

Уже было темно. Пароход продолжало гнать на север. «Кошки» были совсем близко. И вдруг справа по борту в темноте вспыхнули огни ледокола «Ленин». Он шел, налегая всей своей тяжестью на льды, и ломал их, пробиваясь на помощь к «Леваневскому».

К утру оба судна вышли в район охоты.

Вокруг простирались серебристые снега с сиреневым отливом. На горизонте из-за темной тучи, подобной горному хребту, поднялся огненный шар солнца. Повсюду виднелись серые извилистые дорожки — следы тюленей. А чуть дальше, у круглых лунок по краям разводий, между торосами лежали и сами тюлени.

Охотники один за другим соскальзывали по лестнице на лед. От общей группы отделились стрелки в белых маскировочных халатах с баграми и винтовками. Пригнувшись, прячась за торосами, они осторожно подкрадывались к зверю. Тюлень обладает тонким нюхом и хорошим зрением. Он замечает незнакомые предметы и чует приближающегося человека за двести — триста метров. Подойти к нему ближе удается лишь против ветра.

Убить тюленя можно лишь точным попаданием в голову. Раненый или потревоженный зверь моментально ныряет в воду. Но недаром зверобои Севера славятся своей снайперской стрельбой. Раздаются выстрелы, напоминающие сухой, короткий треск льдов,— и на снегу первые трофеи.

Стрелки уходят вглубь залежки, а на их месте уже действуют подволотчики. Прочно прикрепив тюленью тушу к ременной лямке, они тащат добычу к разделочной площадке. Самых выносливых, молодых зверобоев ставят на эту работу. Через торосы и по гладкому, точно отполированному льду тянут они туши, достигающие шести пудов веса. Ноги скользят, лямка оттягивает плечо, но подволотчики, упираясь баграми в снег, упорно идут вперед.

На разделочной площадке третья группа зверобоев, ловко орудуя острыми поморскими ножами, отделяет шкуру с салом (хоровину) от мяса (раушки).

Стрелки расходятся по снежному простору. Они увлечены охотой. Хорошо промышлять зверя в такой ясный, солнечный день да еще в часы, когда льды сжаты течением и ветрами! Но так бывает редко... Снежное поле внезапно заколыхалось. Оно то опускалось, то подымалось, словно грудь пробудившегося великана. Поморы издавна зовут Белое море «дышучим». Начался отлив. Во все стороны черной паутиной разбежались трещины. И вот на месте сплошного поля — отдельные льдины с людьми. Корабль далеко, а льды продолжают расползаться.

Охота значительно усложнилась. Основная часть тюленьей залежки осталась на обширном обломке снежного поля. Ее отделяли от людей мелкие льдины. Нужно было добраться до зверя. Дорогу преградила трещина метра в полтора — два шириной. Зверобой, шедший первым, разбежался и, оттолкнувшись багром, перепрыгнул через трещину. Остальные, не колеблясь, последовали за ним. Следующее разводье оказалось гораздо шире, метров в пятнадцать — двадцать. Но и оно не задержало зверобоев. Встав на небольшую льдину, они, словно на лодке, поплыли через разводье, сильно подгребая баграми.

Теперь до тюленей было совсем близко, но впереди снова обнаружилась преграда —

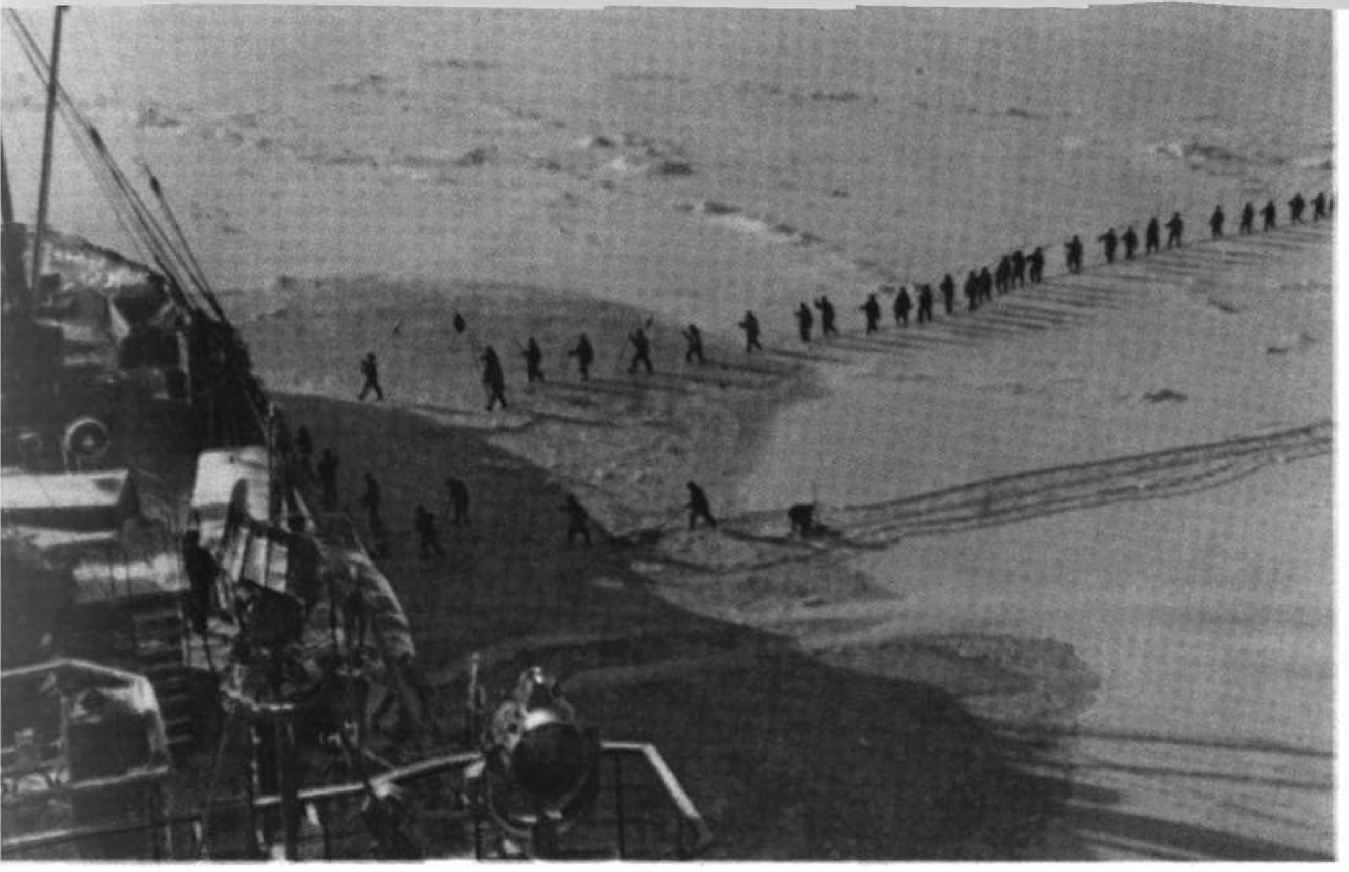
Тюленя поволокут на разделочную площадку.

→
Ледокол «Ленин» открывает путь пароходу «Леваневский».

«снежная каша» — вязкая трясина из снега и мелких обломков льда.

Один из охотников лег на живот и осторожно переполз трясину по-пластунски. «Выдержит!» — крикнул он. Зверобои, стараясь не делать сильного упора ногами, начали быстро перебегать через «кашу», которая угрожающе колыхалась под ними. Потревоженная трясина становилась все жиже. Осталось переправиться еще пяти — шести охотникам. Они решительно устремились вперед. Товарищи кидали им навстречу, на «снежную кашу», свои багры. Зверобои бежали по ним, точно по мосткам. Багры расползались, выскальзывали из-под бахил — высоких поморских сапог.

В торосистых льдах.

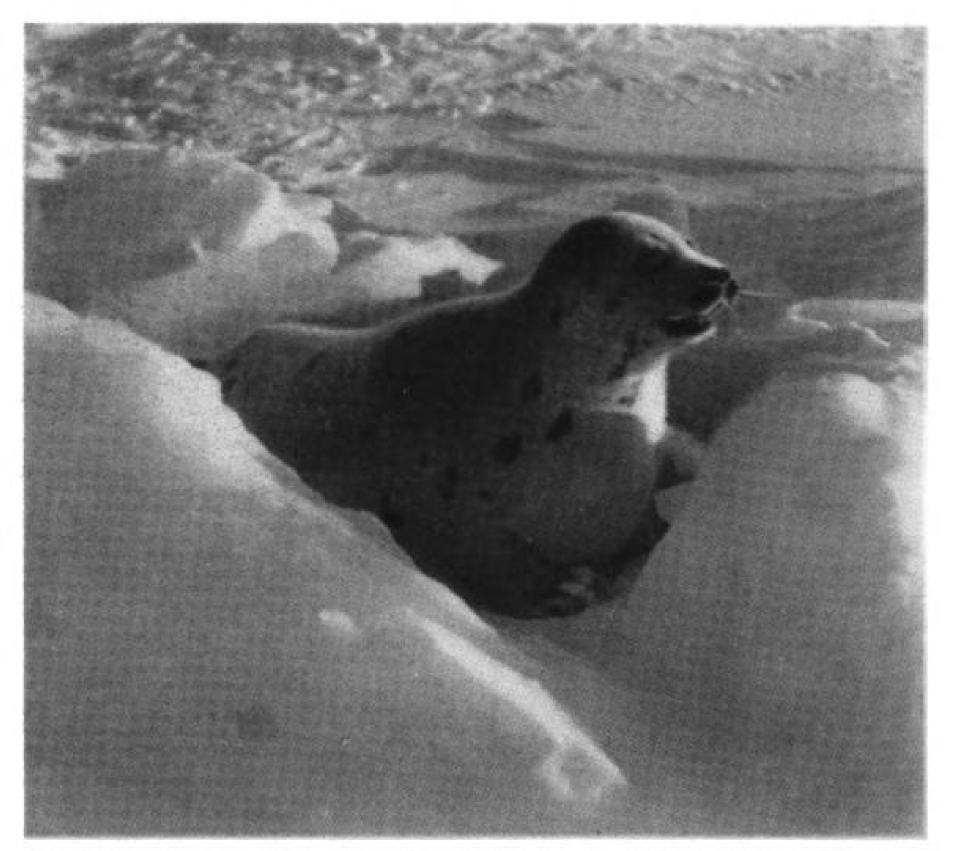
Зверобои возвращаются на корабль.

Два охотника у самой цели провалились по пояс в трясину, и к ним сейчас же протянулись крепкие руки друзей...

Теперь тюлени уже на виду. Маскируясь среди торосов, зверобои лежа, стоя, с колена снова открыли стрельбу. Добыча росла. Но в это время начала портиться погода, которая резко меняется на Белом море много раз в сутки.

Громадная туча растянулась по всему небу и, словно краем плаща, накрыла солнце. Померкли ослепительные грани торосов, помутнела стальная вода разводий, на льды опустился туман. Это произошло в течение нескольких минут. Люди оказались отрезанными от корабля плотной, непроницаемой завесой. С трудом различались ближние ропаки, а корабль, точно утонул вдали в густом сиреневом мраке. Стрельба прекратилась. Со всех сторон, волоча тюленьи туши, сходились зверобои. Кто-то зажег фонарь, но свет его не мог пробить вечернего тумана. Люди с надеждой и нетерпением смотрели в ту сторону, где находился «Леваневский». И вот оттуда раздались частые сильные гудки. «Всем возвратиться на борт!» Это был не только сигнал приближающегося к людям судна, но и хороший ориентир. Зверобои направились к кораблю. И вдруг

Идет стрельба по тюленям.

мрак словно растаял. В тумане вспыхнули желтые расплывчатые пятна света, ослепившего людей. Это были прожекторы «Леваневского»!

Черная громада корабля, осененного множеством огней, выплыла из мрака и остановилась. Зверобои, размахивая баграми, с радостью бежали к судну. С палубы уже кидали тросы. Охотники дружно подхватывали их и прицепляли к ним тюленьи шкуры...

Лишь после того, как в трюм была опущена последняя шкура, все охотники взобрались по лестнице на корабль. Их ждал сытный и вкусный ужин. Их ждал отдых — кино, книги, радио, которое принесет вести с Большой земли.

Пурга утихла, туман исчез, крупные звезды лучились в полярном небе, и по темносинему куполу разбегались нежные, бархатистые сполохи северного сияния. «Леваневский», высвечивая прожекторами причудливые изломы торосов, шел среди льдов Белого моря навстречу новому дню.

Л. БРАСЛАВСКИЙ

Фото А. САВИНА.

Отдых на льдине.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Рассказ

М. ЮФИТ

Рисунки К. Арцеулова.

Нина Андреевна привыкла праздновать день своего рождения. Когда она была еще девочкой, дома всегда пекли пироги и созывали родственников. Когда Нина стала студенткой, ей не удавалось скрыть эту дату, потому что от матери приходила большая посылка и поздравительная телеграмма, о которой немедленно узнавало все общежитие. Когда она вышла замуж за Костю Лебедева и они поселились в его крохотной комнатушке, Нине захотелось устроить свой первый настоящий «прием». Студенты сидели на кровати, на подоконнике, на стопках книг, но всем было весело. Потом Костя стал архитектором и получил настоящую квартиру, а так как к тому времени Нина Андреевна ушла с работы, то ей приятно было созывать в день своего рождения старых друзей, с которыми она теперь редко виделась.

Она давно уже стала хорошей хозяйкой, обставила свои уютные комнаты удобной мебелью, а мать, которая теперь жила с ними и помогала растить детей, пекла такие же замечательные пироги, как в прежние годы.

И Нина Андреевна охотно приглашала гостей.

Это стало традицией в доме Лебедевых. И пирог тоже пекли традиционный — большой, круглый, с вареньем, с переплетиками из румяного с золотой корочкой теста, с красиво выведенным наверху именем «Нина» и цифрой, указывающей, сколько лет хозяйке.

В это утро, когда Нина Андреевна раскатывала на столе тесто и выкладывала «32», муж сказал вскользь:

— Не понимаю! Для чего афишировать свой возраст?!

Нина Андреевна не обратила на эти слова внимания, но мать обиделась за нее.

— Ну, ей это еще не страшно, — сказала она, — не такой уж большой возраст!

— Страшно или не страшно — другое дело, но кричать на всех перекрестках? Не вижу смысла...

Когда муж ушел, Нина Андреевна сказала задумчиво:

— А ведь мне действительно уже тридцать два года. Я и не заметила, когда... Все было двадцать два, двадцать три...

— Мне еще более удивительно, чем тебе,— отозвалась мать. — Я помню, как ты родилась, как росла, как училась... маленькая была... А теперь у тебя свои дети...

Хлопот было много, как всегда, когда в доме ждут гостей, а тут еще дети, которых это совершенно не касается, — их надо, как обычно, кормить, мыть, укладывать спать, выпускать гулять. День был короткий, зимний. И до самых сумерек продолжалась суета: готовили угощение, натирали полы, стирали пыль. И во всей этой суете Нина Андреевна мечтала о том, что она выберет несколько минуток и напишет обращение к домашним, в котором изложит свои взгляды на устройство их жизни и быта, и в шутливой форме, которая никого не обидит, установит такой распорядок, что будет оставаться время и для себя.

Время для себя! Эта мечта не покидала ее уже несколько лет.

Кто она теперь? Никто. Диплом давно уже спрятан в стол, практических навыков она не успела получить, теория позабылась.

Муж как-то очень быстро пошел в гору, и ей, не умевшей ни шить, ни стряпать, ни хозяйничать, пришлось срочно все это осваивать, чтобы ни себя, ни мужа не ставить в неловкое положение.

Костя жил только работой, только архитектурой. Он ничего не просил, не требовал, он жалобно рассказывал:

— Нинок, я вышел сегодня к трибуне, протянул руку и вижу, край рукава у меня обтрепался. Не знаешь, как бы мне купить пиджачишко?

И Нина Андреевна чувствовала себя виноватой в том, что она, неработающий человек, заставляет мужа, талантливого архитектора, ходить в обтрепанном костюме. Она торопливо предлагала:

— Я все, все сделаю... Куплю материал, подкладку. Займу очередь в ателье. Тебе придется только примерить.

Она ходила в библиотеку за книгами для мужа, растила детей, хозяйничала, гладила мужу рубашки, чертила для него, она ложилась позже всех и раньше всех вставала. Она испытывала чувство умиления и благодарности, когда Костя говорил:

— Нинок, в журнале интересная статья. У меня совершенно нет времени. Ты бы прочла — ведь ты все же специалист — и пересказала мне своими словами. Вообще не худо, если б ты эту долю работы взяла на себя.

Она охотно брала на себя любые обязанности и аккуратно их выполняла.

Костя был великодушен: он никогда не показывал своего превосходства над ней. Он даже напоминал:

— Ты подавала большие надежды.— Он выражал уверенность: — Я абсолютно убежден, что ты снова займешь свое место в нашей среде, Нинок.

И хотя Нина Андреевна знала, что это только слова, а завтра, может быть, даже еще сегодня вечером, муж обидится на нее за то, что она не так свернула в трубку чертежи, как он любит, а дети мешают ему своим шумом, и он не может даже уйти в библиотеку заниматься, потому что не знает, где лежат теплые носки, а на улице мороз,— Костя всегда находил за что обидеться,— она все же, как дитя, радовалась, тешилась этими словами, начинала петь, стирала со своего чертежного стола пыль, раскладывала учебники и журналы и с удвоенной энергией мыла детей, готовила чай, штопала, как бы надеясь переделать всю эту скучную, неблагодарную домашнюю работу, чтобы завтра обязательно засесть за свои занятия, повторить, восстановить в памяти то, чему она училась в институте.

Но назавтра возникали другие неотложные дела. То оказывалось, что у мужа доклад в министерстве или на Ученом совете и ему нужно выутюжить брюки; то, как назло, капризничали дети; то приезжал какой-нибудь дальний родственник или знакомый архитектор и нельзя было не поговорить с ним после долголетней разлуки, иначе он подумает, что Лебедевы загордились; то нужно было сделать покупки. И все это именно сегодня, сейчас, а занятия ее носили все же отвлеченный характер, не приносили пока никому в семье реальной пользы. И она отступалась от своего решения.

Так и сегодня. День прошел, а она не успела написать обращение к семье. Впрочем, и желание у нее не ослабло. Было так радостно, хорошо, празднично. Вкусно пахло пирогами и жареной индейкой. Сын нарисовал ей в подарок картину, изображавшую «Русско-сербский словарь». Выбор темы остался для всех, пожалуй, и для самого художника, тайной. Просто его пленили непонятные слова, написанные на папиной книге. Дочка была так мила в новом платье, с бантом в пушистых, легких волосах. Мать и сестра Наташа с оживлением хлопотали у стола. Сестра, выглядевшая заплаканной с того самого дня, как от нее ушел муж, и перед которой Нина Андреевна чувствовала себя виноватой за свое благополучие, сегодня улыбалась, как раньше, как когда-то... Костя вернулся с работы не поздно, принес вино. «Подарка тебе не купил, извини, — сказал он. — Но подарок за мной. Сдам проект, получу деньги, обязательно куплю тебе чернобурку». И хотя эта чернобурка уже стала притчей во языцех у всех домашних и ясно было, что деньги придется истратить на более нужные вещи, Нине Андреевне хотелось верить, что да, так и будет. Ведь, в сущности, не в чернобурке дело, а во внимании, в любви. А сегодня она чувствовала, что ее любят в семье, и ей хотелось ответить любовью на эту любовь. Ей приятно было, что в доме праздник, белая, свежая скатерть на столе, тарелки с золотым ободочком, закуски, вино. «Нужно радоваться тому, что имею, — думала она. — Мой муж жив-здоров, дети у меня прелестные, мать и сестра со мной. Мы сыты, обуты, одеты. Чего еще надо?»

В тяжелые годы войны, эвакуации, лишений Нина Андреевна приучила себя не требовать многого, а радоваться тому, что есть. «Я никогда не хнычу, — шутила она. — Я не сожалею о том, чего у меня нет, а радуюсь тому, что имею. Поверьте, это самый правильный взгляд на вещи».

Да и на что ей было жаловаться? Особенно в такой вечер, когда собрались все близкие?! Она не могла не радоваться тому, что она

член такой дружной семьи, хозяйка дома, жена известного, награжденного орденами архитектора, мать чудесных детей. И Нина Андреевна улыбалась вместе со всеми.

Как-никак, а это был ее день, ее праздник! Всегда в этот день гости хвалили ее пироги, ее детей, ее добрый нрав, вспоминали ее былые успехи и пили за новые, будущие успехи в работе. Конечно, она понимала, что было бы грубо не пить за именинницу. Но по справедливости она не могла считать их славословие простой лестью. Да, действительно, и пироги были хороши, и успехи у нее были когда-то, и дети радовали глаз своим здоровым видом, и она все еще верила, что у нее снова будут успехи как у архитектора.

Гостей было немного.

Софья, старая подруга Нины Андреевны еще по десятилетке, инженер-строитель Семенов с женой, Волков, старый холостяк, которого позвали с тайной целью развлечь Наташу и из-за которого, как уже заметила Нина Андреевна, шло тайное соревнование между Наташей и Софьей. Присутствовал еще один инженер-строитель, настолько известный в их среде, что, несмотря на давнее знакомство, все относились к нему с подчеркнутым уважением. В их городе он был случайно: приехал в командировку. Всем приятно было, что он пришел запросто к старым знакомым. Федотов был седой, красивый, шумный, держался просто, и женщины и мужчины полюбили его с первого взгляда. Но он в этой атмосфере уважения и влюбленности держался естественно, как рыба в воде. Густым приятным баритоном он пел народные песни и старые романсы, пел для собственного удовольствия, как поют птицы, веселя не других, а себя. Все подпевали. Особенно отличилась жена Семенова, миловидная с чуть печальным выражением лица женщина. Вздохнув, она сказала:

— Мои дети не любили, когда я пела. Так я и забросила пение...

— И напрасно, — отозвался муж недовольно. — Ты слишком потакала детям.

— Теперь уж поздно об этом жалеть, — ответила жена и отвернулась, как будто прекращая давний спор.

Но Софья, которая любила давать советы, вмешалась:

— Погубить такой голос — преступление! Никогда не нужно жертвовать собой.

— Ты уверена в этом? — задумчиво переспросила Нина Андреевна.

— Уверена.

Софья метнула испытующий взгляд на своего соседа, но лицо того было непроницаемо. Наташа сказала горячо:

— Нужно уметь жертвовать собой. Конечно, во имя высокой цели!

Завязался общий разговор о певцах, о театре, о новых книгах и фильмах. Нина Андреевна только хотела было вмешаться в разговор, но не успела это сделать: мать жестами напоминала ей, что пора разливать чай. Она досадливо поморщилась. Всегда обязанности хозяйки мешали ей увлечься разговором, ввязаться в спор.

Федотов расспрашивал мужа Нины Андреевны о его последнем проекте, и муж спросил, как мальчик:

— Нина, показать?

— Конечно...

Она принесла проект. И Федотов и Семенов рассматривали его и хвалили, и даже Софья признала, что наконец-то перестали строить коробки, проектируют красивые, удобные дома. Строители объяснили ей, что это была не только их вина: дайте хороший проект, дайте хорошие материалы — вот тогда спрашивайте красоту и качество. Федотов долго и интересно говорил, в каких потемках блуждала мысль архитектора, который хотел уничтожить все завитушки и колонны, оставшиеся в наследие от прошлого, а вместе с украшениями отбросил и линию, отбросил все хорошее, что было результатом длительного опыта. И вот появились дома-коробки, дома-танки, дома-самолеты. Появились неграмотные, неряшливые проекты. И он вспомнил своего товарища, очень талантливого архитектора, пережившего страшное потрясение: строили по его проекту дом, дом оказался настолько нелепым, что его решили разобрать. Он ходил смотреть, как разбирают дом, и плакал. Потом переболел и теперь хорошо работает. Федотов широким, великолепным жестом показал на проект хозяина:

— Вот сочетание ума и вкуса, вот это наш советский стиль, а не подражание западным образцам! Да, только у нас, при нашем развороте строительства, архитектор может проявить себя незаурядным художником.

Нине Андреевне приятно было, что проект мужа произвел такое хорошее впечатление. Она знала: Семенов и Федотов не станут кривить душой. И муж, видимо, был доволен. Костя раскраснелся, снял пиджак и казался таким молодым и простодушным в своей голубой рубашке с открытым воротом. Все гости столпились у стола, стоявшего в углу комнаты, и только одна Нина Андреевна осталась на своем месте. Она подумала вдруг, что сегодня никто не пил за ее будущие успехи. Она припомнила все тосты. Да, пили за ее здоровье — и все. Значит, никто уже не верит, что она вернется на работу? А ведь и в позапрошлом году и даже в прошлом Семенов рассказывал за столом, как он заинтересовался когда-то проектом и, к своему удивлению, узнал, что автор — женщина. «Это была чисто мужская работа, строгая и со вкусом». И хотя в прошлом году Нина Андреевна выслушала эти воспоминания уже во второй раз, ей было приятно услышать о том своем проекте...

Ей захотелось узнать: неужели даже Федотов не ждет больше от нее ничего? Ведь он знал ее раньше, давно... Ей вспомнился весенний день, дочиста выметенное ветром небо, ровная его синяя глубина. Федотов — это было перед экзаменами — позвал ее в городской парк, они бродили, держась за руки, по непросохшим дорожкам, разговаривали, и что-то неясное, беспокойное, недоговоренное было в их встрече...

Он объяснял ей, что она замечательная девушка, что он не встречал таких, как она, что он твердо верит в ее удачу, в успех в жизни.

— А вдруг не будет успеха? — возражала она, ничуть не веря в свои возражения. — У меня ведь характер слабый. Я не настойчивая.

— У тебя есть огонь, — сказал Федотов. — А раз есть огонь, то и сердце всегда будет согрето.

— Комсомольцы — беспокойные сердца...— засмеялась она.

Ее пугали этот тон и страстные похвалы; она обрадовалась, когда на аллее показались знакомые студенты, позвала:

— Ребята, ребята, сюда!

Разговор оборвался.

Федотов, очевидно, давно уже забыл об этой прогулке, и она никогда раньше не вспоминала о ней, а сегодня вот вспомнила. Как ей стыдно, что она переменилась, что она совсем не похожа на ту, молодую...

Она выбрала удобную минуту и сказала вполголоса:

— Я, Петр... Васильевич... хотела бы посоветоваться... — Она немножко замялась, когда произносила его отчество. Но ведь не могла она называть его Петром или Петей, как когда-то. Она даже точно припомнить не могла, на «ты» или на «вы» они были. Ведь все студенты были тогда на «ты».

— О чем же? — Он тоже не назвал ее по имени.

— О своих делах, — сказала Нина Андреевна, — о своей... жизни.

Федотов сделал вежливо-холодное лицо, как будто испугался, что она пожалуется на мужа, на семейные неурядицы. Она растерялась.

— Я считаю, — волнуясь и сбиваясь, сказала Нина Андреевна, — что мне надо пойти поучиться... на какие-нибудь курсы... или в помощники к кому-нибудь... Я так оторвалась за эти годы... и я уже не рискую... Но отказаться от своей профессии я не могу... Я не мыслю себе жизни без архитектуры...

— Работать надо,— бодро сказал Федотов, не пытаясь даже вдуматься в то, что она говорит, не пытаясь помочь ей до конца высказаться. Но что-то, однако, до него дошло, он прибавил жестко: — Моя жена, например, работает. А у нее тоже дети.

— Я чувствую, что мне нужен какой-нибудь толчок,— сказала Нина Андреевна, сожалея, что начала этот разговор.

Она знала девушку, на которой потом женился Федотов, она помнила ее. Это была эгоистка, холодная, даже, пожалуй, черствая натура. Правда, красивая, очень красивая. Хотя Нине Андреевне когда-то и внешность этой девушки не нравилась. «Она, как красивое здание, в котором никогда не светятся окна,— говорила она еще тогда.— На красоту я могу полюбоваться в музее, а от человека я требую человеческих качеств».

Нине Андреевне стало неприятно, что Федотов вспомнил про жену, и еще неприятнее стало от мысли, что, вернувшись домой, он расскажет жене об их разговоре.

Она почувствовала, что Федотов совершенно забыл ее, забыл, что она ему нравилась когда-то.

— Здесь так много работы,— заметил Федотов.— Такое строительство...

— Да, конечно,— пробормотала Нина Андреевна.— Конечно... Строительство огромное...

И, как нарочно, за столом завязался общий разговор тоже об их бывшем товарище Лисичанском, который совсем опустился. Негодуя, Семенов кричал, что таких вообще надо изгонять из корпорации строителей; он любил такие громкие слова, как «корпорация», «содружество», «творчество». Жена этого самого Лисичанского на очень выгодных условиях раскрашивает для художественной артели пуговицы. Заработок ее намного превышает оклад мужа. И муж почти совсем забросил свою основную работу: польстившись на легкую жизнь, он помогает жене.

— Я бы лучше с голоду подох, чем на это пошел,— сказал муж Нины Андреевны.— Бросить свое кровное дело ради денег!..— Он повернулся к Федотову.— Я еще одного не могу понять: что же он думает, долго может продолжаться такая белиберда? Ну, случайно, по чьей-то глупости, раскрашиванием пуговиц можно заработать больше, но ведь временно... А ты бросаешь дело всей своей жизни...

— Он и в институте был такой,— сказал Семенов.— Он на бригадном методе институт закончил. Бригада сдает зачет, и его вытягивают.

— Да, было,— засмеялся Федотов.— Ведь, правда, было такое?

— Терпеть не могу людей случая,— морщился муж Нины Андреевны.— Я, когда узнал об этой мерзкой истории, позвонил ему по телефону и так его ругал, попросту говоря, облаял.

— Почему же ты меня не обругал ни разу? — усмехнулась Нина Андреевна.

— Ну, ты другое дело,— спокойно возразил муж.— Это совсем не то!

Нину Андреевну никто не поддержал. Наоборот, все как будто постарались замять неловкий разговор. Как будто Нина Андреевна допустила бестактность...

Опять за что-то пили, кажется, за молодость и за смелость, опять пели. Нина Андреевна уже ничего не слышала. Ей было больно, и обидно, и стыдно, что она заговорила с Федотовым, а он не понял... Этим разговором она как будто предала мужа, дала понять, что муж ей не товарищ, не друг, раз ей не с кем посоветоваться.

Неужели Федотов все забыл? Весь курс знал, что она ему нравится... Если бы она не побоялась тогда объяснения в парке, потому что любила Костю, а не Федотова, то объяснение состоялось бы... Но она не хотела унизить его — такого умного, достойного, большого. Она уклонилась. Но она помнила про встречу в парке и втайне довольна была собой и своим поведением в тот день. Ведь любая девушка с их факультета гордилась бы тем, что покорила Федотова! Но ей не нужны были победы, у нее был Костя.

Теперь Федотов с гордостью произносит: «Моя жена». А ее Костя и не замечает, как паршиво у нее на душе...

Она почувствовала себя одинокой. Все как будто позабыли про нее. Мужчины курили и говорили о чем-то с посерьезневшими лицами; раскрасневшиеся Наташа и Софья вели атаку на своего кавалера. Наконец-то им удалось исторгнуть улыбку из этого великолепного истукана. Мать шепталась о чем-то с женой Семенова.

Наташа, оглянувшись, небрежно сказала:

— Ниночка, дорогая, дай нам еще чаю.

Нина Андреевна покорно встала, налила чай.

Ее чем-то обидел этот небрежный тон.

Нет, нужно что-то рвать в жизни, менять, нужно напрячь все усилия! Почему она ждала помощи со стороны? Почему ей мерещилось, что Федотов вглядится в то, что делается в их семье, закричит, затопает на всех ногами, возмутится, что Нина Андреевна сидит дома и разливает чай? Но никого, оказывается, не интересуют ее дела. А ведь она считала, что здесь друзья.

Теперь ей казалось, что Федотов презирает ее. И поделом. Он мастер, и люди для него — мастера. Плохие или хорошие. Без мастерства он не понимает человеческого существования. Это верно. Но это жестоко. Ведь про Лисичанского они вспомнили, забеспокоились, возмутились. А она? Она и студенткой была посильнее этого Лисичанского. Не хуже Семенова она училась, если уж на то пошло! Могли бы товарищи заинтересоваться ее судьбой. Они считают правомерным, что она всего лишь жена Кости...

Уже совсем машинально выполняла она обязанности хозяйки дома.

Гости ушли. Домашние живо обсуждали, как прошел вечер. Нина Андреевна молчала.

Муж подошел к ней, обнял и сказал:

— Ну, вот тебе и тридцать два года, моя дорогая. Тридцать третий пошел... Налей мне на ночь стакан чаю. Пить хочется.

— Хорошо.— Она налила чай и стала приготовлять сестре на утро завтрак: та рано уходила. Софья осталась ночевать, нужно было постелить ей. И не забыть завтра уплатить за квартиру...— Наташа,— сказала она сестре,— ты принесла справку для домоуправления?

Сестра обиженно, чуть плаксиво сказала:

— Ах, почему ты мне не напомнила?

— Я тебе говорила.

— Ты ведь знаешь, какая у меня в последнее время память!

Она намекала на то, что после ее личного несчастья она не могла помнить о мелочах. Нина Андреевна виновато предложила:

— Я позвоню тебе завтра на работу, напомню.

В детской проснулась и заплакала девочка. Она требовала мать.

— Ну что за дитя такое упрямое! — сказала в сердцах бабушка.— Заладила «мама», и все.

— Сама виновата, так приучила,— сердито произнесла Наташа.

Софья заметила назидательно:

— Да, Нина, нельзя так баловать детей, как ты!

— Я сейчас, я ее успокою,— все так же виновато пообещала Нина Андреевна.

Она прошла в детскую, вынула дочку из кроватки, прижала к себе.

— Рассказать про котяток?

Девочка недовольно мотала головой.

— Про собачку?

— Нет.

— Поносить Машеньку по комнате?

— Да.

Нина Андреевна пошла по комнате, прижимая к себе теплую, милую девочку. Она смотрела с нежностью на темные длинные реснички. Недавно девочка опасно болела, ее насилу спасли. И к нежности и умилению, которые мать испытывала, теперь постоянно примешивались страх и воспоминание о больших, лихорадочно блестящих, искаженных от страдания глазах.

— Спи, моя ласточка, спи...— сказала Нина Андреевна.

— А-а-а...— пела девочка, сама себя убаюкивая.

Она заснула.

Щурясь, вышла Нина Андреевна в освещенную комнату. Муж сказал:

— Как жаль, что уже поздно. Я хотел развить перед тобой некоторые положения своего выступления в архитектурном комитете. Но ты, очевидно, устала?

— Нет, я не очень устала,— сказала Нина Андреевна, гоня от себя сон.

Она слушала мужа, делала замечания, спорила, а маленький червячок все точил и точил ее сердце. Она сказала неожиданно:

— А знаешь, сегодня уже никто не пил за мое возвращение к творческой работе. Никто, видно, больше не верит...

Муж немного растерялся, но скрыл свою растерянность усмешкой.

— Ну и тщеславная ты! — сказал он.— Все хочешь, чтобы тебя хвалили...

— Вовсе мне этого не надо,— стала оправдываться Нина Андреевна.— Зачем мне нужны незаслуженные похвалы? Но я понимаю, что мое дурацкое положение стало уже очевидным для всех.

— Чего тебе надо? — пробормотал муж.— У тебя есть семья, дети...— Он стал ходить по комнате и размышлять вслух, что, конечно, ей пора взяться за архитектурный труд, он давно это сознает. И он поможет ей.— Я готов даже придумать тебе тему для проекта. Я дам тебе указания... Я тебе помогу, дорогая моя...

Он обнял жену за плечи, но она все еще слышала это «я», «я», «я».

Да не нужен ей этот проект, придуманный другим, не нужен!

И весь остаток ночи она не спала: то мечтала, то предавалась отчаянию. Она вспоминала себя молодой сумасбродной девушкой, любознательной и энергичной, помнила себя в первые годы на работе, когда все они — и Федотов, и Семенов, и ее муж — только окончили институт. Теперь их разделяла пропасть.

А как любил ее руководитель мастерской, старый седой архитектор-академик! Уже вся мастерская знала, что ей скоро идти в декретный отпуск, а ему она боялась сказать. Академик был сердитый.

Она тянула до последнего дня. Потом поплакала, выпила для храбрости воды и вошла к нему в кабинет:

— Федор Ильич, я зашла попрощаться, у меня отпуск... декретный...

— Вы с ума сошли,— не повышая голоса, сказал академик и отложил в сторону толстый, остро отточенный карандаш.— Какой может быть отпуск, когда проектирование не закончено?! Ведь я отменил все отпуска.

— Но у меня декретный...— пролепетала она.

— А-а...— Только теперь академик понял.— Ну, давай вам бог, давай бог. Только смотрите, вернитесь.

Она пообещала, как поклялась:

— Я вернусь.

И не вернулась. Ей говорили, что старик вспоминал про нее, спрашивал. Потом он умер, и ей некого было больше бояться. Она смело могла ходить с мужем на вечера в Дом архитектора. Ведь билеты присылали на два лица — Лебедеву с женой.

«Согнулось во мне что-то,— подумала она,— не сломалось, нет, я жива, я люблю жизнь, но согнулось под тяжестью будней, притухло. Нужен ветер, нужен сильный ветер, чтобы раздуть огонь...» Перед глазами ее неотступно стоял белый лист ватмана с проектом мужа, его вдохновенное лицо и вдохновенные лица влюбленных в свое дело Семенова и Федотова. Влюбленность в свое дело, талант, преданность главной идее своей жизни затмевали любые недостатки их характеров. Все это пустяки по сравнению с главным. «Дело не в оправданиях,— думала Нина Андреевна,— формально меня не в чем обвинить. У меня маленькие дети. Но я тоскую по своей работе. Я тоскую!»

За окнами стояла зимняя городская, полная шума ночь. Фонари бросали тусклые отсветы на замороженное стекло. Дворники соскребали с тротуаров снег.

Нине Андреевне захотелось выйти сейчас, побродить по улицам, подумать... Но жалко было будить своих.

Она уже твердо решила, как и что будет делать. Нет, не дома, не за столом готовиться. Не учебники перечитывать. Нет, она пойдет на работу, начнет, если надо, все сначала. Она будет, как все, со всеми вместе!

Теперь она твердо знала, что огонь, согревающий сердце, еще не погас в ней.

СУН ВЕНЬ-

Прокатчик Тяньцзиньского завода Сун Вень-сю.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

В Тяньцзиньском доме культуры рабочих — бывшем здании итальянского казино — открылась выставка.

На стендах стояли станки и машины с марками тяньцзиньских заводов, образцы металлических изделий, макеты новых фабрик и заводов, построенных в городе после освобождения. На стеллажах лежали различные новые инструменты, приспособления, механизмы, созданные рабочими-изобретателями: укладчик известкового раствора, придуманный каменщиком Фу Хун-бином; хитроумный рубанок с четырьмя лезвиями; звездные фрезы для обработки сложных деталей; различные приспособления для облегчения погрузочных работ.

В одном из залов выставки мое внимание привлекла серия плакатов-рисунков. Это было повествование о том, как прокатчик Герой труда Сун Вень-сю стал изобретателем. Рисунки были сделаны художником-самоучкой с детской непосредственностью и с какой-то трогательной сердечностью. Они волновали, как волнует рассказ простого, хорошего, чистого человека о другом хорошем и чистом человеке.

Вот Сун Вень-сю смотрит на кусок бракованной стали, сердце его, нарисованное на левом кармане спецовки, выглядит черным, горестным комочком.

А вот Сун Вень-сю дома, он сидит на полу и складывает из кубиков схему расположения прокатного стана; дети плачут, сердитое лицо жены у очага.

Календарь с оборванными листками... Прошло много времени. Сердце у Сун Вень-сю нарисовано во весь объем его грудной клетки. Он отдал свое предложение инженеру, он счастлив!

Но радость преждевременна: предложение отклонено. Сун Вень-сю изображен лежащим в больнице, он заболел от горя. В больнице Сун Вень-сю прочел книгу о подвиге китайского Матросова — солдата Хуан Цзи-гуана. Он твердо решает бороться за свое изобретение.

Еще ряд рисунков — изобретение наконец осуществлено! Сун Вень-сю, окруженный друзьями, стоит на высокой горе и с вершины ее видит, как из прутьев арматурной стали вырастают на земле новые здания фабрик, заводов, электростанций...

Через некоторое время я встретился с Сун Вень-сю на сталепрокатном заводе. У меня было ощущение, будто я уже давно знаю его,— так много рассказали мне о нем эти рисунки.

Удивительно правдиво схватил художник характерное выражение напряженной озабоченности на лице прокатчика, вдумчивую глубину глаз, сухие морщинки возле губ.

При первой же встрече я сказал ему, какое впечатление произвели на меня рисунки.

Сун Вень-сю сдержанно заметил:

— Художник нарисовал меня слишком красивым и изобразил мою жизнь, словно поучение другим.

Я не стал допытываться у Сун Вень-сю о его взглядах на то, как искусство должно отображать жизнь человека. Я попросил его рассказать о себе.

Улыбаясь, Сун Вень-сю сказал:

— Вы приперли меня к стене. Но спасения у меня нет. Нехорошо, назвавшись тигром, бросаться в кусты...

Сам я из крестьян Даньсаньского уезда. В 1937 году наводнением уничтожило все наши посевы, люди умирали с голоду. Мне было пятнадцать лет. Вместе с другими голодающими крестьянами я приплелся в Тяньцзинь и валялся там, ослабевший, на улице.

Японцы устроили облаву на безработных, и меня забрали в полицию. Нас посадили в вагоны, в которых перевозили известь, и везли трое суток без воды и пищи. Многие умерли в пути. Потом нас погнали в горы. Полуголые, питаясь раз в день гнилой чумизой, мы строили дорогу, пробивали туннели. Зимой люди примерзали к соломе, на которой спали, обмороженные походили на прокаженных, их лишали пищи, и они умирали. Через год я бежал в Тяньцзинь и нанялся за еду работать на сталепрокатном заводе.

На строительстве дороги люди гибли сотнями: после взрывов их засыпало обломками камней. На заводе после двенадцати часов труда рабочие теряли сознание, попадали в валки прокатных станов или падали замертво, захлестнутые полосой раскаленной стали.

Вместо погибшего мастер хватал за шиворот первого попавшегося подсобного рабочего, совал ему в руки клещи и заставлял работать у стана. Подсобник часто сразу же калечился, и тогда ставили другого. Так я познакомился с прокатным станом.

Мы ненавидели японских поработителей. Пользовались каждым случаем, чтобы вредить им. Портили станы, прокатывая холодные слитки. Пережигали болванки в печах. Оковывали валки раскаленными полосами так прочно, что потом два дня приходилось срезать с них металл автогеном. Часто мы устраивали «забастовки мертвецов»; никто не прекращал работу при таких забастовках. Они заключались в том, что мы все начинали двигаться нарочито медленно, словно умирающие. Металл стыл, валки вращались вхолостую. Мастера оббивали о нас кулаки, а мы, как заводные куклы, молча и упорно еле передвигали ноги. За то время, пока рабочий подходил к полосе и склонялся к ней с клещами, можно было, не торопясь, съесть полную чашку риса. Лучшим рабочим мы считали такого, который умел хуже всех работать и не попадаться при этом...

Рядом с нашим прокатным заводом находилась винтонарезная мастерская. Она принадлежала другому японскому капиталисту. Он подсылал к нам своих людей, которые уговаривали нас красть у себя из цеха круглый прокат — его пускали на производство винтов.

Владелец винтонарезной мастерской приказал даже прорезать в заборе специальное отверстие, сквозь которое мы могли бы передавать наворованное. Когда хозяин нашего завода узнал об этом, он передал в полицию несколько десятков рабочих, а нам велел воровать готовые изделия из винтонарезной мастерской и сбывать их ему.

После капитуляции Японии наша жизнь ничем не изменилась к лучшему. Гоминдановцы выгнали с завода всех, кто плохо работал при японцах. Продукция нашего завода не находила сбыта. Гоминдановцы ничего не строили в стране, им не нужна была строительная арматурная сталь. Дирекция только и делала, что спекулировала заводским сырьем и продавала запасные части машин на черном рынке.

Мы забастовали. На завод приехал представитель гоминдановской партии. Он сказал нам:

— Очень хорошо, что вы забастовали. Теперь мы знаем: среди вас есть коммунисты. В ответ на ваши требования мы можем только предложить вам прогуляться в концентрационный лагерь. Но мы хотим быть снисходительными и поэтому предупреждаем. Если сегодня же не приступите к работе, мы даем объявление о том, что завод набирает рабочих, и утром тысячи безработных сломают заводские ворота, чтобы заработать на миску чумизной каши.

Потом пришло время, когда гоминдановцы, как говорится, стали сбрасывать штаны, чтобы легче было бежать от наступающей Народно-освободительной армии. Тогда мы поставили на заводе свои охранные отряды, чтобы спасать завод от разграбления.

Гоминдановцы удирали на американских судах. В порту они били друг другу морды чемоданами, сражаясь за место на палубе. Трюмы кораблей были забиты машинами и оборудованием, которые в боях с рабочими отрядами они смогли захватить с заводов и фабрик. Пришла Народно-освободительная армия. Рабочие собрались во дворе на митинг. Представитель военного комитета сказал нам:

— Отныне завод принадлежит вам, уважаемым представителям рабочего класса. Власть на заводе — вы. Вы и решайте, что нужно сделать, чтобы завод хорошо работал. Стране нужна сталь. Враги разрушили заводы и фабрики, электростанции, их нужно восстановить. Мы ждем от вас помощи.

Во главе завода стали люди, которых мы тут же сами избрали на митинге.

Два года работал Сун над своим проектом...

СЮ ОТДАЕТ ДОЛГ

Вы спрашиваете, знал ли я до освобождения о Советской стране? Знал ровно столько, сколько нужно человеку, чтобы ему иногда снились красивые, радостные сны.

И вот мы ступили одной ногой в ту жизнь, которая казалась нам такой же далекой, как солнце.

Я уже говорил вам о том, что до освобождения мы считали изменником того, кто работал усердно и без брака. Подлым выскочкой называли того, кто старался повысить свою квалификацию. Предателем — того, кто давал мастеру дельный совет.

А теперь все это должно было перевернуться.

Я не буду говорить о других, я буду говорить о себе. Пришло ли новое в мою голову и сердце сразу? Нет. Я был болен сомнениями. Но лекарство я получал каждый день. Я видел, как меняется наша жизнь. Слышал слова, которые, как фонари, освещали темное в моей душе...

Я поселился с семьей в хорошей комнате, сытно ел в заводской столовой три раза в день. Купил много вещей, впервые в жизни надел кожаные ботинки. Я узнал, что такое театр, кино, книги. На вечерних курсах меня обучали всему, что нужно для того, чтобы лучше и легче работать. Мне объясняли, что я хозяин завода и от того, как я буду вмешиваться во все дела завода, зависит, хорошо или плохо он станет работать. Вот сейчас я оглядываюсь на самого себя, каким я был. Это словно моя собственная тень, лежащая у ног, скорченная, маленькая, какая бывает при рождении луны.

Новое уже вошло в мое сердце, оно светило и жгло меня. Я получил очень много, а что я дал взамен? Эта мысль мучила, не давала спокойно пользоваться радостями новой жизни. Я стал смотреть на свой труд глазами человека, у которого неоплатный долг...

В нашей стране существует обычай: обязательно отдавать в праздник Нового года все свои долги. Я не знал, придет ли для меня такой день. Каждый раз, когда на стане буксовала полоса, я начинал думать, почему это случилось. Прогоняя полосу, я подмечал, что дает ей каждый обжим. Втайне ото всех я вел записи своих наблюдений. Как только наступал перерыв в работе, я измерял полосы после ее прохода через различные калибры. После двух лет, разбирая свои записи, я пришел к такой мысли: если правильно распределить обжатие, то можно отказаться от прокатки полос через два крайних калибра, которые давали слабое обжатие. Кроме того, наши станы стояли очень близко друг к другу, и если сократить два последних пропуска, то за счет освободившейся рабочей площади можно будет одновременно работать на двух станах.

В мае 1952 года председатель Мао Цзэ-дун призвал всех трудящихся усовершенствовать производство. Я привел в порядок свои записки, положил их в купленную на рынке красивую папку с иероглифом «счастье» и передал ее нашему инженеру.

И здесь я скажу: художник был прав. Я весь стал, как одно сплошное радостное сердце. Я отдал стране долг, это очень воодушевило меня. В те же дни я, неожиданно для себя, быстро разработал приспособление, с помощью которого можно автоматически регулировать настройку валков. Но прошло два месяца, а инженер все не дает мне ответа.

Раньше я не спал ночами, работая над своим проектом, теперь я не спал от волнения и тревоги.

И вот однажды бригадир принес мне мои записи, завернутые в грязную газету.

Он сказал:

— Инженер просил отдать тебе этот пакет. Он похвалил тебя за то, что ты так красиво пишешь кистью...

Мне было очень тяжело, обидно и горько. В душе у меня будто погасло солнце. Я заболел от огорчения, меня положили в больницу. Там я прочел много книг, они внушили мне: ничто не дается человеку без борьбы.

Когда я пришел на завод, то увидел, что никаких изменений не произошло в работе цеха. Я выступил впервые в жизни на собрании и сказал, что буду драться со всеми, кто мешает хорошо наладить работу станов.

Рабочие осудили тех людей, которые затерли мое предложение. Но меня самого также подвергли критике за то, что я скрывал от коллектива, над чем я работаю, хотел в одиночку открыть большие ворота.

Тогда я купил новую кисточку и наконечник для писания под копирку. Две ночи я размножал мои записи и предложение. Первые, лучшие экземпляры я отдал в партийный комитет, директору завода, в профсоюз. Остальные роздал рабочим. И вот я каждый день уносил из завода в новой папке различные поправки и предложения к моему проекту, которые делали рабочие. Тут же дирекция создала группу, которая изучала и технически обосновывала мое предложение.

Я говорю — мое, но предложение уже отличалось от прежнего — благодаря всеобщей помощи отличалось так, как взрослый отличается от младенца...

С февраля прошлого года мы уже работали на станах, по-новому отрегулированных и налаженных. Производительность труда прокатчиков увеличилась на двадцать пять процентов, качество проката стало значительно лучше. Мы получили экономию, равную стоимости двух миллионов килограммов муки. В 1953 году перевыполнили государственный план почти на одну четверть. А теперь,— сказал Сун Вень-сю, улыбаясь,— если я вам не наскучил, пойдемте в цех. Вы своими глазами увидите то, с чем безуспешно пытался справиться мой язык.

Вблизи от входа в цех стоял ржавый низкий навес, под ним лежали штабеля стальных слитков. Показывая на навес, Сун Вень-сю сказал с гордостью:

— Это все, что осталось от прежнего японского завода.

Сун Вень-сю водил меня по прокатному цеху и давал пояснения:

— Вон, видите, нагревательные печи. Прежде мы вручную садили в них болванки и вручную их оттуда выволакивали. Теперь это делают механизмы. Раньше подогрев болванок шел медленно и неравномерно. Советский специалист товарищ Карлов предложил нам усилить дутье, пользоваться более крупным углем и изменить устройство подины печи, на которой располагаются болванки для нагрева. Теперь они выскакивают из печи горячие и мягкие, и так быстро, что мы только успеваем поворачиваться... Посмотрите: всюду электрические вентиляторы, а раньше на всем заводе был один, маленький, да и тот стоял на столе директора завода... Вот это предохранительные ограждения. Прежде станы были, как мясорубки, не проходило недели, чтобы кто-нибудь не попадал в них. У вас есть часы? Заметьте. Каждые сорок восемь секунд завершается прокат полосы. В начале года мы тратили на десять секунд больше... Наш цех дает в тридцать раз больше продукции, чем давал японский завод.

Сун Вень-сю подвел меня к черной доске, вделанной в золоченую раму, и сказал:

— Перед этой доской останавливается каждый. Мы ввели часовой учет выполнения плана. И здесь каждому видно, как он трудился.

Сун Вень-сю познакомил меня с рабочим, на рукаве которого была красная повязка.

— Это наш лучший бригадир Цю Гуан-хэ,— торжественно сказал он.— Нет месяца, чтобы он не получал шелковый вымпел за отличное качество проката. Он работает у прокатного стана так ловко, словно вышивальщица у пялец, у него нет брака. У него каждый день на душе праздник Нового года. Он ничего не должен государству!..

Цю Гуан-хэ переложил тяжелые клещи из правой руки в левую, вытер ладонью пот со лба и, улыбнувшись, сказал:

— Ты не прав, товарищ Сун. Человек, который погружается в довольство, подобен верблюду, пережевывающему собственную жвачку. Нам с тобой нужно прогнать много миллионов ли металла. Этот большой счет предъявила нам страна...

Спустя несколько дней я снова пришел на выставку в Дом культуры и снова долго стоял у знакомой серии плакатов-картин. Глядя на них, я вспоминал Сун Вень-сю. Его рассказ о себе и эти рисунки слились в моем сознании воедино, как простое и чистое повествование о чистом и хорошем человеке.

Тяньцзинь.

Рабочие завода каждый день вносили поправки в проект Суна.

У доски соревнования.

ПОЖАР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. ТИХАНОВА.

Мы сидим в комнате дежурного по городу.

Несколько раз оживает репродуктор, и слышится монотонный голос связистки:

— Загорание в жилом доме в Последнем переулке...

— Замечен дым в подвальном помещении на Пятницкой...

И вскоре же:

— Пожара нет.

— Загорание ликвидировано.

Продолжаем ожидать. Пожарные работники — неплохие рассказчики, и мы узнаем от них много интересного. Оказывается, что большие пожары стали теперь редкостью. Благодаря повсеместной профилактике ушли в область преданий такие «знаменитые» пожары, как на винных складах Петра Смирнова или в магазине «Мюр и Мерилиз», где сейчас находится Центральный универмаг. Огонь ликвидируется теперь очень быстро, редко команды задерживаются на месте дольше получаса — часа.

Столичные команды оснащены совершенной техникой, дающей возможность быстро и эффективно бороться с любым огнем. Кто из москвичей не любовался проносящимися по улицам мощными автомобилями красного цвета!

В этот день не было ни одного пожара. Правда, позвонили из цирка, но совсем по другому поводу: просили снять медведей, повисших под куполом на гимнастических кольцах. Заело блок, и зверей нельзя было спустить на арену. Впрочем, команда не успела доехать, как блок исправили и мишек водворили в клетки.

И нам предложили: расскажите о пожаре, которого не было... Иначе говоря, об учениях с участием всех служб столичной пожарной охраны.

Дежурный по городу показал нам старую фотографию, на которой изображен выезд команды в первые годы Советской власти.

И вот мы в «той же» пожарной команде. В полной готовности стоят мощные автомашины. В комнате дежурного караула бойцы отдыхают на раскидных креслах. Вдруг раздается звонок, возвещающий о тревоге. Бойцы вскакивают, молниеносно натягивают на себя брезентовую одежду, каски и стремглав несутся к автомашине.

Не больше сорока восьми секунд должно пройти от звонка до выезда команды за ворота. На этот раз не прошло и сорока секунд, как красные автомашины, грозно фыркая моторами, вырвались на улицу.

Машины несутся по городу, и рев их сирен перекрывает уличный шум. Теперь нет былого колокола, который некогда возвещал о проезде пожарной команды, как нет и факелов, освещавших ей путь. В числе пожарных машин есть одна, представляющая собой электростанцию на колесах. Она направит яркие лучи своих двадцати прожекторов на место пожара и осветит все вокруг.

Не увидишь сейчас и каланчи. Но не исчезли постовые пожарные, которые бдительно следят за городом. Они взобрались на крыши высоких домов, укрылись в застекленных будках, зорко оглядывая оттуда в многократные бинокли раскинувшийся внизу город. Случается, что постовой замечает начавшийся пожар раньше, чем о нем передают по телефону с места происшествия. Чаще всего это бывает ночью, когда город погружается в глубокий сон.

Едва машина выехала за ворота пожарного депо, как устанавливается радиосвязь с дежурным по городу.

Начальнику команды даются считанные минуты для того, чтобы произвести разведку и доложить командованию план тушения. Затем радист сообщает о всех деталях операции.

Молниеносно прокладывается рукавная линия.

Пусть еще не открыт кран городского водопровода, вода у пожарных всегда с собой, — в автоцистерне свыше двух тысяч литров воды. При необходимости рукавная линия может быть протянута на два — три километра. Это делается с помощью специальных рукавных автомашин.

Наш условный пожар происходит на верхнем этаже большого дома. Воспользоваться домовой лестницей пожарные не могут: выход из квартиры отрезан огнем.

И вот развертывается огромная автомеханическая лестница.

Ствольщик берет рукав, становится на лифт, вмонтированный в лестницу, взвивается к окну восьмого этажа, откуда валит дым.

Несколько месяцев назад эту автомеханическую лестницу развертывали для спасения людей, отрезанных огнем в своих комнатах. Пожарный Александр Татьянин и его товарищи вынесли из огня трех ребятишек и двух женщин.

— Было точно так, как на этом учении, — говорит он друзьям, показывая наверх.

На многих пожарах привелось побывать Александру Татьянину за двадцать лет службы. До войны он был рекордсменом: быстрее всех пробегал по земле тридцать метров, взбирался по штурмовой лестнице на второй этаж, переставлял лестницу на третий этаж, поднимался туда, а затем и на четвертый.

Теперь Татьянин тоже взбирается по штурмовке, но рекордов ставить не может. В годы войны, находясь в разведке в тылу врага, он отморозил ноги и лишился обеих ступней. Это не помешало ему вернуться к старой работе.

Если вам приведется увидеть пожарных не в защитных, а в блестящих стальных касках, — знайте, что это бойцы газо-дымозащитной службы: такие каски в дыму виднее.

Бойцы отправляются в разведку. За ними тянется телефонный провод. У переднего в шлеме вмонтированы наушники. Надеты противогазы.

Бывают и такие пожары, что никак не найти источника огня. Валит дым, а откуда — непонятно. Такой пожар самый тяжелый. На наших учениях огонь оказался между перегородками, пришлось вскрывать их.

В руках у бойца электропила. Провод от нее идет к пожарной автомашине. Легко вгрызается пила в доски. Боец быстро вырезает часть перегородки, и оттуда вырывается пламя. Очаг огня немедленно ликвидируется.

Так был потушен пожар, которого в действительности и не было.

Теперь можно присесть, покурить — этот огонек уже не страшен.

И они примостились на подножке автомашины.

— Прикури, сынок!

Это отец и сын Балиновы, которые служат в одной команде. Сначала пришел сюда много лет назад отец, Федор Дмитриевич. За ним, вернувшись из армии, поступил и сын, Николай Федорович, бывший десантник, спортсмен.

...Команда вернулась домой. Сменились дежурные. И тут мы увидели выходящего из ворот молодого человека в шляпе, с книгами в руке.

— Мироненко, куда?

— В университет.

Пожарный Григорий Нестерович Мироненко оканчивает заочно биолого-почвенный факультет Московского университета имени Ломоносова.

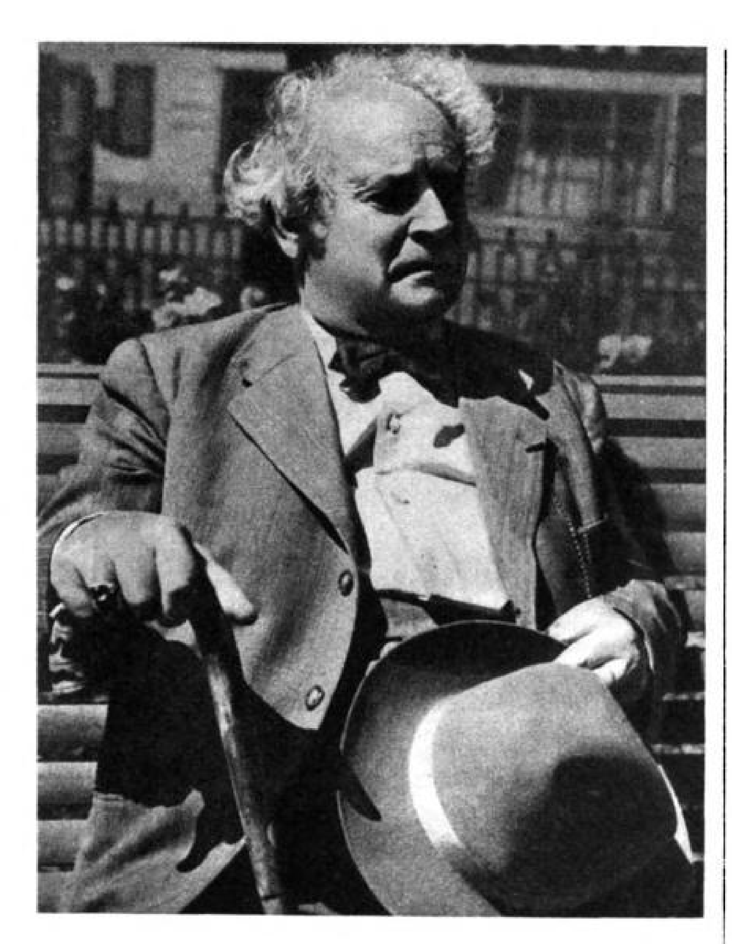
— Что же намереваетесь делать дальше? — спрашиваем его.

— Мечтаю об аспирантуре.

А в это время новые смены бойцов уже заняли свои посты в командах и на пожарных вышках. И каждую секунду они готовы вступить в борьбу с огнем, отстоять жизнь и имущество советских людей.

Умер Мартин Андерсен Нексе — знаменитый датский писатель, выдающийся общественный деятель, стойкий борец за мир, один из создателей Коммунистической партии Дании и член ее Центрального комитета.

«Я презираю писателей, выкидывающих самые головокружительные сальтомортале под куполом храма искусства, но не умеющих согреть простое человеческое сердце или осушить хотя бы одну слезу отчаяния и безнадежности»,— писал Нексе. И эти слова могли бы послужить эпиграфом ко всему творчеству писателя. В своих первых рассказах и повестях, а затем в больших художественных полотнах — романах «Пелле-завоеватель», «Дитя человеческое», «Мортен Красный» — Нексе не только показывал беспросветную нищету и нужду датских рабочих, крестьян, ремесленников, но и учил их бороться против угнетения, согревал их сердца, показывал путь в новый мир.

Приехав в Германскую Демократическую Республику, Нексе писал: «Там, где идет борьба за будущее человечества, там мой дом... В течение своей жизни я достаточно насмотрелся на то, как без всякого протеста снимает с себя последнюю рубашку изнемогающий в муках Пер-Голяк; теперь я хочу увидеть воочию, как он снова надевает рубашку, как он из нищего Лазаря становится человеком с выпрямившимся станом».

Международную известность и всенародное признание Нексе снискал не только своими талантливыми книгами, но и стойкой позицией борца против всего отжившего, мертвого, враждебного счастью народа. Ничто не смогло поколебать писателя — ни травля, ни гонения, ни репрессии.

Страстная ненависть к темным силам фашизма и реакции привела Нексе в Испанию в годы борьбы испанского народа за свою независимость. Это же чувство руководило писателем, когда он в годы фашистской оккупации Дании гневно клеймил и обличал оккупантов и их пособников. В послевоенные годы оно выдвинуло Нексе на передовые позиции борьбы за мир.

Имя Нексе широко известно в Советском Союзе. Он был в числе первых писателей мира, приветствовавших молодую Советскую республику. «Прекрасной действительностью всех времен» назвал Нексе Советский Союз. В нашей стране высоко ценят и глубоко любят этого выдающегося писателя-реалиста, пламенного борца за мир. Его произведения переведены на многие языки народов СССР и достигли тиража, превышающего миллион экземпляров. В настоящее время завершается издание десятитомного собрания его сочинений.

В. МОРОЗОВА

Горький и украинская литература

«Я люблю чарующие мелодии украинской народной песни, волнующую красоту украинской музыки, прекрасный украинский язык... Украинский народ пронес через столетия рабства и неволи драгоценные богатства своего гения. Посмотрите, какой ласковый и певучий мир раскрывается в его бессмертных песнях...

Русский народ является другом и братом украинского народа. Он вместе с ним глубоко переживает его страдания. Нет и не может быть вражды между русским и украинским трудовым человеком. Будучи на Украине, я видел, — с какой любовью украинский крестьянин говорит о русском хлебопашце. Оба народа должны вместе участвовать в великой борьбе против произвола, деспотизма»,— говорил Алексей Максимович Горький на собрании украинских общественных деятелей, ученых и писателей в декабре 1916 года.

Нужно представить обстановку того времени, чтобы оценить выступление Алексея Максимовича. Шла война; царское правительство усилило преследование неравноправных народов, русская буржуазия жаждала участия в империалистическом разделе мира и побуждала к продолжению кровавой бойни. В этих условиях Горький говорил о совместной революционной борьбе русских и украинцев, развивал свою давнишнюю мысль о необходимости знать прошлое и настоящее Украины, историю освободительного движения и культуру украинского народа, выдвигал план книги, которая должна была рассказать о думах и чаяниях трудящихся Украины, о ее героях.

Горький полюбил Украину в молодые годы, когда, по словам его, «ходил по Украине». К ранней поре жизни относится и первое знакомство писателя с творчеством Т. Шевченко. «Впервые я читал Шевченко еще юношей в Казани в конце 80-х годов,— писал Горький И. Ф. Ерофееву.— Тогда ходили по рукам сборники запрещенных цензурой стихов — рукописных. Помню, что мне очень понравилось четверостишие: «І день іде, і ніч іде», а также «Катерина». Затем, летом 97 и 98-го г.г., живя в Мануйловке Кременчугского уезда, я читал Шевченко на украинском языке крестьянам: книжка дана была мне учителем Самойленко, — кажется, львовское издание. Стихи Шевченко вообще очень нравились мне, да и вообще я питал «влеченье, род недуга» к литературе Украины».

Горький высоко оценил силу революционного воздействия стихов поэта-борца, так же, как его предшественники — деятели освободительного движения и передовой литературы России.

Русские революционеры распространяли стихи Шевченко в списках. Так дошли они до юноши Алексея Пешкова, полюбились и запомнились ему.

А десять лет спустя молодой М. Горький — писатель, уже связавший себя с рабочим движением, — ведя агитацию среди украинских крестьян, читал им стихи Шевченко.

Живя в Мануйловке в 1897 — 1898 годах, Горький организовал там театр, собрал труппу из местных жителей, ставил пьесы Карпенко-Карого, Старицкого, причем сам участвовал в спектаклях. Старики-колхозники Полтавщины до сих пор рассказывают о своих встречах с Алексеем Максимовичем.

Немного лет прошло, и Горький стал руководителем передовой литературы России. Судьба, условия, возможности развития многонациональной литературы в нашей стране глубоко занимали писателя на протяжении всей его деятельности.

К 1902 году относится его проект издания сборников лучших произведений литературы народов России, в первую очередь — Шевченко. Переписка Алексея Максимовича свидетельствует о том, как он заботился о переводах стихов великого украинского поэта. В 1906 году «Знание» выпустило первый том «Кобзаря». Подготовлявшийся второй том не увидел света из-за цензурного запрещения.

Вскоре Горький дал развернутую блестящую характеристику Шевченко в лекциях по истории русской литературы, читанных в 1909 году в Каприйской школе. Алексей Максимович рассказал биографию поэта, определил его место в истории русской общественной жизни, литературы, искусства и оценил его как «первого истинно демократического, т. е. народного поэта России». Горький отмечал многогранность творчества Шевченко и сравнивал его по силе дарования с Пушкиным и Мицкевичем.

Когда в 1935 году в Харькове был воздвигнут монумент Шевченко, Алексей Максимович писал: «Сердечно приветствую народ Украины в день, когда он достойно увековечивает в памяти детей и внуков своих прекрасный образ истинно народного великого поэта-демократа, замученного царизмом».

Горький, как заботливый друг, следил за развитием украинской литературы и стремился содействовать ее росту.

Летом 1909 года к нему на Капри приехал выдающийся украинский писатель М. М. Коцюбинский. С тех пор они встречались часто, переписывались, подолгу беседовали, читали друг другу свои произведения, делились замыслами и планами.

«Большое спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за Ваше хорошее отношение и за все то доброе, что я видел в Вас и от Вас. Право, при одном воспоминании о Капри, а в особенности о нашем знакомстве, как-то теплее и светлее становится на сердце. Думаю, что могу прямо, без страха быть ложно понятым, признаться, что крепко полюбил Вас и чувствую благодарность к случаю, который нас свел»,— писал Коцюбинский Горькому. Алексей Максимович отвечал ему таким же признанием: «...очень я доволен, что встретил Вас, и большую симпатию вызвали Вы в душе моей».

В 1912 году Горький просил Коцюбинского написать или организовать для журнала «Современник» статью на тему «Культурные запросы Украины» и очерк по истории украинской литературы.

Коцюбинский умер в апреле 1913 года. Горького, по его словам, «очень ушибла» эта смерть. «Большого человека потеряла Украина — долго и хорошо будет она помнить его добрую работу», — так прощался Алексей Максимович со своим другом. Вскоре в своих воспоминаниях он создал его чудесный портрет.

Горький хорошо знал творчество Ивана Франко, писателя-демократа, горячего сторонника связей между русской и украинской культурой. Свое отношение к Франко, признание его больших заслуг Алексей Максимович выразил в том, что участвовал в организации сборника в честь этого писателя и напечатал там рассказ «Лука Чекин», более известный под названием «Кража». В 1905 году, когда Горький был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, Франко был среди выступивших в защиту великого русского писателя.

В 1908 году Алексей Максимович рекомендовал одному начинающему писателю как образец рассказы западноукраинского прозаика Стефаника о крестьянах: «Прочитайте, вы увидите, как кратко, сильно и страшно пишет этот человек».

Горькому были известны первые выступления выдающегося поэта Украины, нашего современника П. Г. Тычины. «Знаю я Вас давно, — писал он Тычине,— мне много и нежно — как он изумительно умел говорить о людях — рассказывал о вас М. М. Коцюбинский, читал некоторые Ваши стихи. Затем я читал по-украински «Вместо сонетов»... Крепко жму руку Вашу, желаю Вам душевной бодрости, здоровья. Не думаете ли писать прозу? Мне кажется, что и тут Вы явились бы новатором».

В украинской литературе, как и во всякой другой, Горький выделял демократические и социалистические тенденции, поддерживал их, стремился содействовать их росту в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму.

Замечательно, что в повести «Мать» Горький отобразил дружбу русских и украинцев, нерасторжимое их единство в революционной борьбе. Павел Власов и Андрей Находка — боевые товарищи. В них много общего: беззаветная преданность делу революции, героическая стойкость. И вместе с тем как отчетливо различны характеры Павла и Андрея по их индивидуальным и национальным чертам, с какой любовью и знанием национальных особенностей написан образ Андрея Находки!

После Великого Октября, преодолев с помощью Советской России тягчайшие испытания гражданской войны и интервенции, украинский народ вступил в пору бурного хозяйственного, политического, культурного развития.

Один из горьковских очерков той поры посвящен Днепрострою. В нем подчеркивается значение, которое имеет первенец социалистической индустрии для Украинской республики. Будни Днепростроя изображены писателем с чудесной наглядностью. Горький показал трудовой подъем, работу людей, которые осознали себя хозяевами своей страны.

Несколько лет спустя Горький руководил подготовкой к Первому Всесоюзному съезду советских писателей.

В дни съезда и после его окончания Горький встречался с писателями, беседовал с ними. Беседы касались, в частности, неотложных задач развития украинской литературы. Алексей Максимович говорил о том, что необходимо чаще и лучше переводить на русский язык произведения украинских литераторов, что обмен культурными ценностями плодотворен для каждой из национальных литератур и для искусства социалистического реализма в целом, что необходимо написать историю украинской литературы...

Народ Украины, его художники слова отвечали своему другу большой любовью. Это чувство хорошо выразил П. Тычина, благодарно сказавший:

— С украинскою землей он крепко сросся.

М. ЮНОВИЧ

М. А. Суздальцев. НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ.

«Огонёк». 1954.

Творческий успех

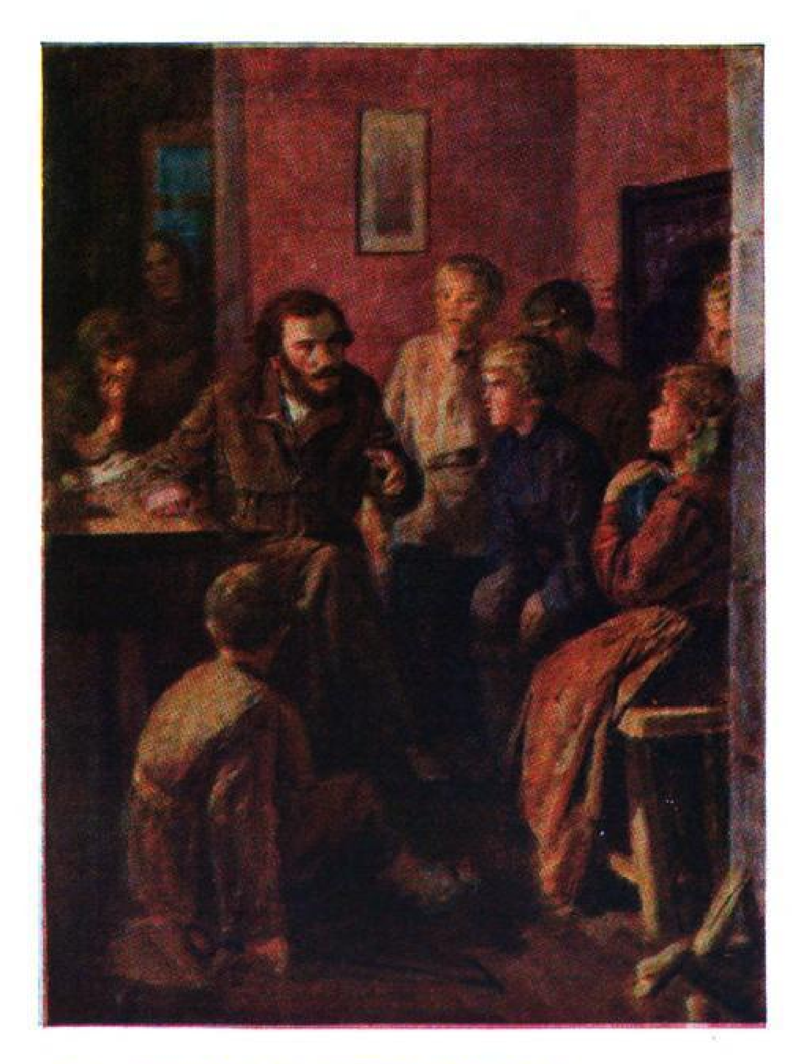
Произведения молодых художников, которые были экспонированы весной этого года на выставке, организованной Московским комитетом ВЛКСМ и Московским союзом советских художников, показали разнообразие дарований и творческих манер молодых мастеров, их горячее желание говорить о правде жизни. На выставке можно было видеть исторические, пейзажные, жанровые, портретные работы.

М. Суздальцев написал полотно, посвященное великому русскому писателю Максиму Горькому,— «Навстречу жизни»,— которое говорит о несомненном живописном мастерстве молодого автора. Романтику трудового подвига — С. Фролов «Охотники за китами», глубокие, насыщенные образы природы — В. Дмитриевский «Пробуждение», В. Косенков «На Кольском полуострове», непосредственность характеров детей — И. Басинова «Рыболовы», Д. Пускин «После уроков» воспевают живописцы в своих произведениях. Моральные проблемы быта семьи нашли воплощение в картине М. Стриженова «Чужие». Художник, не сглаживая жизненного конфликта, рассказывает о сложности отношений в семье.

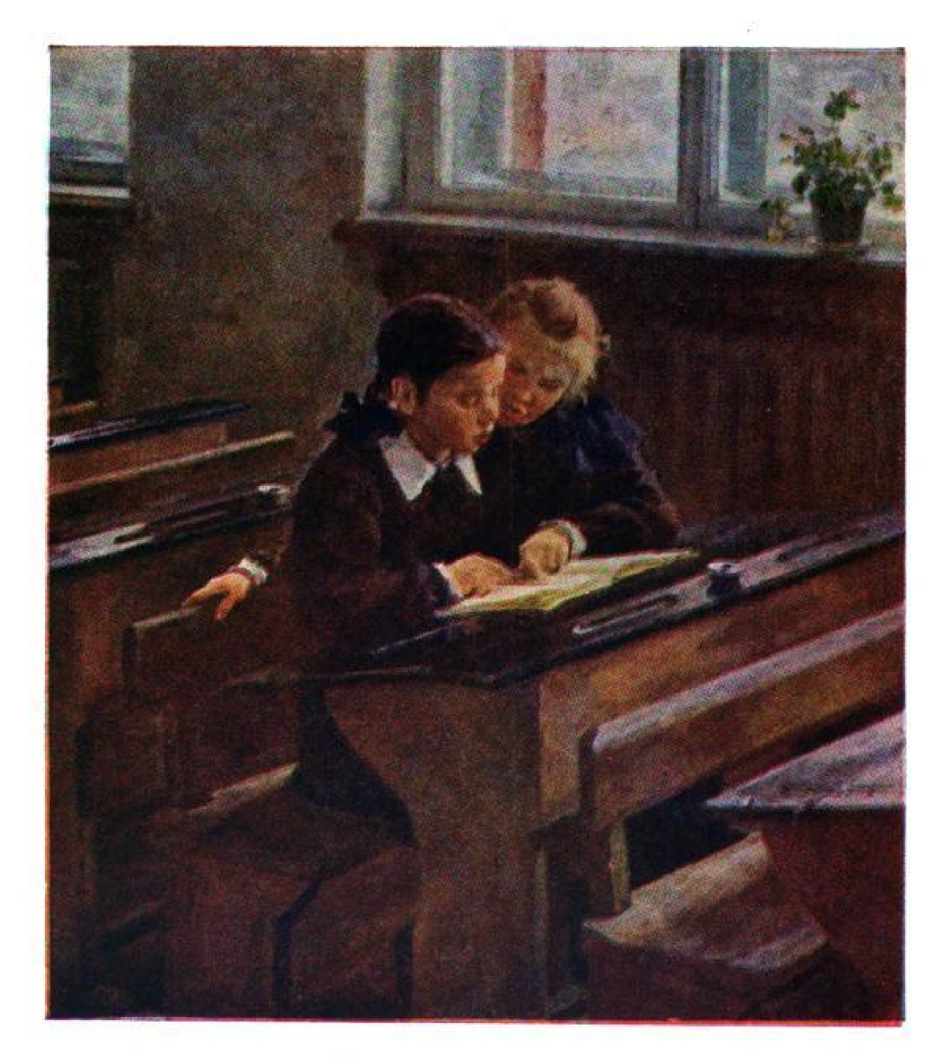
Бесспорный успех молодых художников объясняется не только их профессиональным умением, но и тем, что они обратились к темам нашей действительности.

И. Н. Басинова. РЫБОЛОВЫ.

С. М. Хинский. Л. Н. ТОЛСТОЙ НА УРОКЕ.

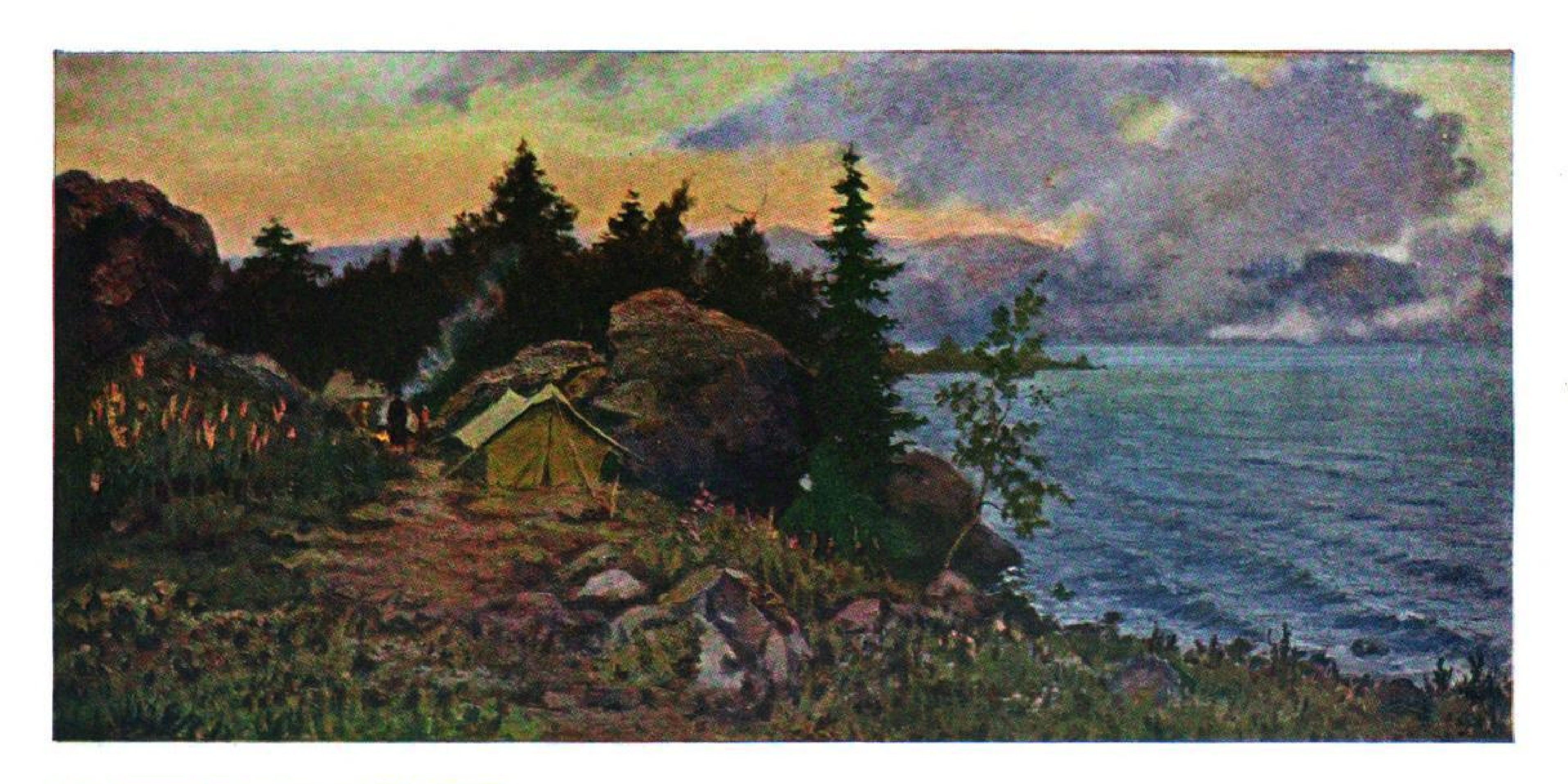

Д. И. Пускин. ПОСЛЕ УРОКОВ.

С. Л. Фролов.
ОХОТНИКИ
ЗА КИТАМИ.

М. Б. Стриженов.
ЧУЖИЕ.

В. К. Дмитриевский. ПРОБУЖДЕНИЕ.

В. П. Косенков. НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ДВОЙНИКИ

В просторной комнате, где по стенам, полу, столам, словно разноцветные и гибкие лианы, вьются провода, послышался сухой щелчок.

— Короткое замыкание, — поясняет один из сотрудников лаборатории, указывая на стол с массивными рубильниками и грозной надписью: «Не трогать! Высокое напряжение!».

Какая неудача! Видимо, сейчас надолго выбыла из строя вся система. Но, к удивлению, короткое замыкание, всюду такое нежелательное, а порою и опасное явление, здесь, в лаборатории Московского энергетического института имени В. М. Молотова, не вызвало никакой суеты. За первым щелчком последовал второй, третий... Все продолжало работать как ни в чем не бывало... Оказывается, короткие замыкания входят в обширную программу ежедневных испытаний на этой установке, названной динамической моделью энергосистемы, хотя ничто не напоминает в ней черт будущей ГЭС.

Занимая три просторных зала, она опрокидывает все понятия о модели как о чем-то миниатюрном, как две капли воды, похожем на оригинал. Не угадать в струе воды, сбегающей по трубам, потока большой реки, в нескольких десятках катушек и конденсаторов ничто не выдаст линии передачи, отмечающей своими ажурными мачтами путь почти в тысячу километров. Огромный город с бесчисленными жилыми домами и сотнями заводов здесь заменен группой электрических ламп и несколькими моторами. А небольшая турбина в машинном зале модели даже отдаленно не напоминает ту, которую будут монтировать на Куйбышевской ГЭС.

В чем же ценность подобной модели? Все звенья здесь так не похожи на будущее сооружение, словно они нарочно облачились в маскарадные костюмы. Не введет ли такая модель в заблуждение строителей гидросистемы?

Наоборот. Она убережет их от многих ошибок. Этот маленький двойник еще задолго до рождения будущего электрического гиганта расскажет не только о его повадках и нравах, о капризах и болезнях, но и укажет средства, как их преодолеть.

Своеобразным путем идет строительство сверхмощных гидроэлектростанций. Оно не знает опытных образцов. Можно построить опытный самолет, автомобиль, станок, постепенно проверить их в эксплуатации, внести необходимые исправления в конструкцию и технологию и только после этого приступить к серийному выпуску. Но невозможно создать предварительный образец турбины, на каждой лопасти которой свободно помещается товарный вагон, или протянуть для предварительных исследований линию передачи длиной почти в тысячу километров. В этих случаях детальные расчеты и проекты, предшествующие строительству, обязаны учесть всю многогранную «жизнь» будущего сложного и единого комплекса, именуемого современной электро-энергетической системой. На них лежит ответственность, чтобы вся аппаратура вела себя именно так, как ей предписала конструкторская мысль. Но оказывается, чем сложнее система, тем труднее добиться этого совпадения.

Наблюдая, изучая любое явление, можно обнаружить управляющий им внутренний закон и записать его в виде математической формулы. Однако она никогда не может отразить всю сложность явления. Требуются еще какие-то дополнительные данные, связывающие общий закон с конкретным случаем. Эти данные накапливаются годами. Но чем заменить многолетний опыт, когда мир не знает энергетических систем, подобных Куйбышевской, где каждый из генераторов будет вырабатывать почти вдвое больше энергии, чем, например, Волховская ГЭС? Какие поправки надо ввести в прежние уравнения? Гигантские размеры энергетической системы могут породить в ней неведомые свойства. Как учесть их?

Вот здесь-то и пришла на помощь модель.

...На одном из столов нажата белая кнопка контактора, и медные пластины, сомкнувшись, издали резкий, сухой щелчок. И мгновенно особые устройства — реле — тут же ликвидировали последствия очередного короткого замыкания...

Такие реле, расставленные вдоль всей линии электропередачи, будут неустанно наблюдать за исправностью воздушной электрической трассы, которой грозят удары молний, сильные ветры, обледенения — все то, что вызывает короткие замыкания, обрывы проводов. Если своевременно не принять мер, то такие аварии могут вырасти в настоящее бедствие для всей энергосистемы, для всех городов, подключенных к ней. Реле — своеобразные стрелочники, которые не только обнаружат повреждения на участке, но и отключат «больной» участок, передав электрический ток на параллельную линию, словно экспресс — на другой путь. Реле — «стрелочники» на редкость квалифицированные, и вся операция отключения и переключения занимает у них менее одной трети секунды.

Где же уверенность в том, что эти реле, столь безотказно работающие на модели, будут так же успешно справляться со своей задачей на будущей линии? Она в полном подобии электрических процессов, протекающих в модели, с процессами, которые будут происходить в системе будущей ГЭС.

В основу действующей гидродинамической модели Куйбышевской ГЭС положена теория физического моделирования, созданная в СССР трудами советских ученых и особенно школой академика М. В. Кирпичева, развитая применительно к электротехническим явлениям доктором технических наук В. А. Вениковым.

Созданию такой модели предшествовали сложнейшие теоретические расчеты и выкладки.

Кажется, чтобы сделать модель, надо просто механически в каком-то масштабе уменьшить размеры задуманного сооружения, уменьшить его генераторы, конденсаторы, катушки. Однако достигнутое таким путем чисто внешнее сходство не позволило бы сохранить подобия электрических процессов, увлекло бы исследователей лишь на ложный путь.

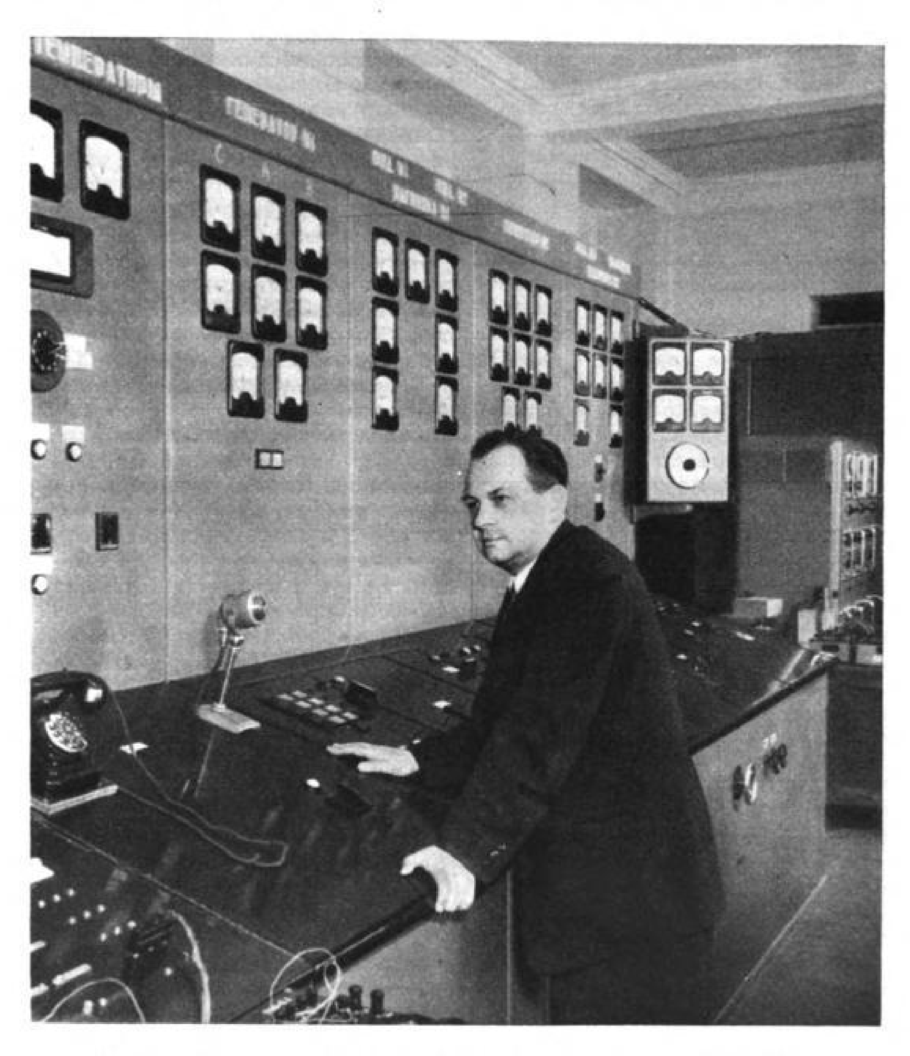
Вот, например, капилляр — трубочка с тоненьким, как волос, каналом. Внешне это абсолютная копия широкой трубы. Но попробуем опустить трубу и капилляр в сосуд с водой. Казалось бы, уровень воды должен быть повсюду одинаковым. Однако в капилляре он поднялся намного выше. Следовательно, узкий канал капилляра проявил новую особенность, не свойственную более широкому отверстию трубы.

Вот почему стремление сохранить электрическое подобие модели с будущим сооружением начисто отвергло всякую попытку добиться их внешнего сходства.

Испытание модели похоже на работу электростанции. Только день ее насыщен множеством «аварий» и «катастроф», которые внимательно изучаются сотрудниками лаборатории. Десятки раз в смену со щита управления раздаются переданные в машинный зал по микрофону команды: «Приготовиться к пуску модели!» В машинном зале техник пускает насосы, и вода, хлынув к турбине, все убыстряет ее бег. Заработало и сердце модели — генератор. Вот напряжение на его обмотках уже достигло напряжения городской сети. «Подключить генератор!» — раздается новая команда, и стрелки амперметров на серой панели щита управления, резко сорвавшись с нуля, сигналят, что команда выполнена и ток модели ручейком влился в общий энергетический поток города.

Момент подключения электростанции и электропередачи к общему энергетическому кольцу очень ответственен. Многочисленные приборы следят за напряжением и частотой тока, поддерживают нужные величины. На модели удалось досконально изучить этот процесс и проверить надежность аппаратуры.

Бесконечно сложна жизнь современных энергетических систем. Каждый из нас, сам того не подозревая, влияет на нее. Привычным жестом повернув выключатель лампы в комнате или нажав пусковую кнопку двигателя в цехе, мы в этот момент нагружаем генераторы системы, нахо-

Доктор технических наук В. А. Веников у пульта управления.
Фото Г. Рыжова.

дящиеся порою на расстоянии сотен километров от нас. Недаром график нагрузки электрической системы с поразительной точностью рассказывает о жизни города. Изменения нагрузки тотчас вызывают колебания напряжения в сети. С подобными нежелательными колебаниями тем труднее бороться, чем больше линия электропередачи: чем длиннее, тем чаще готовит она «сюрпризы». Поэтому «своенравную» громаду нельзя ни на минуту оставлять без присмотра. Человеку не под силу это осуществить. Здесь на помощь приходят особые приборы — регуляторы. Они всегда начеку. Ничто не скроется от их внимания. Это нервы энергетической системы, которые, как нервы живого организма, не только мгновенно реагируют на любую, самую ничтожную ненормальность в работе, но и тут же ее устраняют.

Пять больших ящиков, похожих на шкафы с множеством приборов и рукояток, — пять типов таких регуляторов оспаривают в лаборатории друг у друга право на работу с будущей ГЭС. Кто из них окажется достойным? Роль беспристрастного судьи предоставлена модели.

Тонкий луч осциллографа, прочертивший замысловатый график, расскажет, насколько хорошо и быстро справился регулятор со своими обязанностями. Эти «письменные работы» регуляторов тщательно изучаются сотрудниками лаборатории. В осциллограммах, как в зеркале, отражается самочувствие модели, все процессы, длящиеся лишь сотые доли секунды. Так удалось выбрать наиболее удачную конструкцию регулятора. По ее образцу сейчас изготовляются уже аппараты непосредственно для ГЭС.

Такие же «письменные работы» сдают и реле и многие другие приборы.

Помимо этих проблем, модель, сконструированная В. А. Вениковым, Т. Л. Золотаревым, А. В. Ивановым-Смоленским, позволяет решить еще одну проблему, пожалуй, не меньшей важности: на ней можно подготовить техников, инженеров для будущей ГЭС и всей системы. Маленький двойник на редкость вынослив и неприхотлив. Он допускает далеко не бережное обращение с собой. Поэтому управление им можно отдать в руки тех, кто будет оттачивать на нем свое мастерство, учиться устранять аварии. И персонал будущей энергетической системы к моменту ее пуска уже полностью овладеет всеми особенностями управления и регулирования ею.

Но неужели жизнь модели кончится тогда, когда в наши дома и заводы потечет энергия Куйбышевской ГЭС? Мысль конструкторов позаботилась и о том, чтобы у их детища не было столь бесславного конца. Отдельные детали модели составляют своеобразный «шрифт», из которого по желанию исследователей можно «набрать» различные энергетические системы. Сейчас из этого «шрифта» сложена энергосистема Куйбышевской ГЭС, а затем тот же «шрифт» с небольшими изменениями сможет «изобразить» и другие, еще более мощные электрические системы.

И. ДОНСКАЯ,
С. ИКОННИКОВА

Зритель выбирает спектакль

В театральной кассе

Самые ретивые театралы появляются здесь часов в шесть. Торопливо выпрыгнув из пустых троллейбусов, они спешат к месту назначения, поеживаясь на ходу от утренней свежести. Это, конечно, студенты. В дни, когда начинается предварительная продажа театральных билетов, группами и в одиночку устремляются они на Невский проспект, к дому № 42, где помещается театральная касса. Жильцы соседних домов говорят, что в эти дни, задержавшись у подъезда, станешь в курсе всех театральных событий. Здесь вы раньше других узнаете, что в спектакле театра имени Пушкина «Гамлет» — музыка Д. Шостаковича, а Офелию играет актриса ТЮЗа Н. Мамаева — любимица ленинградской детворы. Да и не только детворы, — весь театральный Ленинград 2—3 года назад ходил смотреть ее в роли Джульетты. В этот же театр для участия в отдельных спектаклях пригласили из других коллективов не только Мамаеву; в пьесе А. Арбузова «Годы странствий» играют роли актер Большого драматического театра И. Горбачев и актриса Театра комедии Л. Люлько. А вот молодых воспитанников театра на сцене маловато...

Тем временем толпа у дома растет. В 11 часов двери отворяются. И вот уже тает на глазах папка с билетами Театра оперы и балета имени Кирова.

«Спящая красавица», «Раймонда», «Щелкунчик», «Красный мак», «Лауренсия», «Медный всадник» — раздаются без конца голоса во всех окошечках. Зрители стремятся на балетные спектакли. Кассир рекомендует «Родные поля».

— Нет, нет! — решительно машет рукой женщина. — И не предлагайте, видела! Хватит!

Быстро разбирают билеты в театр имени Пушкина, в театр имени Ленинского комсомола...

В окошечко заглядывает девушка в берете.

— Коляда поет в «Травиате»? Тогда, пожалуйста, нам 10 билетов. Нас пятеро, — быстро добавляет она и взволнованно кричит кому-то в глубину: — Девочки!

К стеклу приплюснулись раскрасневшиеся лица, озабоченно смотрят глаза на кассира.

— Если можно, подешевле, — смущенно добавляет кто-то из девушек. — Нам ведь еще на «Порт-Артур» в Пушкинский надо и на «Новые люди». Только не на вторник, а то у нас лекции!

Звонит телефон. Работники фабрики «Красное знамя» идут завтра всем коллективом в Оперную студию консерватории слушать «Царскую невесту», но не хватило нескольких билетов: многие хотят пойти всей семьей.

Моряк, смущенно улыбаясь, торопливо говорит кассиру:

— На неделю в командировку приехал. Месяцами на траулере в море. Посоветуйте, что посмотреть.

Кассир Надежда Семеновна Баранникова подбирает ему билеты и рассказывает нам:

— Вот так часто спрашивают совета и ставят в довольно трудное положение. Плохие спектакли совестно рекомендовать (не пошлю же я его в нашу Музкомедию!), хороших не так уж много, да и билеты на них расходятся в первые же часы. Впрочем, сейчас даже на «Огоньки» иногда берут. Давно не помню такого паломничества в театры, как в этом сезоне. Но, к сожалению, не потому, что спектакли все такие прекрасные. Причина в другом: люди рано с работы освобождаются.

Это наблюдение Надежды Семеновны подкрепляют цифры. Центральная театральная касса Ленинграда только за один квартал нынешнего года перевыполнила план на 2 миллиона рублей.

Вестибюль театральной кассы увешан афишами.

— Странные какие-то названия пошли у пьес, скучные, служебные, — говорит пожилой мужчина, ни к кому особенно не обращаясь. — Как по ним выбрать спектакль? Ну вот вас какое название больше манит? — поворачивается он к группе молодежи. — «По собственному желанию», «Родные поля» или «Степная быль»? О чем эти пьесы — непонятно. Забыли, видно, традиции классиков — у тех всегда в названии пьесы и идея раскрывается и отношение автора к изображаемым событиям. Вспомните Островского — «Не в свои сани не садись», «Волки и овцы», «Гроза»; Толстого — «Власть тьмы», «Живой труп», или у Горького — «Дачники», «Варвары». Так и в лучших советских пьесах: «Бронепоезд 14-69», «Разлом», «Оптимистическая трагедия», «Человек с ружьем»... А сейчас вот толкусь перед афишей добрые полчаса и не пойму, что меня больше волнует: «Страница жизни» или «Большие хлопоты»...

Студент горного института советует:

— А вы пойдите Честнокова посмотрите, он наверняка взволнует.

— А в чем?

В беседу вмешивается Инна Кротова из университета:

— Честнокова надо смотреть в «Сомове»! Весь спектакль держится на нем, остальным актерам драматического театра пьеса Горького явно не под силу.

— И все же коронная роль его — Дон Сезар де Базан, — вступает в разговор немолодая женщина. — Давно не помню на сцене образа, так остро и умно созданного.

— Что говорить, актер очень интересный, недаром о каждой его роли в газете несколько статей, — замечает Инна.

— В какой же это газете? Почему-то не помню, — смущенно признается студент.

— А в «Голосе зрителя»...

— В «Голосе зрителя»?!

— Да, при театральном обществе организована секция зрителя, там и выпускается газета. Приходите почитайте. Интересно.

Голос зрителя

Интересного в газете действительно было немало. Стенограммы зрительских конференций, письма-отклики на спектакль, специальные статьи.

Большая любовь к искусству привела сюда и объединила слесаря-механика В. Попова, педагога Е. Мельникову, хирурга Г. Левитина, студентку И. Кротову, конструктора О. Фирсова и многих, многих других. В своих высказываниях они останавливаются не только на отдельных спектаклях.

Мастера И. Цуканова вообще тревожит состояние Малого оперного театра.

«Театр берется за трудные оперы со слабыми силами. Замечательные творения уродуются и вызывают возмущение зрителей,— пишет И. Цуканов о спектакле «Трубадур». — Некоторые певцы высокие ноты берут просто на крик — что выйдет! Иногда крик звучит ниже указанной ноты...»

Письмо было опубликовано в газете, которая вывешивается в Доме актера. Когда в театре узнали об этом письме, коллектив встревожился. Ведь это был серьезный разговор не только о данном спектакле (хотя в «Трубадуре» потом заменили многих исполнителей), но и о направлении театра в целом. Когда-то за создание новых опер и глубокую работу над классикой театр называли лабораторией оперного искусства. За последнее время коллектив показал несколько интересных и ярких балетных спектаклей, но ни одного значительного оперного. Созданные здесь балеты «Сольвейг» и особенно «Семь красавиц» завоевали любовь и широкое признание ленинградцев, а на «Угрюм-реку» зритель идет неохотно. Завсегдатаи говорят, что Малый оперный театр пора переименовать в балетный. А зритель зря не скажет!

С начала этого сезона в секцию зрителей ВТО, в газету стали приходить письма о Большом драматическом театре. Любимый театр ленинградцев, у колыбели которого стоял Горький, в труппе которого такие великолепные актеры, как В. Софронов, А. Лариков, В. Полицеймако, Е. Грановская, О. Казико, в последние годы стал терять зрителя. Этому предшествовало снижение качества, художественного уровня, требовательности к себе.

Бывали за это время удачные спектакли, бывали яркие актерские работы, но во всем сказывалась случайность.

Студентка И. Кротова, инженер-строитель А. Хваткова, экономист Лобанова, библиотекарь К. Утехинская, слесарь В. Попов забили тревогу. Не поняли в Большом драматическом пьесу «Большие хлопоты», а в Театре Моссовета она идет с успехом; не удалась комедия «Когда ломаются копья», удачный спектакль в постановке Малого театра; быстро сошел с репертуара «Кандидат партии». Давно нет интересных постановок русской классики, а ведь старшее поколение зрителей хорошо помнит, как здесь звучали горьковские пьесы. Сейчас на афишах основное место занимают «Девушка с кувшином», «Рюи Блаз», «Слуга двух господ». Наличие их в репертуаре понятно, но не они должны определять лицо театра.

Была созвана конференция зрителей, посвященная работе Большого драматического театра. Выпустили специальный номер газеты. Это был обстоятельный разговор о театре — о его репертуаре, об отдельных спектаклях, режиссерах, актерах. Зритель взволнованно вникал во все детали. Бухгалтер товарищ Розина писала о молодом артисте, воспитаннике художественной самодеятельности: «Горбачев может быть по-настоящему сердечен и лиричен, зачем же заставлять его «обалдевать», теряться, вызывать смех зрительного зала? (Речь шла о лирической сцене в пьесе «Когда ломаются копья», где Горбачев играет роль Брешко.) Мне кажется, что в последних своих работах — Хорохорина в «Строгой девушке» и Брешко — Горбачев начинает повторяться».

Председатель секции зрителей конструктор Олег Афанасьевич Фирсов говорит нам:

— В театре уже три года нет художественного руководителя, нет главного режиссера — вот его основная беда, вот в чем причина отставания. Знаете вы наш театр имени Ленсовета? — продолжает он. — Да, тот самый, что показал «Тени», «Весну в Москве», «Европейскую хронику»... В этот театр еще два года назад почти не ходили. Помню, я смотрел там «Нору» — занято было всего 5—6 рядов партера. Но вот туда был назначен главным режиссером Н. П. Акимов. Режиссер неровный, но творческий, яркий и талантливый. Одна за другой появились три вышеназванные его постановки, и зритель повалил теперь на все спектакли.

Наблюдения Олега Афанасьевича нам подтверждают цифры. В 1952 году театр посетило 168 400 человек, в 1953 году — 238 тысяч. Театр, обретя режиссера, обрел и зрителя.

— Но не всем так повезло, как театру Ленсовета,— продолжает Фирсов. — Посмотрите афиши театров, они разных цветов, на них стоят разные эмблемы, а постановщики одни и те же. Режиссеры переходят из театра в театр, невзирая на то, музыкальный он или драматический, и это не приносит пользы ни спектаклю, ни коллективу...

— Вы видели спектакль «Огоньки» в музкомедии? Он поставлен главным режиссером театра, постановщиком драматических спектаклей И. Ермаковым (дирижер — С. Орланский). Посмотрите. Убедитесь, что получается.

И мы убедились..

Зритель выбирает спектакль

Отзвучала увертюра, спел свое хор, и начался... драматический спектакль. В нем все шло вполне благопристойно: характеры постепенно раскрывались и даже изменялись под влиянием среды, событий, взаимоотношений; действие развивалось, люди разговаривали вполне литературным языком. Так продолжалось до тех пор, пока постановщики не спохватывались, что театр-то — музыкальной комедии, и спешили отдать этому дань. И тогда все в спектакле рушилось: пропадала логика поведения персонажей, тормозилось действие.

...Начало девятисотых годов. Нарвская застава. Рабочие готовятся к забастовке. Руководят подпольной работой Андрей Самойлов и его жена — учительница музыки. К концу первого действия, когда вот-вот должна начаться стачка, учительницу арестовывает полиция. Поворот в жизни героини довольно печальный. Но тут вступает в силу жанр. Еще гремит по подмосткам шашка околоточного, а на сцене все уже пустились в пляс. Танцуют девушки, удальски откалывают коленца парни — веселье захлестывает всех. Зритель вспоминает, что он шел на оперетту, отгоняет грустные мысли о судьбе бедной узницы и аплодирует артистам за хорошие танцы. Но делу время, а потехе час. Действие идет дальше. Андрей призывает всех к забастовке. Забыв, что спектакль музыкальный, что самые кульминационные моменты должны как-то решаться совместно с музыкой, Андрей произносит речь, длинную речь, и... драматическое действие продолжается. Потом вновь вспоминают о профиле театра и опять ни к селу, ни к городу вставляют музыкальный номер.

Второй акт. Назначена демонстрация. Решение это пришло внезапно. Надо все подготовить, времени мало, об этом говорят на сцене. И после этого немедленно... садятся петь. Песни хорошие, мелодичные (композитор — Ю. Свиридов), сам Андрей аккомпанирует на баяне, и все поют. Зрители недоумевают. Но постановщики довольны: полагающееся количество музыки, и хорошей, в спектакле имеется, а что она никак не связана с действием, неважно. Впрочем, изредка она входит в действие. Вот, например,

Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова. Многие сюда приходят задолго до начала спектакля в надежде достать билет.

Шурка Богомолов все думает о деревне, копит деньги на корову и не хочет бастовать. Тогда ему поют обличительные куплеты со следующим рефреном:

> И то ведь сказать, корова
> Всего ведь мычать здорова,
> Но если смотреть глубоко,—
> Молоко. Молоко!

После этого в характере Шурки наступает перелом. Впрочем, к единству текста и музыки постановщики особенно не стремятся. Когда однажды заболел исполнитель роли Андрея, а его дублер знал только вокальную часть роли, выпустили на сцену сразу двух: один актер ходил, разговаривал, другой в положенное время пел.

...Мы вспомнили о толстой пачке билетов, которая лежала без движения в театральной кассе, и откровенное признание Н. С. Баранниковой, что стыдно этот спектакль рекомендовать зрителю. А может быть, и не только этот? В 1952 году театр музкомедии на 600 тысяч не выполнил план, в 1953 — свыше миллиона. Зритель-то выбирает спектакль...

И. ВЕРШИНИНА,
К. ЧЕРЕВКОВ

В зале Ленинградского театра музкомедии во время спектакля.
Фото Н. Ананьева.

Внушительная ПОБЕДА

Интервью «Огонька»

Василий СОКОЛОВ,
заслуженный мастер спорта

В конце мая в Будапеште, на Народном стадионе, состоялось интересное футбольное соревнование между сборными командами Венгерской Народной Республики и Англии.

Это был ответный визит английских футболистов. Первая встреча этих команд, как известно, проходила в Лондоне в ноябре прошлого года и закончилась небывалым поражением англичан (3 : 6). Естественным было их желание взять реванш. Английская спортивная общественность очень болезненно тогда восприняла первое за девяносто лет поражение своей сборной команды. Миф о непобедимости английского футбола был развеян, репутация его основательно пошатнулась. Спортивные обозреватели, да и специалисты пришли тогда к единодушному мнению, что Англии нужно обновить состав сборной.

И вот в Будапешт приехала совершенно новая команда Англии — цвет национального футбола. Из старого состава осталось лишь несколько игроков.

Интерес к этому матчу был очень велик. Все понимали, что англичане прибыли в столицу Венгрии для того, чтобы реабилитироваться.

В Будапешт к этому дню съехались 5 тысяч англичан, тысячи французов, итальянцев, швейцарцев, чехов, немцев, более ста журналистов и радиокомментаторов. Дирекция стадиона получила заявки на 800 тысяч мест. За билет, который стоит 80 форинтов, любители футбола готовы были платить 1 000 и 1 200 форинтов. Однако стадион мог вместить только 92 тысячи зрителей.

Мы — группа советских тренеров — приехали в Будапешт за два дня до начала состязания. Всюду мы слышали разговоры о предстоящем матче. Накануне видели разминку англичан и тренировку, которая в основном свелась к упражнению передачи мяча. На эту тренировку собралось несколько тысяч зрителей, много фотокорреспондентов. Английские футболисты не успевали давать любителям свои автографы.

Тренировку венгров нам, к сожалению, увидеть не удалось.

Задолго до начала соревнования мы направились на Народный стадион. Улицы, ведущие к нему, были запружены людьми. Это любители футбола, не сумевшие получить билеты, наблюдали за потоком автомобилей и группировались у радиорепродукторов.

Народный стадион в день матча. На зеленом поле выстроились сборные команды Англии и Венгрии.

За полтора часа до начала состязания все трибуны были уже полны.

Поле Народного стадиона в отличном состоянии.

В шуме голосов тысяч зрителей, спорящих и предсказывающих результат, мы вдруг услышали чей-то резкий возглас. Это один из приехавших англичан выражал свою мысль громче, чем следовало бы.

— Либо победа, либо головой в Дунай! — заявил он.

Но вот итальянский судья Бернарди призвал к началу соревнования, и венгры сразу же бросились вперед, предложив исключительно высокий темп.

Английские защитники явно растерялись, начали метаться по полю, отбивали мячи куда попало и очень часто за боковую линию. Уже на первой минуте центр нападения венгерской команды Хидегкутти имел полную возможность открыть счет, но мяч, пущенный им в сторону ворот, прошел мимо. Через несколько минут правый нападающий венгров Кочиш также пробил мимо ворот, еще через минуту мяч, сильно пробитый Кочишем, взял английский вратарь Мэррик.

Но вот на девятой минуте Хидегкутти идет с мячом к штрафной площадке. Почти у самой ее границы два английских защитника делают ему так называемую «коробочку» и сбивают с ног. Судья назначает штрафной удар с двадцати метров. У английских ворот выстраивается плотная

Капитан венгерской сборной Пушкаш бьет по воротам.

«стенка», однако Лантош отлично бьет, и мяч в сетке ворот. Счет 1 : 0.

Далее игра идет с явным преимуществом хозяев поля. Английские защитники с трудом сдерживают натиск.

Правый крайний венгерской команды Тот отлично пробил по воротам, но Мэррик перехватил этот трудный мяч. Через несколько минут Пушкаш хорошо выбросил мяч вперед, однако Хидегкутти пустил его выше ворот.

На двадцать первой минуте Кочиш сильно бьет по воротам, мяч ударяется об одного из игроков английской защиты и отскакивает в поле. Набежавший Пушкаш под восторженные крики зрителей забивает второй гол.

У ворот англичан создавалось много выгодных ситуаций. Стали очевидными ошибки английской команды. Защитники ее продолжали придерживаться так называемого зонального принципа, когда игрок действует только в своей зоне, а не «опекает» своего соперника, не следует за ним. Такая тактика облегчала игру нападающих сборной Венгрии.

Интересно, что и в Лондоне защитники придерживались этой порочной тактики. Она, пожалуй, была основной причиной прошлогоднего поражения. Выводов, как видно, английские тренеры не сделали. Они прислали новых игроков, но вооружили их... старой тактикой. Расчет на высокую технику игры не оправдался. Отлично игравшие нападающие венгров продолжали свои атаки, полные расчета и красоты.

На тридцатой минуте Пушкаш и Кочиш неожиданно поменялись местами и рывками прошли к воротам. В какой-то миг Пушкаш, правильно оценив ситуацию, передал мяч Кочишу, и тот с ходу сильно послал его в угол ворот. Счет — 3 : 0.

После перерыва соревнование началось настойчивыми атаками англичан. Они то и дело приближались к воротам хозяев поля. Однако венгерские защитники Бузански, Лорант и Лантош действовали уверенно, точно и не давали нападающим делать завершающих ударов.

Атака англичан длилась всего одиннадцать минут. А уже на двенадцатой минуте Цибор длинной продольной передачей вывел вперед Кочиша, который быстро прошел к штрафной площадке и забил гол — 4 : 0.

Через минуту у английских ворот создалась сложная ситуация: Мэррик, принимая удар, вышел из ворот и отбил мяч, но набежавший Тот довел счет до 5 : 0. Еще через три минуты Хидегкутти забивает шестой гол.

В прошлом году в Лондоне в течение семи минут венгры забили три мяча. Теперь этот «рекорд» улучшен: три мяча были вбиты за шесть минут. Интересно, что и в первом и во втором случае шестой мяч забил Хидегкутти.

После этого гола темп несколько снизился. Этим, естественно, воспользовались англичане. Но их атаки были бессистемны. В середине второй половины игры, в момент штрафного удара венгерский защитник Лорант подставил ногу, и летящий мяч изменил направление. Набежавший английский нападающий Броадис забил его в венгерские ворота. И сразу же Пушкаш прошел вперед и с десяти метров «на удар ответил ударом». Счет стал 7 : 1 и больше уже не изменялся, хотя, на мой взгляд, венгерские нападающие имели полную возможность улучшить результат.

Итак, венгерские футболисты еще раз доказали свое превосходство над английскими спортсменами. Они провели встречу с большим подъемом, показали очень высокий класс игры, взаимопонимание и большую волю к победе.

Венгры превосходили англичан прежде всего в быстроте, хорошо продуманной тактике, в игре по определенному плану, в умении «опекать» своих соперников. Хозяева поля отлично владели мячом. Слабой их стороной нужно признать игру в воздухе. Почти все верховые мячи выигрывали англичане.

Вообще англичане в технике обращения с мячом не уступали победителям, однако игра английской сборной носила крайне сумбурный характер. Команда, составленная из девяти клубов, не стала единым спортивным организмом. Игроки друг друга не понимали, часто теряли мяч, к тому же защитники, как мы уже сказали, провели всю игру тактически неправильно, упорствуя в незыблемости схемы и тактических принципов.

Прошлой осенью английские газеты сокрушались по поводу того, что «секретное оружие» — правое крыло английской команды — знаменитые Мэтьюз и Тэйлор не оправдали надежд. Однако заменившие их Финни и Броадис были не лучше.

Недаром один из английских журналистов начал свою корреспонденцию словами: «Это не отчет, а реквием, оплакивающий былую славу нашего футбола...»

Корреспондент агентства Рейтер сообщил: вратарь англичан Мэррик спас свою команду от еще более тяжелого поражения... После того, как счет стал 2 : 0 в пользу венгров, они фактически делали все, что хотели... Английская газета «Дейли миррор» отмечала: «Венгры нанесли унизительное поражение англичанам, которые не могли угнаться за волшебниками-мадьярами».

Газета «Дейли геральд» так оценила поражение английских футболистов: «Нет слов для описания этого нашего катастрофического провала. Положение еще больше ухудшалось тем, что в этот день на будапештском стадионе собралось много иностранных футбольных обозревателей. Они собрались сюда, чтобы стать свидетелями этого позорнейшего поражения Англии... Возможно, что в футбольной ассоциации будет внесено предложение отменить намечаемые несвоевременные поездки на континент до тех пор, пока не будут приняты решительные меры с целью повысить класс игры в Англии».

Так нервозно встретила английская пресса поражение своей команды.

Москвичи будут иметь возможность в сентябре увидеть замечательную венгерскую команду на стадионе «Динамо».

Шестой гол забил центр нападения венгерской сборной Хидегкутти.

Команда-победительница (слева направо): Кочиш, Цибор, Божик, Тот, Лантош, Закариаш, Бузански, Хидегкутти, Лорант, Грошич и Пушкаш.

Через несколько минут матч закончится. Таблица извещает о блестящей победе венгров и называет фамилии футболистов, забивших голы. Фотокорреспонденты спешат запечатлеть последние эпизоды борьбы.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Рассказ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки В. Высоцкого.

Старый дуб расставался со своими листьями неохотно. С кленов и берез листья падали в самую тихую погоду; яркокрасные, желтые, с темной прозеленью тонких жилок, они медленно спускались на землю.

А дуб отдавал листья только ветру. Ветер, перемешанный с дождем, взъерошивал его широкую крону; словно защищаясь, дуб размахивал мокрыми ветвями, и лишь тогда сыпались на песчаную дорожку свернутые в трубочку темные листья.

Сторож Пал Палыч брался за метлу и, сгребая листья в большой шуршащий ворох, укоризненно качал головой:

— Лысеем мы, брат, с тобой, лысеем...

Каждый раз, проходя мимо дуба, Тамара смотрела, сколько осталось на ветвях листьев. Чем больше листьев попадало под метлу Пал Палыча, тем меньше становилось в музее посетителей.

Музей-усадьба знаменитого путешественника, исколесившего когда-то всю Среднюю и Центральную Азию, стоял в трех километрах от магистрального шоссе.

В летние месяцы, соблазненные жестяной стрелкой с надписью «В музей», сюда сворачивали коротенькие «москвичи», приземистые «победы» и, неуклюже переваливаясь, ползли с глухим шумом автобусы, наполненные экскурсантами. Оставив машины у каменных ворот усадьбы, экскурсанты направлялись по круто подымающейся вверх аллее, обсаженной кленами.

В прихожей музея всем выдавались матерчатые тапочки «универсаль», спокойно налезавшие и на сапоги и на крохотные дамские босоножки.

Когда с тапочками было покончено, из боковой двери с указкой в руках выходила Тамара и говорила:

— Вы готовы, товарищи? Прошу за мной...

В большой комнате, служившей путешественнику столовой, Тамара начинала экскурсию:

— Здесь по вечерам собирались родные и знакомые путешественника. Вот рояль, на котором он любил играть, когда приезжал ненадолго в усадьбу. Сохранившиеся ноты свидетельствуют о его разностороннем музыкальном вкусе...

Из столовой Тамара приглашала экскурсантов в рабочий кабинет, где на стенах висели огромные карты с маршрутами путешественника. Проводя указкой, она подробно рассказывала о его тяжелых переходах через пустыни и горы, иллюстрируя рассказ описанием урагана, уничтожившего однажды лагерь, или нападения степных разбойников. Разбойники котировались выше и всегда производили должное впечатление.

В комнате личных вещей путешественника стояли высокие стеклянные шкафы, в них висело походное обмундирование, бинокли, ружья, в углу высилась тренога нивелира. В этой комнате экскурсанты задерживались дольше обычного, стараясь незаметно для Тамары посмотреть в нивелир и погладить ладонью шероховатые рога убитого оленя.

Потом, в коллекционном зале, Тамара показывала многочисленных медных божков, покрытых зеленой окисью.

Переходя к амулетам, Тамара знала, что в столовую уже вступила новая экскурсия под руководством Нины Ивановой.

Второй год Тамара жила вместе с Ниной в одной комнате во флигеле и, как все в музее, звала ее не по имени, а только «Иванова».

Обе они в один день приехали в музей в качестве младших научных сотрудников, попросту говоря, экскурсоводов. Приехали в разгар лета и целые дни, с утра до наступления темноты, водили по дому экскурсии, не успевали обедать и, усталые, с гудящими ногами, моментально засыпали в своей крохотной комнатке.

Летом в усадьбе было весело и интересно. Многочисленные экскурсанты, осмотрев дом, разбредались по аллеям старого парка, добродушно спорили с Пал Палычем относительно строгого правила не сидеть и не лежать на траве, просили книгу отзывов, перешучивались с девушками, обещали присылать письма...

А когда наступила осень и над прудом в усадьбе повис мутный, тяжелый туман, младшие научные сотрудницы, поеживаясь от утреннего холода, приходили в музей и долгие часы ждали случайно забредших посетителей.

По узким оконным стеклам барабанил дождь, от каменных стен тянуло сыростью, и Тамаре вся ее короткая жизнь представлялась неправильно прожитой, хотелось потихоньку всплакнуть и кому-нибудь пожаловаться на собственные неудачи.

Тамара и сама не могла толком объяснить, почему после окончания географического факультета она попала сюда, в музей.

Все пять лет учебы она думала о поездках в дальние края, хотела жить в палатках, пробираться по крутым горным тропам, мечтала о первой, хотя бы тоненькой, книжечке — научном труде женщины-исследователя.

Вместо всего этого пришлось следить, чтобы посетители не забывали надевать тапочки, и отвечать на вопросы, чем отличается климат в полупустыне от климата пустыни. Самой же довелось видеть пустыню только в кино...

При распределении Тамару приглашал к себе профессор Чириков в геоморфологическую экспедицию. Она уже заполняла анкеты, как вдруг в один вечер Иванова уговорила ее поехать в музей экскурсоводом.

Ничем особенным она не соблазняла Тамару. Она пристально посмотрела на нее сквозь очки и внушительно сказала:

— Жилплощадь предоставляется при усадьбе. Архив поступает в полное распоряжение. И все же звание: «младший научный сотрудник»...

— Нужна мне очень твоя жилплощадь! — отмахнулась Тамара.

Но потом, когда на курсе, узнав о предложении Ивановой, зашептали, что вот и окончилась непонятная и смешная дружба, Тамара вернула профессору Чирикову анкеты и твердо заявила:

— Большое спасибо, профессор: я еду работать в музей...

Так уж Тамара была устроена: обязательно поступать наперекор тому, чего от нее ожидали. И это происходило не от сумасбродства, не из-за желания порисоваться, а просто в тамариной душе просыпались вдруг какие-то задорные чертики и толкали ее на самые невероятные поступки.

— Это потому, что она такая красивая. Красивые должны поражать, — объяснила однажды кокетливая, ярко накрашенная Симочка, по кличке «Парфюмерия».

И в самом деле, еще на первом курсе Тамара удивила всех внезапной дружбой с Ивановой.

Иванову не взлюбили сразу за предельную сдержанность, за сухой тон, каким она разговаривала, и, конечно, тут же не понравились очки, поблескивающие холодноватыми искорками. Вскоре вокруг Ивановой образовалась пустота, и в эту пустоту стремительно ворвалась Тамара.

Курс изумленно ахнул, обнаружив, что Тамара и Иванова стали неразлучны.

Странно выглядела эта пара. Гладко зачесанная, с очками, закрывавшими половину лица, Иванова, поджав тонкие губы, молча проходила по коридору рядом с возбужденной и смеющейся Тамарой.

Тамара по обыкновению ежеминутно отбрасывала со лба густые, непослушные кольца каштановых волос, ее темнокарие глаза светились золотистыми огоньками, и на левой щеке ярко выступала знаменитая родинка, о которой Симочка-«Парфюмерия» с завистью говорила, что до таких родинок техника еще не дошла...

Симочка первой попыталась объяснить дружбу Тамары и Ивановой:

— Резкий контраст. Хочет себя подчеркнуть...

Но Симочка, как всегда почти, ошибалась. Вовсе не для контраста начала дружить Тамара с Ивановой.

Тамару обидело, что Ивановой сторонятся однокурсники, и, главное, Иванова обладала совершенно противоположным характером. Тамаре казалось, что Иванова добавила ей недостающие качества: спокойствие, рассудительность и академический подход к любому вопросу. Вдобавок Иванова принимала тамарину дружбу без особых восторгов, словно иначе и не могло быть...

Иванова действительно знала, зачем ей нужно ехать в музей. В свободное от экскурсий время она доставала пожелтевшие дневники и записи путешественника, приготавливала комплект остро отточенных карандашей и, хмуря лоб, принималась писать. Первые три главы монографии о путешественнике были уже готовы и после ряда замечаний одобрены директором музея.

Тамара тоже попробовала вначале заняться исследованием, но ничего путного из этого не получилось. Она с увлечением перечитала все дневники, перечитала, как читают занимательную книгу о путешествиях, не найдя в себе ни силы, ни смелости сделать какие-то самостоятельные выводы.

Ее поражало, как спокойно говорит о флоре и фауне никогда невиданных ею мест Иванова. Разве можно, думала Тамара, всерьез считаться географом, если ни разу в жизни не пришлось выбираться дальше чем на пять километров от железной дороги, по которой всего одна ночь езды до Москвы?

Вообще у Ивановой все в жизни было правильно и устроено.

Взять хотя бы Гришу. Регулярно, три раза в месяц, он присылал Ивановой письма, в тот же день она отвечала ему, подробно описывая, сколько пришлось провести экскурсий за истекшую неделю и на сколько страниц продвинулась работа.

И дальше все ясно. Через год Гриша окончит военное училище, получит офицерское звание и заберет Иванову к себе. Она устроится работать преподавателем, и о ней будут говорить: «Автор популярной монографии о знаменитом исследователе Азии...»

Вот от всех таких мыслей и портился осенью у Тамары характер. Чтобы скрыть недовольство собой, она начинала язвить и над Ивановой, и над письмами Гриши, и даже над знаменитым путешественником.

Стоило Ивановой получить очередное письмо, и Тамара с удовольствием философствовала о ветрености мужчин.

Она рисовала детальную картину, как Гриша, опустив в почтовый ящик конверт, немедленно отправляется на свидание к некоей очаровательной блондинке.

Иванова грустно мигала близорукими глазами, терпеливо слушала и с оттенком жалости к Тамаре произносила:

— Бездоказательно и пошло. Сегодня твоя очередь идти к тете Поле за молоком...

Уверенность Ивановой в незыблемых чувствах Гриши еще больше раздражала Тамару; и, принеся от тети Поли бидон парного молока, она с грохотом ставила его на стол, стараясь разбрызгать теплые капли на разложенные Ивановой бумаги.

Иванова вооружалась розовой промокашкой и, не говоря ни слова, аккуратно стирала капли.

Тогда Тамара забиралась на постель и, положив ноги в туфлях на перекладину койки, принималась разбирать содержание и стиль гришиных писем:

— Разве так можно писать: «Дорогая моя и бесценная»? Человеку с высшим образованием, и вдруг такие слова! Восемнадцатый век!

— А как же надо? — равнодушно спрашивала Иванова.

— Не знаю! Меня это не касается. Я готовлюсь в старые девы.

Иванова опять грустно мигала и, почесав карандашом кончик носа, резюмировала:

— Неестественно.

— А писать монографии естественно, да? Подумаешь! Знаменитый путешественник! Раза два сыграл, наверно, на рояле, а я должна перед этим роялем плясать? «Сохранившиеся ноты свидетельствуют о его разностороннем музыкальном вкусе», — сама себя передразнивала Тамара и вскакивала с кровати. — Они свидетельствуют, что я дура и нуль! Вот что!

На минуту в комнате устанавливалась тишина, и, как будто ничего и не случилось, Иванова кивала на бидон:

— Рекомендую вскипятить.

Тамара презрительно фыркала и, громко хлопнув дверью, убегала в ночной парк.

Густая шумящая темень, наполненная пронизывающим ветром и дождем, не пугала Тамару, и она долго бродила по аллеям, сердито шурша туфлями в мокрых ворохах опавших листьев...

* * *

Ничем не выделялось и это утро.

Висел, как обычно, над прудом туман, низко-низко летели серые, набухшие дождем облака, и у подножия дуба орудовал метлой Пал Палыч.

В музее, конечно, было пусто, выстроившиеся в ряд тапочки-«универсалы» сиротливо ждали посетителей.

— Пока никого нет, я в архив, — сказала Иванова и ушла.

Тамара осталась в передней одна, поглубже засунула руки в рукава пальто и, вздрагивая от холода, начала читать первые страницы разложенных на столе свежих газет.

Дверь тихонько скрипнула, в переднюю пролез боком старичок с бородкой клинышком и предельно вежливо сообщил:

— Мы с кожевенного завода. Извините, пожалуйста. Сегодня по плану культмассового сектора у нас экскурсия. Можно?

— Прошу надеть тапочки, — предложила Тамара, не отрываясь от газет.

Старичок приоткрыл дверь, кивнул кому-то головой, и сразу в передней стало тесно. Со смехом и шутками кожевники мерили тапочки, спорили об их качестве.

Вынув из карманов руки, Тамара сходила в боковую комнату за указкой и сняла пальто, ибо приказ директора строжайше запрещал проводить экскурсии в верхней одежде. Вернувшись, она спросила:

— Вы готовы, товарищи? Прошу за мной...

Не глядя на кожевников, она провела их в столовую и произнесла навечно заученную фразу:

— Здесь по вечерам собирались родные и знакомые путешественника...

И тут впервые за все время службы в качестве младшего научного сотрудника Тамара на секунду запнулась.

Ее глаза встретились со взглядом молодого парня в светлом свитере и спортивном костюме.

Из-под спутанных русых волос на Тамару смотрели два широко поставленных глаза, смотрели не мигая, с каким-то восторженным удивлением и с еле заметной усмешкой в больших темных зрачках.

«Вот еще уставился!» — недовольно поморщилась Тамара и, овладев собой, продолжала объяснения.

Но хотя она и старалась смотреть в сторону, она все равно чувствовала, что взгляд неотрывно прикован к ее лицу.

«Знакомый, что ли?» — подумала Тамара и, быстро перебрав в памяти, не нашла никого похожего на этого русоволосого.

В кабинете она заметила, что парень вдруг перестал на нее смотреть и, достав записную книжку, занялся картами с маршрутами путешественника.

Теперь Тамаре, когда он увлекся картами, неожиданно самой захотелось получше разглядеть его.

Она успела удивиться его светлокоричневому цвету лица — не специальному загару курортника, а той ровной окраске, какая бывает у людей от ветра и долгого пребывания на воздухе.

И еще Тамара отметила, что спортивная куртка ему узка в плечах, а грубые ботинки подбиты не по-городскому толстой подошвой.

Парень сразу же поднял голову, и их взгляды снова встретились. Он чуть улыбнулся уголками губ, и его глаза стали необыкновенно глубокими, словно собирались втянуть в себя весь кабинет с экскурсантами и Тамарой вместе.

Тамара опять на секунду умолкла, и во время этой паузы парень провел пальцем по карте и негромко сказал:

— Здесь на карте ошибка. Маршрут обозначен немного севернее.

— Да? — растерянно спросила Тамара, а русоволосый улыбнулся и, круто повернувшись, ушел, не попрощавшись ни с кем из экскурсантов.

Заметив тамарино смущение, старичок виновато кашлянул и торопливо замахал руками:

— Это не наш! Он к нам пристроился здесь, в усадьбе. Я же говорил вам, Викентий Гаврилович, не надо брать! — дернул он за локоть тучного мужчину.

— Будем продолжать, — сухо перебила старичка Тамара.

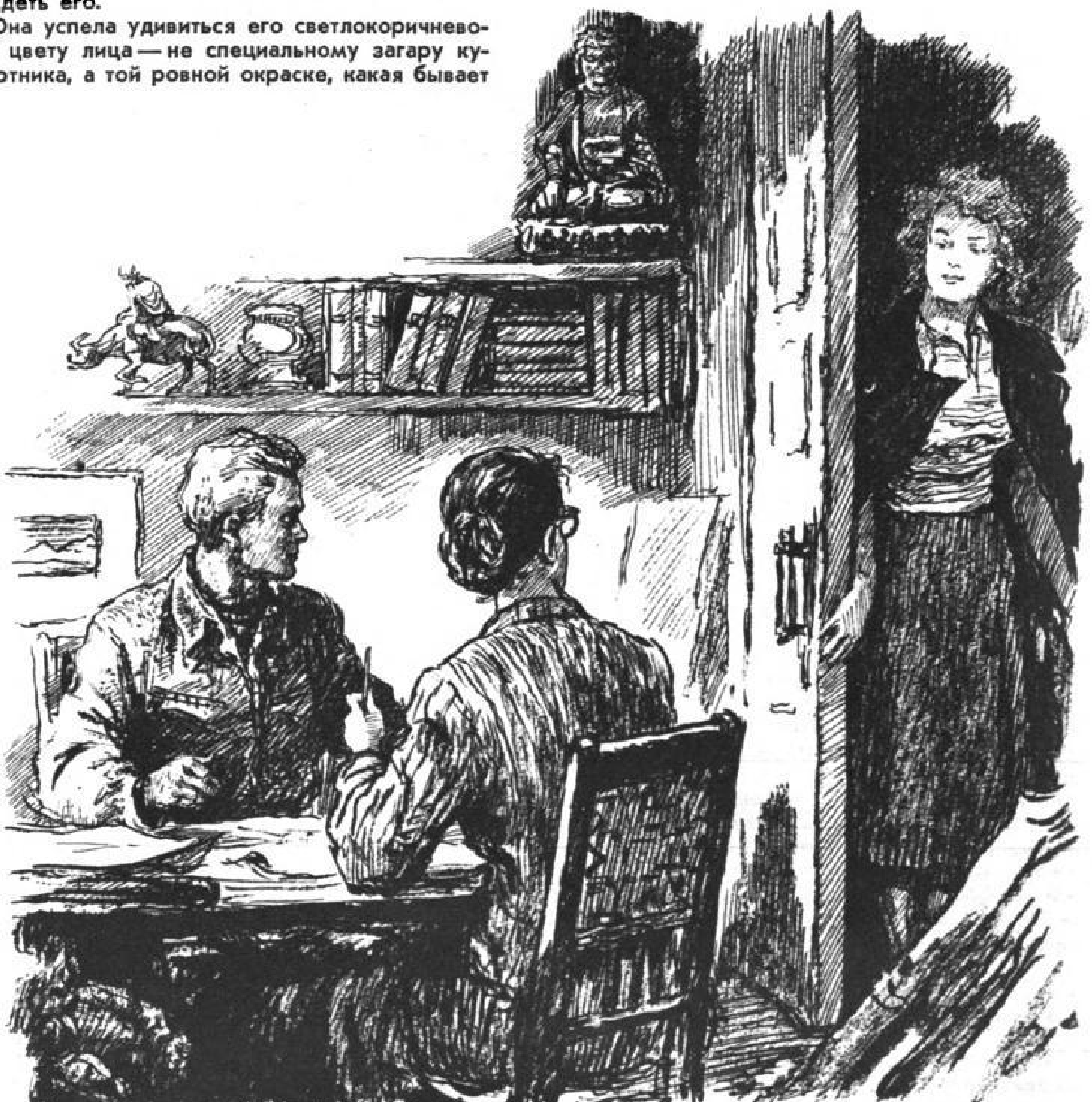
Проводив экскурсию, она набросила на плечи пальто и несколько раз прошлась по аллее. На аллее было пусто, и лишь в конце, у выхода, виднелась группа кожевников, торопившихся к машинам.

Тамара вернулась в музей и пошла в архив. Толкнув плечом дубовую дверь с резными квадратами, она еле удержалась, чтоб не вскрикнуть от удивления. За рабочим столиком Ивановой сидел русоволосый и что-то ей оживленно рассказывал.

При виде Тамары он сразу умолк, а Иванова привстала и поправила на носу очки:

— Познакомься Тамара. Товарищ Рубцов. Он сообщил мне крайне интересные вещи.

Это было уже слишком! Можно сказать, она его обнаружила первая, и все опять кончается

Ивановой! Хотя Тамара и знала, что он не кожевник, она ядовито поинтересовалась:

— Разве готовится новая монография о кожевенных изделиях?

— Я топограф,— смущенно объяснил Рубцов.— Я сюда сам пришел...

— Понимаешь, Тамара,— перебила Рубцова Иванова, — товарищу Рубцову пришлось побывать во многих местах, отмеченных на наших картах.

— Значит, вы тоже знаменитый путешественник?

От насмешливого вопроса у Рубцова покраснели кончики ушей, и он укоризненно посмотрел на Тамару.

— Нет, зачем. Я работаю начальником топографического отряда.

— Не обращайте на нее внимания, товарищ Рубцов, — посоветовала Иванова.— У нее такой характер.

— Я, наверно, мешаю? — вызывающе спросила Тамара.— Я могу уйти.

— Нет, наоборот! — поспешно вскочил Рубцов.

— Что наоборот? Помогаю?

Окончательно смутившись, Рубцов присел на краешек стула и принялся пристально рассматривать темные от времени доски пола.

— Довольно, Тамара! — строго приказала Иванова.— Продолжайте, товарищ Рубцов. Мы остановились на климатических условиях северного Тянь-Шаня...

Но Рубцов продолжал рассматривать пол, а Тамара с независимым видом сняла со стеллажа совершенно ненужную ей папку и угрожающе зашелестела страницами.

Спас положение Пал Палыч. Он приоткрыл дверь и, покручивая усы, подмигнул Тамаре:

— Сегодня удачный денек! Опять экскурсия.

Иванова отложила карандаш и посмотрела на Тамару:

— Сейчас моя очередь, но я прошу тебя подменить меня. Мне это необходимо для монографии.

— С удовольствием! — со злостью расшаркалась Тамара. — Ради науки я готова на любые жертвы!

Уловив в голосе Тамары что-то нехорошее, Пал Палыч неодобрительно покосился на Рубцова:

— Посторонним в архиве запрещается.

— А он не посторонний. Он сам знаменитый путешественник! — звонко выкрикнула Тамара и выбежала, хлопнув дверью...

Экскурсию Тамара провела отвратительно. Она сказала несколько фраз про ноты, забыла о нападении разбойников и объяснила только одного божка. К счастью, экскурсанты попались нетребовательные, и никто не предъявил никаких претензий.

В душе у Тамары все кипело.

«Ивановой это нужно. Ради науки! Подумаешь! Выставила за дверь и даже не извинилась! Задает, наверно, дурацкие вопросы насчет флоры и фауны...»

Тамаре самой очень хотелось поговорить с Рубцовым. Ведь он оттуда, из далеких мест, он ночевал в палатках, взбирался на горы. Он живет так, как мечтала жить Тамара, и для него карты с маршрутами не просто раскрашенная бумага...

И потом, почему у него такие глаза? Тамара сердито передернула плечами.

«Вот дура! Нашла о чем думать!»

Распрощавшись с экскурсантами, Тамара твердо решила в архив не ходить и снова пошла гулять по аллее.

«Пусть Иванова блаженствует. Нужен мне этот Рубцов!»

— Вы куда, Тамара?

Тамара вздрогнула и обернулась. Склонив виновато голову, на аллее стоял Рубцов. Тамара почувствовала, что у нее как-то странно запрыгало сердце, но, скривив губы, она неопределенно провела по воздуху рукой:

— Собирать флору и фауну. Вы уже закончили монографию,— и по слогам добавила: — зна-ме-ни-тый пу-те-ше-ствен-ник?

— Меня зовут Сергей, — глухо сказал Рубцов. — А Иванову вызвали к директору.

Они оба замолчали. Налетевший порыв ветра поднял с земли груду листьев и желтой тучей понес их по аллее.

— У вас уже осень, — посмотрел вслед летящим листьям Рубцов.

— Вы привыкли к другому климату, да?

— Я привык ко всякому, — усмехнулся Сергей и в упор посмотрел на нее.

Тамара торопливо отвела глаза, сделав вид, что поправляет съехавшее с плеча пальто.

— А я только к умеренному.

— Ничего, если надо, привыкнете к другому.

— У нас в музее климат не меняется. Он установлен дирекцией.

— Но вы-то можете найти себе климат по душе?

— Мне и этот хорош.

— Не верю, — покачал головой Сергей.

— Почему? — быстро спросила Тамара.

— Вам здесь скучно. И музей вы не любите.

— Ого! Кроме путешествий, вы еще занимаетесь и разгадыванием человеческих душ,— засмеялась Тамара. — Откуда вы взяли, что я не люблю музей?

— Не знаю. Просто догадался.

— Вам бы Иванова ответила: «Пошло и бездоказательно».

— А я Ивановой ничего подобного и не скажу.

— Холодно... — растерянно поежилась Тамара и с испугом поняла, что ей впервые ясно и четко сказали причину всех ее переживаний, сказали без упрека, с хорошим, человеческим участием. Но все равно стало обидно, словно разгадали главный, самый сокровенный секрет.

— Давайте пройдемся. Будет теплее, — предложил Рубцов.

— Без луны не прогуливаюсь.

— Напрасно.

— Вам лучше знать. У вас, очевидно, больше опыта, — выпалила Тамара и на этот раз сама взглянула ему в глаза.

— У вас и вправду... характер... Трудновато разговаривать...

— Смотря на какую тему.

Рубцов невесело усмехнулся:

— О любви, например...

— Которая с первого взгляда? Это тоже по ведомству Ивановой. Обратитесь. Вон она, кстати, идет...

Странные и непонятные чувства бушевали в тамариной душе. Она больше всего не желала сейчас прихода Ивановой и одновременно обрадовалась ей, как спасению. Она хотела поговорить с Рубцовым всерьез, хотела даже попросить его, чтобы он помог ей выбраться отсюда, хотела послушать его рассказы, а получались одни дерзости...

И остановиться было уже невозможно...

— Ты как раз во-время, Иванова. Мы с товарищем Рубцовым выясняем возможность любви с первого взгляда.

Иванова удивленно подняла свои очки сначала на Рубцова, потом на Тамару.

— Я пойду, — протянул руку Рубцов. — Пора.

— Как же так? — изумилась Иванова. — Вы ведь обещали поговорить со мной относительно северо-западной части пустыни?

— Нет, мне пора,— твердо повторил Сергей и протянул руку Ивановой. — Надо успеть на поезд.

Неожиданно сквозь голые ветви деревьев прорвались крупные капли дождя.

— Останьтесь, переждите дождь. Можно зайти к нам, — пригласила Иванова.

— У нас нечем угощать, — поспешно вставила Тамара. — Только вчерашний бульон.

— Спасибо. Я непромокаемый.

Рука у Рубцова была большая и сильная. Кажется, он на секунду дольше, чем надо, задержал ладонь Тамары.

— Счастливого пути! — срывающимся голосом сказала Тамара и, не удержавшись, опять добавила: — Знаменитый путешественник!

Он улыбнулся губами и быстро пошел, подгоняемый дождем и ветром.

«Вот и все кончилось, — тоскливо подумала Тамара. — Уходит навсегда человек из дальних мест. Хороший, чуть неуклюжий парень. И, кто знает, может, уходит ее, тамарино, счастье?..»

Когда Рубцов исчез за воротами, Тамара прислонилась к стволу клена и тихонько заплакала.

— Не надо, — вдруг необыкновенно мягким голосом сказала Иванова. — Не надо...

Тамара резко оторвалась от клена и, не замечая слез, застилавших глаза, со злостью выпалила одним духом:

— А все ты! Все из-за тебя, сухарь в очках! Нужен мне был твой дурацкий музей! Ты пунктуальность в юбке, а не человек!

Слезы потекли еще сильнее, смешиваясь с каплями дождя, и Иванова, глядя в сторону, протянула Тамаре аккуратно сложенную бумажку:

— Возьми, я записала адрес его экспедиции...

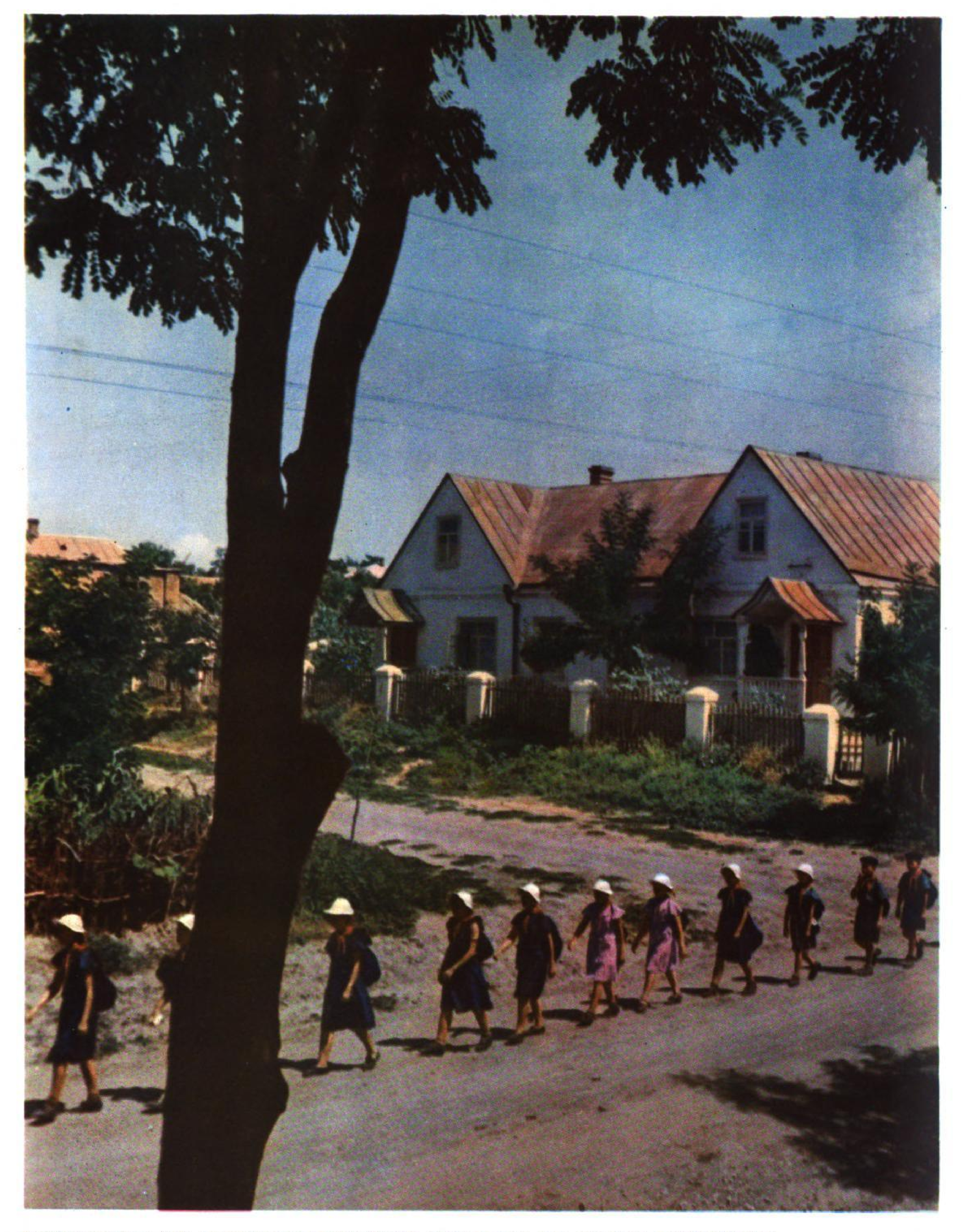
Тамара недоверчиво покосилась на Иванову и, вдруг встрепенувшись, схватила бумажку, пробежала глазами и нервно засмеялась, размазывая по щекам слезы.

— Ну, вот! Обязательно неожиданности, — забормотала Тамара и, рванувшись, поцеловала Иванову в нос.— Какая ты хорошая, Нина!

— Я пунктуальность в юбке, — прерывающимся голосом ответила Иванова. — Сухарь в очках.

— Нет, ты хорошая. И Гриша у тебя хороший!..

— Пойдем! — поперхнулась Иванова. — Есть признаки, что дождь усилится...

В поход по родному краю. Школьники колхоза имени Сталина, Ставропольского края, отправились в туристский поход.

Фото В. Шаховского.

ЛЕНИНГРАД. Белая ночь.

Выставка цветной художественной фотографии.

Фото Л. Зиверта.

Озеро Красавица в Курортном районе Ленинграда.

Повесть

Лев САМОЙЛОВ и Борис СКОРБИН

Рисунки О. Георгиева.

Воскресным утром

...Наступило воскресенье. День выдался на славу — солнечный, жаркий. На небе ни облачка. Еле ощутимый ветерок чуть-чуть покачивал листву деревьев, протянувшихся вдоль тротуаров.

Барабихин поздно ночью уехал из Москвы. Предстояли серьезные испытания экспериментального аппарата. Андрей еще накануне предупредил сестру, что в воскресенье он с утра отправляется к Зое и пробудет у нее весь день.

Тася встала рано. Она собиралась на свидание с Юрием (так она теперь называла Рущинского), а до встречи с ним надо было зайти в парикмахерскую.

Уходя, Тася спросила соседку, долго ли будет она дома. Анна Андреевна сказала, что скоро уйдет к знакомым.

— В таком случае, Анна Андреевна, не забудьте, пожалуйста, взять ключ от входной двери. Я вернусь поздно...

По дороге к месту свидания Тася думала о том, что она все же очень мало знает Юрия. Где он, например, живет? На ее вопрос Рущинский ответил, что его жилищные условия, к сожалению, «не блестящие». «Кочую с места на место, все жду, когда подойдет моя очередь на комнату». Есть ли у него определенные служебные часы работы? Есть, конечно, но в редакциях к таким мелочам не придираются: пиши когда и где угодно, но чтобы материал был готов в срок. Холост ли он действительно? О да, холост. Если бы он в свое время встретил Тасю или такую женщину, как она, все было бы иначе...

Рущинский стоял у входа в метро. На нем был светлый спортивный костюм, через плечо висел фотоаппарат. В руках изящная коричневая папка. Рущинский выглядел очень привлекательным, и проходившие мимо девушки украдкой поглядывали на него. Он поспешил навстречу Тасе, крепко сжал в ладонях ее маленькие руки и наклонился, чтобы поцеловать их.

— Вы опаздываете! — с легким упреком произнес он.

— Всего на десять минут. Это не в счет,— смеясь, сказала Тася.— Куда мы сегодня отправимся? В Химки? Давайте покатаемся на лодке. Да что с вами, Юрий? Вы какой-то странный сегодня.

И действительно, всегда веселый, живой, сегодня Рущинский казался хмурым, чем-то озабоченным.

— Ничего особенного, уверяю вас,— секунду помедлив, ответил он.— Просто устал, много работал. Вот и сейчас иду из редакции после утомительнейшей работы.— Он показал на папку.— А ко всему у меня разболелась нога... Что поделаешь, рана. Но ничего, сейчас как будто легче стало.

Окончание. См. «Огонек» №№ 22, 23.

Рущинский взял Тасю под руку и повел ее вдоль по улице.

— Куда же мы? — удивилась Тася.— Если в Химки, нам нужно на автобус.

— Мы поедем на такси.— Рущинский ускорил шаг, увлекая за собой Тасю.

В молчании они прошли почти квартал.

«Как неудобно, мы почти у моего дома, и откуда здесь стоянка такси?» — подумала Тася, боязливо оглядываясь по сторонам и пытаясь осторожно высвободить руку.

Размышления Таси были прерваны самым неожиданным образом. Рука спутника дрогнула, он издал приглушенный стон. Испуганно подняв глаза, Тася увидела искаженное от боли лицо Рущинского.

— Черт возьми!.. Я не могу идти,— смущенно бормотал он.— Адская боль. Это у меня бывает. Ничего, скоро все пройдет.— Он беспомощно огляделся.— Но я не могу стоять... Мне нужно забинтовать ногу... Тогда сразу станет легче.

Тася не знала, что делать. Но тут у нее мелькнула мысль, что в трудную минуту Юрий Рущинский не растерялся и помог ей. И Тася решилась.

— Пойдемте ко мне,— твердо сказала она.— У меня дома сейчас никого нет. Вы посидите, забинтуете ногу, и все пройдет. Идемте!

— Может быть, неудобно, Таисия Игнатьевна? А вдруг кто-нибудь?.. — нерешительно проговорил Рущинский.

— Идемте. Никого нет!

— Благодарю вас,— прошептал Рущинский и шагнул вслед за Тасей.

Второй визит лейтенанта Рябинина

Дни отпуска бежали быстро. Прогулки с Зоей, Химкинский пляж, стадион «Динамо», музеи, кино и, главное, никаких забот! Гуляй и отдыхай вволю! И только календарь, висевший на стене офицерского общежития в гостинице, напоминал Андрею о том, что близится отъезд.

Рябинин был вполне доволен. Намеченная программа выполнялась почти без изменений. Даже «решительное» объяснение с Зоей получилось очень удачным и как-то естественно и просто превратилось во взаимное признание.

У Барабихиных Андрей бывал редко, Тасю видел только мельком. Всегда она куда-то спешила, но сама при этом упрекала брата за то, что он избегает к ним приходить и ни разу еще не привел свою невесту.

С Иваном Васильевичем Андрей виделся еще реже. Инженер-майор рано уходил на работу, домой возвращался поздно, но даже и дома, по словам Таси, работал до рассвета. Андрею иногда хотелось зайти поговорить с Иваном Васильевичем, пусть даже в поздний час. Но он не решался, так как, честно говоря, не только уважал, но даже немножко робел в обществе своего ученого родственника.

В субботу Андрей рано утром встретился с Зоей. Они съездили за город, искупались, пообедали в маленьком, полупустом ресторанчике, вечером побывали в театре. В общежитие Андрей вернулся поздно, а рано утром лейтенанта разбудил дежурный и сообщил, что его вызывают к телефону.

Андрей сразу узнал спокойный, чуть хрипловатый голос. Полковник Дымов просил лейтенанта Рябинина приехать к нему. Дымов извинился, что беспокоит в выходной день, но появилась необходимость повидаться и побеседовать.

...Полковник сидел за столом и писал. Он приветливо, как старого знакомого, встретил лейтенанта, пригласил сесть и предложил папиросы.

— По совести говоря,— весело сказал Дымов,— не так я хотел провести это воскресенье. Скажу вам по секрету: люблю играть в волейбол.— Он улыбнулся и почесал затылок.— Мы в Ильинском команду из дачников организовали с грозным названием «Ильинская сборная». Что, здорово? Вот капитан сборной.— Он ткнул пальцем в фотографию мальчишки под стеклом.— Сердитый капитан.

Наверное, исключит меня за недисциплинированность. Второе воскресенье на тренировки не являюсь.

Андрей, улыбаясь, смотрел на полковника.

— Ну, а у вас все благополучно? — спросил Дымов.

— Все в порядке, товарищ полковник!

— Как здоровье сестры?

— Здорова,— ответил Андрей и пожал плечами. Он чувствовал на себе испытующий, внимательный взгляд Дымова. Немного помолчав, полковник сказал тихо:

— Я очень хорошо понимаю вас. Вы ждете от меня подробностей, объяснений. Кое-что сегодня я расскажу вам. Придет время — узнаете больше. А пока надо ждать. В этом заинтересованы все мы и в первую очередь ваша сестра.

Дымов глубоко затянулся и продолжал:

— А пригласил я вас, товарищ лейтенант, вот по какому поводу. Дело, которое мы с вами начали,— очень серьезное дело... Завязывается тугой узелок. Так вот, я прошу вас сегодня же под любым предлогом переселиться в квартиру Барабихиных. Вы можете сказать, например, что в гостинице начался ремонт и вам предложено выехать. А самое главное вот что: ближайшие два — три дня не оставляйте сестру одну. Понимаю, что это нарушает ваши личные планы. Но что делать? Так нужно.

Рябинин удивленно поднял брови.

— Я готов... Но я не совсем понимаю, товарищ полковник...

— Скоро поймете. Всему свое время. Итак, просьба моя будет исполнена?

— Конечно, товарищ полковник.

— А теперь, лейтенант, вторая просьба. Дело, которое мы с вами начали здесь, будет, несомненно, иметь продолжение в Берлине. Когда вы вернетесь в Берлин, к вашей персоне, возможно, будет приковано внимание иностранных разведчиков. К вам, к вашему знакомому, инженеру Костромину, а также к сыну фрау Гартвиг... Да, да, не удивляйтесь. Враг ищет все лазейки. Так вот, перед отъездом вы придете ко мне, и я вам дам некоторые сове-

ты насчет того, как вести себя и как поступить в том или ином случае.

— Хорошо, товарищ полковник.

— Возможно, что вам придется столкнуться с тем господином, которого вы видели в доме Марты Гартвиг. Могу сказать вам, что этот старик не кто иной, как владелец комиссионного магазина в Берлине Густав Штрумме... Это, так сказать, его официальное лицо.

Сергей Сергеевич постучал пальцами по столу.

— Но вероятнее всего, господин Штрумме не только и не главным образом коммерсант и владелец магазина...

Рябинин не выдержал:

— Значит, и Гартвиг?..

Движением руки Дымов остановил лейтенанта.

— Я советовал вам, товарищ лейтенант, не делать поспешных выводов. Старая Марта Гартвиг, как мне представляется, и погибла потому, что была честной женщиной и могла разоблачить Штрумме, а может быть, и не только его... Не так давно она потеряла мужа, потеряла братьев. Ее старший сын замучен в застенках гестапо. Младший, Пауль,— активист Союза свободной немецкой молодежи...

— Товарищ полковник,— взволнованно спросил Рябинин,— но сестра, какова ее роль во всем этом деле?!

В голосе Андрея звучала такая горечь, что Дымов подумал: «Надо успокоить юношу, подбодрить его...»

Он вышел из-за стола, взял за руку лейтенанта, усадил его на диван и сам сел рядом.

— Вот так-то, лейтенант,— задумчиво заговорил полковник.— Слишком часто мы забываем, что всякое живое существо требует внимания, заботы и любви. Познакомился я недавно с одной семейной хроникой и попытался сделать некоторые выводы. Вот, послушайте...

...Жила-была девочка, веселая, озорная. Родителей потеряла в первый год войны. Жила у тетки — мещанки и обывательницы. Самостоятельность получила рано, а серьезному отношению к себе и к людям не научилась. Этакой попрыгуньей-стрекозой по жизни скакала, благо в прехорошенькую девушку превратилась. Школу бросила, недоучилась. Был у девушки брат, комсомолец, серьезный молодой человек. Но он ушел в военное училище и почти потерял сестру из виду. В девятнадцать лет девушка вышла замуж за очень хорошего и тоже очень занятого человека и сразу же уехала с ним за границу. Но и там она, по существу, была предоставлена самой себе. Все были заняты, всем было не до нее. За границей молодая женщина поступила неосмотрительно... К счастью, она вскоре вернулась на родину... Родился ребенок, родители в нем души не чаяли. Но мальчик умер, не дожив до двух лет. И женщина не знает, куда девать свободные часы. Правда, многие находят применение своим силам, учатся, работают. С женщиной, о которой я вам рассказываю, лейтенант, этого не случилось...

Андрей, затаив дыхание, слушал Дымова. Он прекрасно понимал, о ком говорит полковник, и с волнением ждал окончания рассказа. Но полковник замолчал и затем спросил:

— Вы рассказывали сестре о кольце?

— Да.

— И что она?

— Удивилась, пожалела, что не получила заграничного колечка, и через полчаса забыла.

Дымов удовлетворенно кивнул головой и сразу перевел разговор на другое: где бывает лейтенант, хорошо ли он проводит свой отпуск...

Беседу прервал телефонный звонок.

Дымов взял трубку. Видимо, ему сообщали о чем-то серьезном, потому что на лице его появилось тревожное выражение. Изредка он ронял одно — два слова:

— Так... Понятно... Хорошо...— потом добавил: — Оставайтесь на месте. Я сейчас приеду...

Он положил трубку, повернулся к Рябинину и сказал отрывисто:

— Едем к вашей сестре. Быстро!

— Случилось что-то? — спросил Рябинин, вскочив.

Полковник ничего не ответил.

Прыжок Ягуара

...Когда Рущинский, прихрамывая, вошел в столовую, он быстро огляделся. Его взгляд скользнул по мебели, по стенам, увешанным цветными тарелочками и гравюрами, и задержался на маленьком столике, где стояла небольшая радиола. «Это моя любимая игрушка»,— часто при встречах говорила Тася.

Рущинский опустился в широкое кресло, заботливо придвинутое хозяйкой, откинулся на спинку и вытянул ноги.

— Вам очень больно? — спросила Тася.— Я сейчас достану бинт. Потерпите минуточку.

Она стала рыться в шкафу и вынула домашнюю аптечку, но Рущинский остановил ее.

— Не надо,— сказал он.

Тася недоуменно оглянулась и увидела, что ее знакомый уже совершенно прямо сидит в кресле и с лица его исчезло страдальческое выражение.

— Не надо, Таисия Игнатьевна,— повторил он.— Присядьте, пожалуйста. Мне нужно с вами поговорить об очень серьезном деле.

— Но ваша нога?.. — спросила Тася.

— Боль уже прошла... почти. Садитесь же, прошу вас!

В голосе гостя Тася уловила едва заметные нотки нетерпения. Она села на стул и шутливо спросила:

— О каком серьезном деле вы собираетесь говорить?

Рущинский внимательно посмотрел на молодую женщину, потом опустил голову и тихо начал:

— Таисия Игнатьевна... Вы мне дороги, и поэтому я обязан предупредить вас о грозящей вам большой опасности.

— Опасности? — удивленно переспросила Тася.

— Да! И не только вам, опасность грозит вашему мужу, вашим близким... мне.

— Не понимаю.

Рущинский провел языком по внезапно пересохшим губам и, сжав ручки кресла, подался вперед.

Сейчас он ставил на карту все. В случае удачи его ждали деньги, большие деньги. Он мог бы год — два ни о чем не думать, жить в свое удовольствие... В случае же неудачи... Но неудачи не могло быть! Эта легкомысленная молодая женщина, которая сейчас сидит рядом с ним, в его руках.

Молча открыв свою папку, он вынул оттуда несколько бумажек, похожих на бланки фототелеграмм, и поднес их к глазам молодой женщины.

— Это копии ваших расписок, которые вы давали в Берлине господину Штрумме.

Тася взглянула на бумажки. Да, это был ее почерк. «Расписка. Выдана господину Штрумме в том, что...» А вот вторая расписка, третья...

Но как они попали к Рущинскому? Ведь еще тогда, в сорок восьмом году, она их уничтожила. Прижимая руки к сильно бьющемуся сердцу, стараясь говорить как можно спокойнее и тверже, она ответила:

— Я не знаю, как к вам попали эти расписки. Я писала их господину Штрумме, но я за все расплатилась с ним.

— Расплатились? — иронически проговорил Рущинский.— Если бы это было так!

— Клянусь вам! Клянусь! — Тася умоляюще смотрела на гостя. Ей показалось, что он сочувствует ей, волнуется.

— Нет, вы не расплатились,— продолжал Рущинский.— У вас нет доказательств. И вот пришло время. За услуги, которые в свое время вам оказал господин Штрумме, он тоже требует услуги.

— Услуги! Какой?! — Тася широко открыла глаза.

— Совсем небольшой. Об этой услуге не узнает никто, кроме вас и меня. Но взамен ее вы получите сейчас же, здесь, все компрометирующие вас документы, все до одного, и тогда...

Он ласково, ободряюще посмотрел на молодую женщину.

— Но что я должна сделать? — растерянно спросила Тася.

Рущинский показал на фотоаппарат, висевший у него на плече.

— Дайте возможность мне познакомиться с материалами вашего мужа. С его записными книжками, с черновыми тетрадями, с ящиками его письменного стола. Я ничего не возьму, уверяю вас.

— Негодяй! — задыхаясь, проговорила Тася и вскочила со стула.— Уходите немедленно, иначе я...

Рущинский встал и шагнул к ней.

— Вы меня гоните, гоните человека, спасающего вас?

— Спасающего! — горестно воскликнула Тася.— О, теперь я знаю цену этому спасению!.. Тогда, на улице, вы меня тоже «спасли»... Наверно, все это было подстроено.

— Да, подстроено! — резко и зло ответил

Рущинский.— Я не отрицаю. Я должен был познакомиться с вами.

— Уходите немедленно! Уходите! Я позову на помощь! — исступленно повторяла Тася.

— Тише! — Рущинский угрожающе поднял руку.— Вы только погубите себя. Не забывайте о муже, о брате. Вам недостаточно этих документов? Хорошо! Я вам представлю еще один, подтверждающий ваши отношения со Штрумме. Вот он!

Рущинский шагнул к радиоле, быстрым движением открыл крышку, вынул из своей папки целлулоидную патефонную пластинку и запустил механизм. В комнате зазвучала «Метелица». Пел Лемешев. Тася подняла голову и расширенными от удивления глазами следила за действиями Рущинского. Поставив пластинку, он закурил и посмотрел на Тасю.

«...Ты постой, постой, красавица моя...» — пел Лемешев. И вдруг песня оборвалась. Наступила маленькая пауза, и затем скрипучий деревянный голос на ломаном русском языке четко произнес фразу, заставившую Тасю вздрогнуть:

«Пусть фрау Барабихин не волновалась... Это мой кляйне презент фрау...»

«О, господин Штрумме,— услыхала Тася свой голос.— Но как на это посмотрит мой муж?»

И снова скрипенье:

«Вы умный женщина. Муж ничего не должен знайт... Мы с фрау Барабихин будем иметь, как это по-русски — гехейм... секрет... Когда-нибудь фрау сделайт мне тоже услуга за услуг... Абер аллес... Все будет в секрет...»

Рущинский сунул в пепельницу окурок и остановил диск радиолы.

— Слыхали? — спросил он.— Убедились? Не думаю, чтобы вам доставило удовольствие прослушать эту пластинку еще раз, в кабинете следователя, после того, как вас арестуют...

Тася была окончательно раздавлена, она теряла последние остатки сил и самообладания. Рущинский видел это и спешил.

— Все, что вы сейчас прочли и прослушали, я оставлю вам, а сам растворюсь, исчезну. Но услуга за услугу. Я пройду в кабинет, просмотрю бумаги, и никто, ни одна человеческая душа об этом не узнает.

Рущинский отлично понимал, что в случае согласия на эту «единственную» услугу Барабихина окончательно окажется у него в руках. В следующий раз ему уже не придется церемониться с нею.

Он подошел к двери кабинета и взялся за ручку. Остановившимся взглядом следила Тася за ним. Что делать?!.

Рущинский открыл дверь и шагнул к письменному столу. Там лежали бумаги, блокноты, книги. Шпион нагнулся над столом.

В этот момент в коридоре послышались шаги. Кто-то подошел к двери комнаты и постучал. Рущинский замер на месте.

— Таисия Игнатьевна! — раздался голос Володи, племянника соседки.— Можно позвонить по телефону?

Красноречивым жестом Рущинский показал на радиолу, потом на фотоаппарат. И Тася повиновалась.

— Немного позже, Володя! — произнесла она слабым голосом.

Глаза шпиона радостно блеснули. Он победил. Жертва повиновалась. Но оставаться дольше в квартире было рискованно.

Рущинский торопливо раскрыл первую попавшую под руку тетрадь Барабихина, вытащил из футляра фотоаппарат и переснял несколько страниц.

А еще через минуту, убрав фотоаппарат, спрятав в папку патефонную пластинку и расписки, он обернулся к Тасе.

— Завтра ровно в двенадцать я жду вас... как обычно,— шепотом сказал он.— Я верну вам все: пластинку, расписки. Жду ровно в двенадцать!

Тася молчала. Она не могла произнести ни слова.

— Да не волнуйтесь,— торопливо проговорил Рущинский.— Всего-навсего одно небольшое одолжение, о котором никто никогда не узнает. Поймите, в этом спасение и счастье для нас всех.

Еще раз кивнув головой, Рущинский вышел из комнаты. В полутемном коридоре, уже у входной двери, он столкнулся с Володей. Тот посторонился, и шпион беспрепятственно вышел из квартиры.

Хлопнула входная дверь, и этот звук как бы пробудил Тасю. Она заметалась по комнате. «Что делать? Что делать?» — шептала она, натыкаясь, точно слепая, на стулья, стол, тумбочки. Ее била лихорадочная дрожь.

Тася представила себе лицо мужа, который поздним вечером вернется домой. «Ванечка, родной, любимый!» Что она скажет ему! Скроет, солжет? Или бросится перед ним на колени и расскажет все, не утаивая ничего, ни одного слова? Нет, нет, на это у нее не хватит сил!

Голова ее пылала, в горле пересохло, сердце стучало так, что, казалось, готово было выскочить из груди.

«Что делать? Где выход?..»

Взгляд Таси упал на коробку с домашней аптечкой, которую она недавно вынула из шкафа, собираясь оказать помощь Рущинскому. «Вот он, выход! Отравиться, умереть, избавить себя и других от позора, страданий!»

В аптечке есть несколько пакетиков с таблетками снотворного. Этот порошок Барабихин иногда принимал на ночь, чтобы скорее уснуть после напряженного умственного труда.

Вся дрожа, почти не сознавая, что делает, Тася высыпала на стол содержимое аптечки и стала быстро разворачивать пакетики.

В это время в дверь негромко постучали.

— Да! — машинально ответила Тася и резко повернулась.

На пороге стоял Володя. Он молча прошел в комнату, увидел пакетики, валявшиеся на столе, прочел название и укоризненно покачал головой.

— А вот это зря! Совсем зря! — сказал Володя.

С этими словами Володя собрал все таблетки, всыпал их обратно в коробку и отставил ее в сторону. Затем наклонился над пепельницей и посмотрел на окурки.

— Вы разве курите, Таисия Игнатьевна? Нет? Очень хорошо... очень хорошо!

Володя взял из пепельницы окурки, оставленные Рущинским, завернул их в листок бумаги и спрятал в свой целлулоидный портсигар.

Опустившись в кресло, Тася смотрела, как Володя быстро и бесшумно двигался по комнате, слышала его голос... Все было так странно и непостижимо: второй раз сегодня посторонний мужчина входил в ее комнату, распоряжался, приказывал.

— Разрешите, Таисия Игнатьевна, позвонить по телефону,— обратился к ней с просьбой Володя.— Телефон, кажется, в соседней комнате?

Тася кивнула головой. Володя отворил дверь в кабинет Барабихина и не закрыл ее. Через минуту Тася со смешанным чувством изумления, страха и радости услыхала, что Володя говорил по телефону:

— Товарищ полковник? Докладывает лейтенант Зеленин. Объект был в течение получаса. Ушел... Да... Так точно. Я действовал по вашим указаниям. Нет, товарищ полковник, отлучиться не могу... Говорю из квартиры Барабихиных... Нет, товарищ полковник, не могу, такие обстоятельства сложились, что я здесь нужен. Да... Подробности доложу... Выезжаете? Есть! Понятно!

Володя положил трубку и подошел к Тасе.

— Извините,— сказал он,— что при первом знакомстве не представился полностью. Лейтенант Зеленин. А зовут меня, действительно, Володя.

Удачный клев

Хорошо летним вечером на берегу реки! Воздух, пронизанный нежаркими лучами солнца, прозрачен и неподвижен. Вода полусонно, как бы нехотя, плещется у берега. Кругом тишина, безлюдье. Изредка где-нибудь появится одинокая фигура заядлого рыболова, который облюбует уединенное местечко, устроится поудобнее, подальше от купальщиков и детворы, да так и застынет на долгие часы.

Вот и сейчас на сорок восьмом километре от Москвы, на берегу тихой речки в вечернюю пору сидел любитель-рыболов и терпеливо ждал клева. Он пристроил на рогатых колышках две удочки, опустил в ямку ведерко с водой, положил рядом парусиновый пиджак и соломенную шляпу и углубился в созерцание поплавков. Они плавно покачивались на воде. Иногда какой-нибудь из них начинал вздрагивать и нырять. Рыболов быстро «подсекал» и, потянув к себе удилище, снимал с крючка серебрившуюся на солнце рыбешку и опускал ее в ведерко. Сегодня клев был удачный: в ведерке уже плескалось около десятка рыбок.

Место рыболов выбрал отличное, удаленное от дачных поселков и пляжных пятачков. Небольшая, но густая рощица, подступавшая к самой воде, скрывала его от редких прохожих, появлявшихся на изгибе проселочной дороги. Проселок тянулся по холмам за деревьями, и сюда, к месту рыбалки, никто не заглядывал.

Через некоторое время, взглянув на часы, рыболов поднялся и, оставив на месте закрепленные удочки, отошел в тень, к деревьям. Раздвинув густой кустарник, он достал тщательно запрятанный небольшой чемоданчик вроде тех, с какими спортсмены обычно отправляются на тренировку. Он раскрыл чемоданчик. В нем под темносиней майкой, тапочками и газетой оказался аппарат, похожий на обыкновенный радиоприемник. Но любой радист сразу узнал бы в нем переносный коротковолновый приемо-передатчик.

Привычным движением он раскрутил моток провода и забросил его на дерево. Затем присел на землю возле аппарата, включил питание, надел на голову наушники и отрывисто, с короткими паузами застучал ключом. Через несколько секунд рыболов выключил передат-

чик, включил прием и вслушался. Так он проделал два — три раза, пока ему, видимо, ответили, что позывные приняты и его слушают. Тогда рыболов быстро, почти без перерывов начал выстукивать ключом. Теперь он торопился, глаза его тревожно бегали по сторонам, лицо покрылось пóтом, руки дрожали.

Через две — три минуты, закончив передачу, рыболов снова переключился на прием и, убедившись, что его сообщение принято, удовлетворенно кивнул головой, быстро смотал провод и закрыл чемоданчик. Поверх аппарата, прикрыв его, снова легли майка, тапочки и газета.

Запрятав чемоданчик на прежнее место в кустарник, рыболов вернулся к своим удочкам. Один поплавок спокойно плавал на воде, а другой, отнесенный вправо, бился и подскакивал. Но теперь рыболов не обращал внимания на поплавки. Он вытер носовым платком влажное от пота лицо и глубоко вдохнул в себя воздух. Только после этого он вытянул очередную рыбешку и равнодушно бросил ее в ведерко. Теперь надо было уходить, дело сделано! А перед уходом можно закурить, подумать, отдохнуть...

Рыболов поудобнее устроился на прибрежном песке, обхватил руками колени и стал задумчиво глядеть вдаль, поверх воды. Так он просидел несколько минут. Видимо, мысли его витали далеко-далеко. Только этим можно было объяснить, что он не обратил внимания, как снова затрепетал, запрыгал на легкой волне поплавок. Не услышал он и легких шагов позади себя.

Из-за деревьев бесшумно вышли два человека и стали за спиной рыболова. Он очнулся от задумчивости только тогда, когда его тронули за плечо. Он резко вскинулся всем телом и попытался встать, но сильные руки прижимали его к земле.

— Спокойно! — тихо, но властно произнес один из пришедших, извлекая из заднего кармана брюк рыболова браунинг.— Теперь можете встать. Вы арестованы!

Рыболов вскочил на ноги и повернулся. Один из подошедших к нему людей, невысокий, коренастый, ловким движением защелкнул на кистях его рук наручники. Рядом, держа пистолет в руках, стоял высокий широкоплечий мужчина. У его ног лежал чемоданчик, еще недавно находившийся в кустах.

— Не двигаться! — приказал он и, подняв с земли пиджак рыболова, быстро осмотрел его.

Рыболов в эти минуты не произнес ни слова. Лицо его стало совершенно белым. Он прищурил, почти закрыл глаза, в которых вспыхнули огоньки ожесточения, отчаяния и злобы. Огромным усилием воли он погасил это чувство... Теперь у него был обиженный, недоуменный вид. Под взглядами людей, арестовавших его, он опустил голову и прошептал, что это произвол, что он будет жаловаться.

— Вы хотите еще что-нибудь сказать? — спросил мужчина.— Нет? Предъявляю вам ордер на арест. Видите? Хорошо. Распишетесь потом.

Рыболов молчал.

— Сейчас смотаем ваши удочки,— продолжал мужчина.— Вот так. Эх, жаль рыбешек! Придется выпустить их в реку.— Он выплеснул содержимое ведерка в воду и огляделся.— Ну, кажется, все. Машина недалеко. Пошли...

Справка из энциклопедии

Когда утром следующего дня капитан Уваров вошел в кабинет полковника Дымова, он увидел разложенные на диване радиоаппарат, браунинг, патефонную пластинку и фоторасписки. Сам полковник, наклонившись над столом, дочерчивал схему, ту самую, которую несколько дней назад рисовал в присутствии капитана. Теперь на схеме все было четко и предельно ясно. В кружке, где ранее был вписан Сиротинский, прибавилось два слова: Рущинский и Ягуар.

— Ну, спасибо, дружище,— сказал полковник, не поднимая головы.— Мы с тобой сделали важное дело, взяли крупного зверя, который мог доставить немало хлопот.

— Уже допрашивали его? — поинтересовался Уваров.

— А как же! — усмехнулся Дымов.— Уже имел удовольствие познакомиться с Рущинским-Сиротинским, он же «Ягуар-13».

— Ягуар-13? — недоуменно переспросил капитан.

— Хозяева пойманного нами зверя тяготеют к зоологии,— пояснил полковник.

— Понятно! — довольным голосом проговорил капитан. Он подошел к дивану и с нескрываемым интересом стал разглядывать разложенные на нем предметы.— А это что? — спросил он, показывая на патефонную пластинку и фоторасписки.

— Снаряжение шпиона. Средства для шантажа и запугивания,— отозвался полковник и затем добавил: — Убедительные улики. Упорствовать и отрицать вину при таких уликах нелепо даже для ягуара.

Капитан сел в кресло возле стола. Дымов, улыбаясь, посмотрел на помощника.

— Выкладывай, Алексей Петрович, какие у тебя еще вопросы? — внезапно предложил он.

Подумав некоторое время, капитан спросил:

— Почему Рущинский, или, как он тогда назывался, Сиротинский, вначале стал встречаться с Липатовой?

— Правильный вопрос. Давай послушаем, что говорит по этому поводу сам «Ягуар».

Дымов вытащил из папки протокол допроса, перелистал несколько страниц и прочел вслух:

— «Два месяца назад я получил важное задание... Барабихин! Меня снабдили деньгами, коротковолновой аппаратурой. Вначале мне предоставили возможность самому искать подходы к институту, к Барабихину. Так появился Сиротинский, так возникло знакомство с Липатовой... Результат вам известен. Я должен был скрыться...»

— Разрешите второй вопрос.

— Прошу.

Уваров показал на диван.

— Патефонная пластинка, фотокопии... Неужели все это хозяйство у Рущинского было с первого дня появления у нас?

— Нет, капитан. Это было бы слишком неосмотрительно. Все это хозяйство он получил от некоего господина, с которым встретился в отделе тканей универмага. Кто этот господин? Не знаем. Пока не знаем. Повидимому, из числа тех, кто открыто пользуется гостеприимством нашей страны. Шпионы опознали друг друга вот по такому кольцу.

Полковник вынул из ящика стола кольцо с серебристой змейкой и показал его помощнику.

— Если бы не старая Гартвиг,— медленно проговорил он,— такое же кольцо оказалось бы у Барабихиной. По замыслу шпионов это кольцо должно было убедить Барабихину в том, что она уже является их агентом.

— Дьявольская затея! — не выдержал капитан Уваров.

Дымов молча вышел из-за стола и подошел к распахнутому окну. Площадь, омытая недавним дождем, выглядела нарядно. Огромная клумба с георгинами, астрами и другими цветами, уже тронутыми первым дыханием осени, придавала площади веселый, живописный вид. Потом Дымов шагнул к книжному шкафу, вынул том в кожаном переплете, полистал его и прочел вслух:

— Ягуар — хищное млекопитающее... дикая кошка Нового света, иногда называется американским тигром. Опасен для человека... Охотится в сумерки или ночью.

Накануне матча СССР-США

Америка дала шахматному миру немало известных мастеров. Любители шахматной игры до сих пор восхищаются блестящим творчеством американца П. Морфи, романтика шахматного искусства прошлого века (1837—1884).

Соперничество за шахматной доской между русскими и американцами началось давно. В России бывали знаменитые американские шахматисты Г. Пильсбери, Ф. Маршалл. Неоднократно у нас гостили гроссмейстеры С. Решевский и Р. Файн. Нашими гостями были также американские шахматистки Г. Грессер и М. Карфф. Неоднократно пересекали океан крупнейшие русские шахматисты М. И. Чигорин и А. А. Алехин.

Американские шахматисты четырежды завоевывали первенство на шахматной олимпиаде и становились командным чемпионом мира. Правда, среди шахматистов не было уверенности в этом первенстве, поскольку в этих олимпиадах не участвовала команда СССР. (В 1952 году в Хельсинки команда СССР впервые участвовала в олимпиаде и заняла первое место.) Но американцы утверждали, что участие сборной команды СССР не помешало бы им стать чемпионом.

Первый матч между американской и советской командами состоялся в сентябре 1945 года. Он игрался по радио. Шахматный мир был изумлен результатом: 15.5—4.5 в пользу сборной СССР! Такого разгрома меньше всего ожидали сами американцы. Ботвинник легко победил тогдашнего чемпиона США А. Денкера в двух партиях, молодой В. Смыслов выиграл обе партии у С. Решевского (факт, который особенно сильно огорчил американцев), И. Болеславский позволил Р. Файну свести одну партию вничью. Пол-очка из шести возможных на первых трех досках! Полное разочарование для американских шахматистов! Что делать? Скорее бы отыграться! Эту возможность американцы получили. Они были приглашены в Москву в сентябре 1946 года. Американцы готовились к этому матчу тщательно. Несмотря на их большие старания, реванш не состоялся: советские шахматисты победили со счетом 12.5—7.5.

В Хельсинки в 1952 году в финале американцы добились ничейного результата с нашей командой (2 : 2). Этот результат немного ободрил американских шахматистов, которые упорно верят, что советских шахматистов все же можно победить. По радио не получилось, в Москве тоже не вышло, надо попробовать на своей территории. И вот советские шахматисты были приглашены в Нью-Йорк в 1953 году.

Хорошо известно, что в матче СССР—США в 1953 году первый ход сделал госдепартамент США. Этот ход был весьма неделикатный и невежливый: находясь на пути в США, в Париже, советские шахматисты узнали, что им не будет разрешаться выезжать из Нью-Йорка даже на советскую дачу в Гленкове. От такого «гостеприимства» пришлось отказаться. Нелепое распоряжение не принесло лавров госдепартаменту.

Очевидно, под давлением общественного мнения госдепартаменту пришлось пойти на уступки. Советские шахматисты снова приглашены в Нью-Йорк.

На что можно рассчитывать в третьей попытке американцев победить нашу сборную команду? Советское шахматное движение располагает неисчерпаемыми ресурсами сильных шахматистов. Чем больше досок, тем выгоднее нам. Американцы это учли и поэтому просили сыграть матч не на десяти досках, а только на восьми. Это в некоторой степени увеличивает шансы американцев.

В эти дни в Нью-Йорке очень жаркая погода. Но советские шахматисты только недавно в матче с сильным противником в Буэнос-Айресе доказали, что победить можно и в тяжелых климатических условиях.

В обеих командах больше половины молодых шахматистов. Поэтому матч является демонстрацией того, что дало шахматному миру за последние десять лет советское и американское шахматное движение.

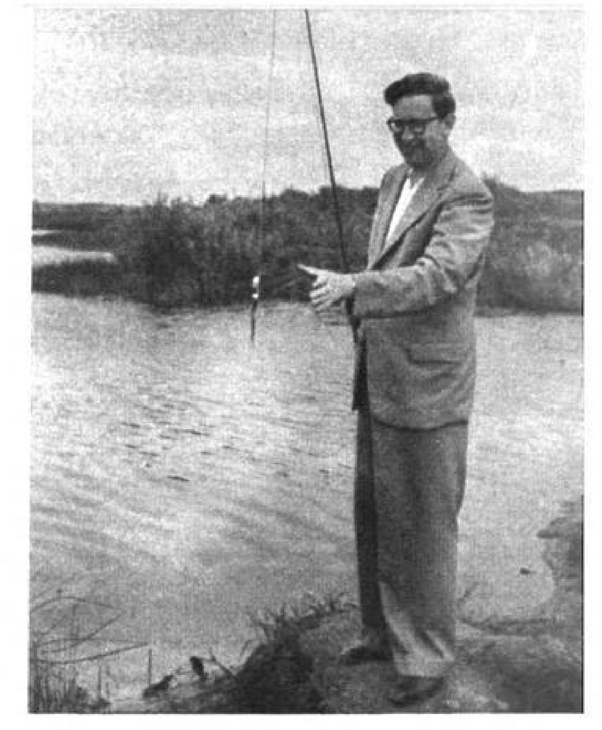
Из отдельных встреч большой интерес вызывает встреча В. Смыслова с С. Решевским. Если вспомнить прошлое, то у Решевского должны быть грустные воспоминания: американский гроссмейстер проиграл Смыслову четыре партии.

Матч СССР—США в Нью-Йорке играется в четыре круга. Бесспорно, что матч, который вызывает огромный спортивный интерес, будет протекать в напряженнейшей спортивной борьбе. Можно не сомневаться, что американские шахматисты к нему тщательно готовились. Американцы мечтают выиграть этот матч.

Однако у нашей шахматной и спортивной общественности есть основания и на этот раз быть уверенными в успехе советских шахматистов. Мы хорошо знаем проверенную в международных боях ударную силу нашей шахматной команды. Вопрос, по-моему, только в том, с каким счетом будет победа.

Сало ФЛОР

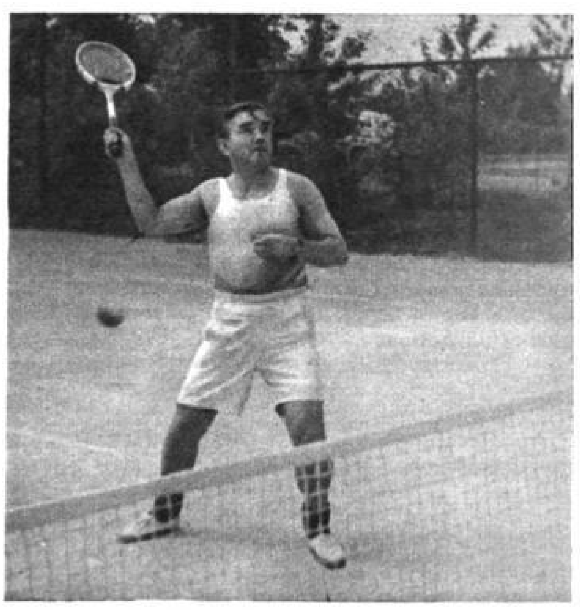
Фото С. Фридлянда.

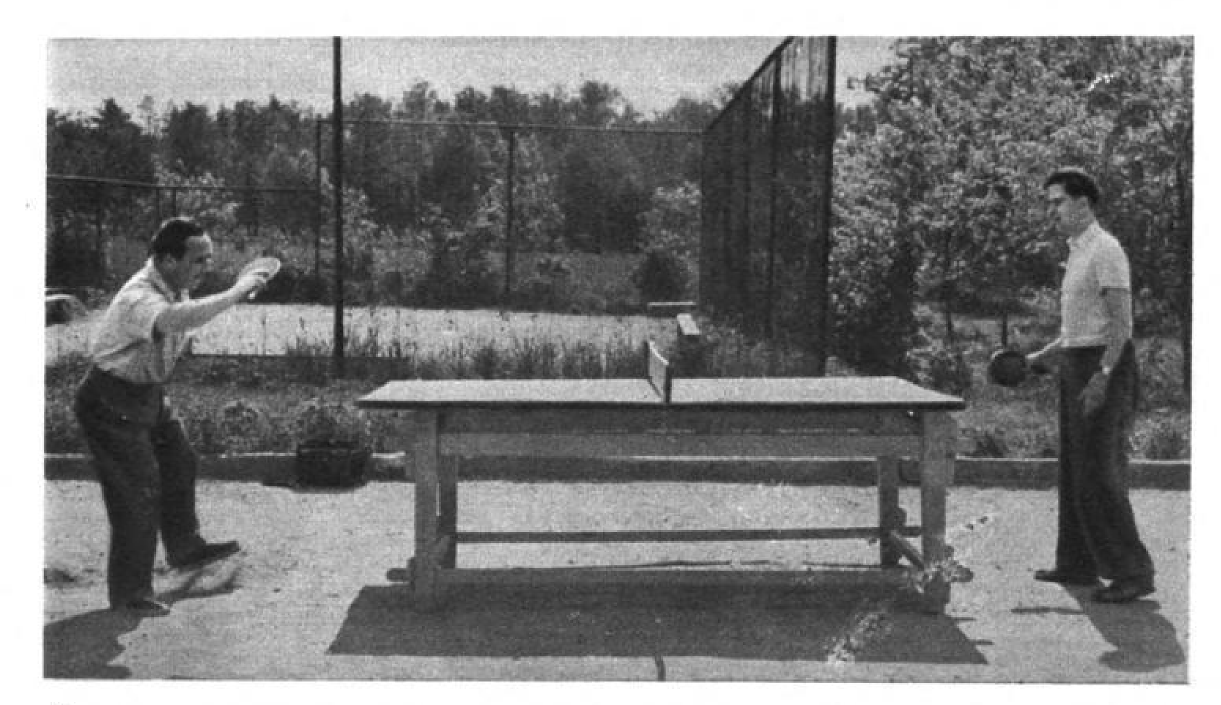
У Василия Смыслова явная «ничья».

Тигран Петросян и Юрий Авербах гадают: «состоится или не состоится»?

Александр Котов «зевнул».

Не думайте, что шахматисты перед соревнованиями проводят все время только за шахматной доской. Наш корреспондент посетил советских гроссмейстеров в день отдыха... Вот встретились Ефим Геллер с Паулем Кересом.

Марк Тайманов консультируется с сыном Гарриком.

Из тайги на киностудию

Мих. ДОЛГОПОЛОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Тигрица Рада.

...По тайге пробирается тигр. Он направляется к дереву, где сидят Галина и Василий. В испуге вскакивает Галина. В десяти метрах от себя она видит тигра. Василий подсаживает девушку на дерево...

— Помогите! — в ужасе кричит Галина.

Тигр бросается к дереву, на которое взобралась Галина...

Это несколько кадров из будущего приключенческого фильма «Опасные тропы», ставящегося сейчас в студии «Мосфильм» по сценарию Георгия Мдивани режиссерами А. и Е. Алексеевыми.

Оператору Борису Волчеку придется снимать в фильме с участием уссурийских тигров опасные сцены.

Кто из артистов решится подвергнуть себя опасности, встречаясь, как это требуется по ходу действия фильма, лицом к лицу с тигром? Да и позволят ли представители охраны труда на киностудии, чтобы участникам съемочной группы грозила хотя бы малейшая «неприятность»? Естественно, нет! На помощь режиссерам, кинооператору и артистам пришел мастер советского цирка, опытный дрессировщик Борис Эдер.

...Когда проходишь по длинному коридору «Мосфильма», еще издали слышишь глухое, раскатистое рычание. Одно из помещений студии превращено временно в уголок цирка. Он обнесен высокими железными прутьями, его пол, как на настоящем цирковом манеже, усыпан опилками. На стенах «цирка» — предостерегающие надписи.

...В четырех клетках из угла в угол ходят, рыча, большие красивые хищники. Трех из них, Раду, Байкала и Ахилла, в середине марта привезли сюда из далекой Уссурийской тайги. Их поймали в конце декабря прошлого года отважные звероловы. Месяцем позже к этим трем хищникам присоединился Пурш, родившийся в одном из зверинцев.

Часами Борис Эдер просиживает у клеток с тиграми. Он присматривается к ним, изучает их характеры, повадки, привычки. Выясняет, что им нравится, что они любят, против чего протестуют. Дрессировщик узнает, как тигры реагируют на его поступки, на малейшее движение, на различные интонации. Эдер сам кормит и поит тигров, подолгу «беседует» с ними, называет их по именам, шутит с ними, приучая к себе зверей.

Суровая природа Уссурийской тайги заставляет тигров быть особо изворотливыми в преодолении многих трудностей, связанных с добычей корма. Поэтому тигры очень настороженны, недоверчивы, коварны и в то же время экспансивны. В любой момент можно ожидать от них самых непредвиденных, молниеносных выпадов, резкого проявления диких инстинктов.

Опыт работы на арене весьма пригодился Эдеру и в киностудии. Выяснилось, что наиболее загадочным и пока «нераскрытым» является Ахилл. Он трудно поддается дрессировке, не слушается человека, непрерывно огрызается. Пурш, хотя родился и воспитывался в неволе, также окончательно еще не изучен Эдером и заставляет дрессировщика особо настороженно относиться к этому зверю.

В ожидании выступления...

Рада и Байкал ведут себя лучше. Они уже научились вскакивать на тумбы, установленные в клетке, и проходить по длинной узкой жер-

Первое знакомство.

Пурш научился ходить на поводке.

ди. Рада покорно вспрыгивает на большую деревянную корягу. Ведь во время съемок фильма Раде придется бросаться на дерево, на которое забралась героиня картины Галина...

Эдер одновременно подготавливает двух молодых укротителей — Маргариту Назарову и Константина Константиновского. Они примут участие в съемках «Опасных троп».

Я видел, как смело, только лишь с палкой в руках, входят они в клетку к тиграм, как спокойно обращаются с ними, заставляя их выполнять некоторые трюки.

Но бывают и напряженные, рискованные положения. Недавно во время работы с Байкалом, когда в клетке находились Константиновский и Эдер, молодой дрессировщик поскользнулся и упал. Байкал, до этого совершенно спокойно стоявший в дальнем углу, неожиданно бросился к Константиновскому. Эдер, ни на мгновение не выпускавший тигра из поля зрения, не растерялся и, схватив фанерную тумбу, бросил ее тигру в морду. Ошарашенный Байкал остановился, а затем отпрянул в сторону. Константиновский вскочил на ноги. Пожарный, стоявший за железной решеткой клетки, с облегчением отвел в сторону свой брандспойт. Мощная струя воды не понадобилась. Тигра «охладила» находчивость опытного дрессировщика.

...Киноэкспедиция «Мосфильма» выехала на натурные съемки. Часть эпизодов фильма будет сниматься в Грузии, где на пленку заснимут все трюковые кадры с тиграми. На экране зрители увидят не комбинированные съемки, обычно подменяющие все опасные эпизоды в фильмах, а реальные, снятые на натуре эпизоды с участием артистов цирка.

Огромную территорию в лесистой местности под Боржоми огородят высокими железными щитами, через которые не смогут перепрыгнуть хищники. Естественно, что все будет сделано под настоящую Уссурийскую тайгу — с завалами старого леса, непроходимыми чащами. Руководители киноэкспедиции и Б. Эдер стремятся предусмотреть мельчайшие детали, чтобы спокойно и безопасно для жизни артистов провести трудные и сложные съемки. На всякий случай из Москвы к месту работы экспедиции отправлена большая цистерна с мотопомпой и брандспойтами.

Надо думать, что обитатели Уссурийской тайги — свирепые тигры, — неплохо, точно по сценарию, сыграют свои роли.

Б. Эдер со своими учениками М. Назаровой и К. Константиновским.

Опасный момент...

После работы.

Рисунки Н. Лисогорского.

«По-хозяйски»

Михаил ЗАБОРСКИЙ

— Экий ты, брат, невезучий! — упрекает Павлик Сеньку, и в голосе его звучат нотки пренебрежения. — То она у тебя крючок откусит, то живца сорвет. А уж с Борькой, так это один смех получился. И здесь недоглядел!

Вчера рыжий кот Борис — первый на деревне ворюга, не без задней мысли увязавшийся с ребятами на речку,— похитил изловленного Сенькой щуренка. Кота разыскали только часа через два, когда он, обожравшись, заснул на куче щепы в углу колхозного сарая.

Сенька молчит, скривив большой губастый рот, откуда торчит буроватый стебелек конского щавеля.

Павлик блаженно щурит зеленые глаза, надувает щеки и вдруг сам становится очень похож на Бориса, только что без усов.

— А удачно я все-таки поймал! — шумно выдохнув воздух, продолжает он.— Позавчера две. Вчера четыре. Шесть. Сегодня утром три. Значит, девять. Верных будет три килограмма. И все живые — в садке гуляют. У меня, брат, все по-хозяйски. А завтра Петр Фомич прикатит. Удочку привезет складную. Ну, и еще там кое-что. И все за рыбу. Мы уже с ним давно договорились.

Петр Фомич — заядлый любитель — приезжает из города каждый выходной день на «Москвиче». Его личные уловы — одно горе, однако без рыбы домой он возвращается редко. По деревне давно всем известно: выручают Петра Фомича ребята.

— У тебя к-крючки богатые! — слегка заикаясь, сонно говорит Сенька.

— У меня, брат, все снасти богатые,— подтверждает Павлик.— И достаток большой. Одних жерлиц восемнадцать. Удочек четыре. Поплавков фабричных девять штук. Потому что мы рыбаки коренные. У нас и дедушка Хрисанф зимой окуней на блесну дергает. А батя наш? Ему только время дай — он бредешком всех щурят в речке переведет. А у тебя что? Всего и хозяйства — пара жерлиц, и обчелся.

Юные удильщики лежат на животах около узкой канавки, выходящей в реку из маленького травянистого заливчика, и рассеянно смотрят в воду. Речка ослепительно сверкает в лучах полуденного солнца. На противоположном берегу отмель, где сгрудилось колхозное стадо. Жарко. Тихо. Одни кузнечики стрекочут в траве, да изредка взревет укушенный слепнем какой-нибудь дурашный теленок.

— И еще на рыбу счастье надо,— поучает Павлик, и голос его звучит совсем как у дедушки Хрисанфа — тягуче, с хрипотцой.— А оно, брат, не всякому дается. Взять хоть тебя, например. Бьешься, бьешься, а ловишь что? Так, чепуху! А вот я почему-то всегда с удачей. Любит меня рыба. Эвона, гляди!

Из канавки в реку зеленой стрелой выскакивает небольшой щуренок и смаху тычется носом, очень похожим на долото, в подбережину. Секунду он стоит как бы в недоумении, слабо пошевеливая плавниками, потом пятится назад и быстро исчезает в глубине.

— Видал? — подмигивает Павлик Сеньке, толкая его локтем в бок.— Это он меня почуял. Ко мне, брат, все щуки бегут. Здрасте, говорят, щучий король!

Восхищенный собственной остротой, Павлик переворачивается на спину, болтает в воздухе длинными ногами и довольно хохочет.

— Мало тебе расчета рыбой заниматься,— продолжает он немного спустя.— Раз не дается. Это как у Петра Фомича. Тоже целое лето человек мучается, а поймать не может... А знаешь, чего он прошлый раз сказал? Откроюсь, говорит, тебе, Павлуша. Кабы не ты, нипочем бы меня жена на рыбалку не отпускала. Такая уж у меня жена — как приедешь пустой, обязательно неприятность. На тебя, значит, только вся и надежда. А без рыбалки, говорит, я никак не могу... Душа, говорит, у него тоскует. Вот еще чудак! Я бы на его месте плюнул, раз не получается.

— Н-нет, это он правильно! — как бы про себя говорит Сенька, не отрывая глаз от воды.— Еще пара сиганула. Скажи, пожалуйста! И опять из протоки!

— Я же тебе объясняю. Признала меня рыба,— разомлев от жары, бормочет Павлик.— А брать она сейчас не будет. Зато я ее к вечеру. По-хозяйски...

— Четвертый! — теперь уже в полный голос говорит Сенька и поднимается. Он невысок, коренаст, ноги у него короткие, чуть с кривизной. Волосы встрепаны, как у только что проснувшегося человека. А вот карие глаза, оказывается, вовсе не сонные, а бойкие, живые.

— Г-где у тебя с-садок-то?

— Где и был. А тебе что? — опасливо спрашивает Павлик и вдруг бледнеет.

Спустя минуту он, высоко вскидывая ноги, мчится к дальнему углу заливчика. За ним шариком катится Сенька. Даже не скинув штанов, Павлик шумно забредает по пояс в густые заросли рдеста, нагибается, шарит руками и, тужась, вытаскивает на берег грубо сколоченный деревянный ящик. Крышка садка откинута, сбоку жалобно позвякивает кольцо; на нем болтается обрывок размочаленной веревки из домашнего суровья. Павлик машинально берется за веревку, и она, как размокшая бумага, отрывается и падает на траву.

— Перепрела! — шепчет он.— Шесть да три — девять!

— П-по-хозяйски! — силясь не смеяться, говорит Сенька.— Они, выходит дело, к тебе не здороваться, а прощаться приходили. Эх ты, х-хвалена!

Из почты «Огонька»

Соловей в... трубе

Ясным весенним днем я проходил берегом водоотводного канала в Тушине. Вдруг за спиной раздалось соловьиное пение. Метрах в десяти рос густой кустарник, однако пение соловья доносилось не оттуда. Прислушиваясь и соблюдая осторожность, я стал продвигаться по откосу дороги и с удивлением обнаружил, что соловей поет в... трубе, проложенной под дорогой для отвода грунтовых и вешних вод. Одним концом труба выходила на откос дороги, а другим — к открытому лотку. По ней бежал небольшой ручеек из лотка.

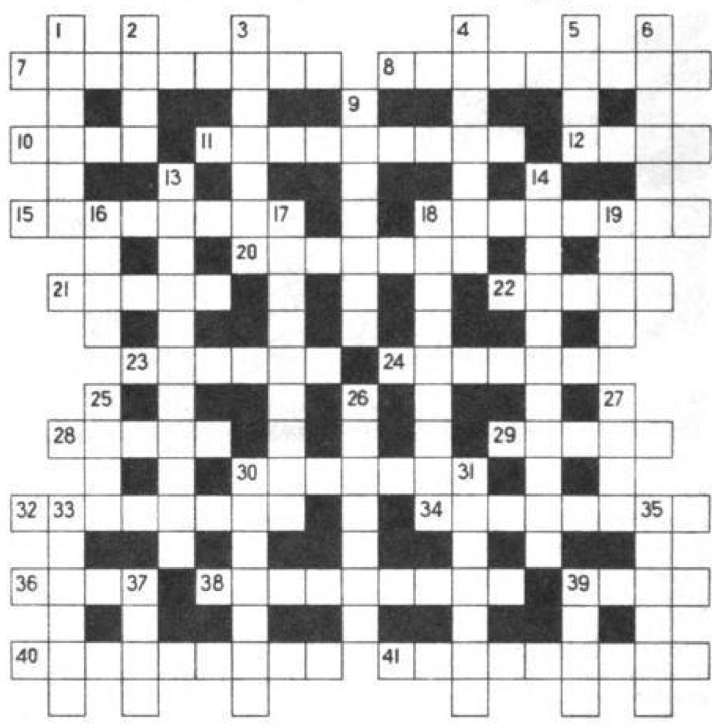
«Пернатый царь лесных певцов», не умолкая, заливался на этот раз не среди ветвей, а в большой трубе, которая, как своеобразный рупор, усиливала его пение. Стоя в двух шагах от выхода трубы, я с наслаждением слушал соловья, но в это время его вспугнул неосторожный прохожий. Соловей выпорхнул из своего «концертного зала» и перелетел в кустарник.

Что привлекло птицу в трубу и заставило петь? Погоня ли за каким-нибудь насекомым, тихое ли журчание ручья или акустические свойства трубы — на это может ответить лишь сам певец.

Инженер Н. ГАМАЗИН.

Тушино,
Московской области.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Точные часы. 8. Мировоззрение. 10. Перекрытие. 11. Сельскохозяйственная специальность. 12. Транспортируемый товар. 15. Курорт в Донбассе. 18. Здание, постройка. 20. Музыкальная пьеса. 21. Движение в воздухе. 22. Французский писатель-коммунист. 23. Произведение О. Бальзака. 24. Манера произношения. 28. Сообщение. 29. Приток Северного Донца 30. Сорт печенья. 32. Научное учреждение. 34. Деталь механизма. 36. Белорусская народная плясовая песня. 38. Ценное, дорогое. 39. Дерево из семейства березовых. 40. Вязанье, вышиванье. 41. Специальность типографской работницы.

По вертикали:

1. Отдых в пути. 2. Электрод. 3. Последователь направления в литературе и искусстве. 4. Сосуд для перегонки жидкостей. 5. Ударный музыкальный инструмент. 6. Маринованные овощи. 9. Декабрист. 13. Спортсмен. 14. Положительное качество. 16. Газ. 17. Основная мысль, система взглядов. 18. Ученая специальность. 19. Персонаж оперы А. Аренского. 25. Река в азиатской части СССР. 26 Русский живописец-портретист. 27. Часть экскаватора. 30. Оптический прибор. 31. Труднопроходимое место. 33. Город Молотовской области. 35. Жители одной из стран Азии. 37. Южное растение. 39. Персонаж из произведения «Фата моргана» М. Коцюбинского.

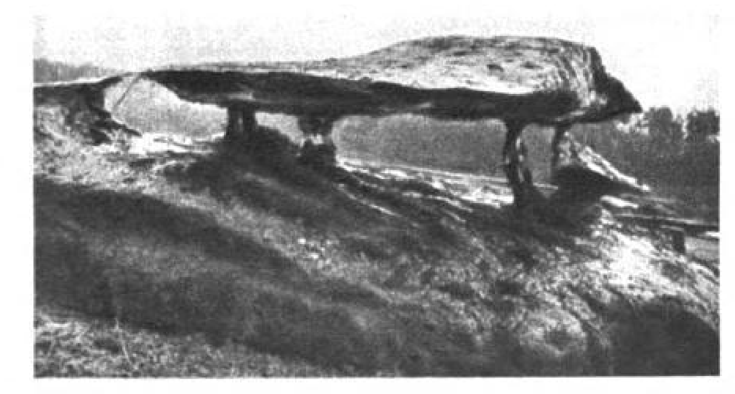
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

7. Кораблестроение. 9. Арслан. 10. Критик. 12. Керес. 13. Спектр. 16. Работа. 18. Антонио. 21. Бром. 22. Золя. 23. Беляк. 24. Прага. 25. Юнга. 26. Лань. 27. Краплак. 29. Мурава. 31. Аптека. 33. Просо. 35. Алигер. 37. Леонов. 39. «Прозаседавшиеся».

По вертикали:

1. Бобр. 2. Камлот. 3. Бланк. 4. Аракс. 5. Ремиза. 6. Фили. 8. Сверло. 9. Аспирантура. 11. Котельников. 14. Камбала. 15. Разлука. 16. Ромашка. 17. Базальт. 19. Такса. 20. Непал. 28. Провод. 30. Вогезы. 32. Пролив. 33. Пресс. 34. Олива. 36. Лира. 38. Орск.

Из почты «Огонька»

НА БЕРЕГУ РЕКИ

Этот снимок сделан в мае под Москвой, неподалеку от усадьбы-музея «Архангельское».

Что изображено на снимке? На первый взгляд кажется, что это камни причудливой формы, похожие на долмены или выветрившийся песчаник. На самом же деле это льдины, вытесненные на берег во время ледохода.

Перехваты-ножки образовались в местах стока холодной воды от тающей верхней льдины.

В. ДИДЕНКО

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин молодых художников и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление В. Епанешникова.

А 05046. Подп. к печ. 8/VI 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 505. Заказ 1653. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Рисунки Ю. Ганфа.

Два американца ушли за город, чтобы там, на лоне природы, вдали от любопытных ушей, поговорить о дороговизне, о безработице, о растущей угрозе войны, о непосильных налогах и...

...что из этого вышло.

Цена номера 3 руб.